

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

www.lgz.ru

№ 13 (6409)
27 марта – 2 апреля 2013 г.

Выходит по средам

Газета основана в 1830 году
при участии А.С. ПУШКИНА

Издание возобновлено в 1929 году
при поддержке М. ГОРЬКОГО

Literaturnaya Gazeta

EUROPE: D – 2,20 €; A – 2,30 €;
B – 2,30 €; PL – 12,90 PLN; L – 2,30 €;
CZ – 75,00 CZK; H – 720 HUF; SP – 2,50 €;
I – 2,50 €; GR – 2,5 €; CYP – 1,35 CYP;
TR – 5 M. TRY; CH – 3,50 CHF; GB – 1,80
GBP; DK – 20,00 DKK; S – 25,00 SEK;
NOR – 25,00 NOK; E – 15 EGP;
USA – 2,50 \$; C – 2,5 CAD

Международное издание

В НОМЕРЕ

Волшебная сила театра

С 1962 года отмечается учреждённый ЮНЕСКО Международный день театра. Наши поздравления актёрам, режиссёрам, всем, кто причастен к волшебной силе театрального искусства. Рецензии на громкие премьеры (как профессионального, так и народного коллективов) и разговор с художником одного из столичных театров в год юбилея Станиславского

НА СТР. 8, 11

«Возврат к социализму неизбежен»

Интеллектуал и телеведущий Анатолий Вассерман в интервью «ЛГ» – об отечественном ТВ, либералах, воссоединении Украины с Россией и перспективах марксизма.

СТР. 10

День поэзии в «ЛГ»

В родовом лермонтовском имени «Середниково» состоялась одна из заметных встреч в рамках Всемирного дня поэзии. Гостям исторической усадьбы был представлен очередной выпуск альманаха «День поэзии – 2012», который объединил под своей обложкой почти сто пятьдесят российских поэтов.

СТР. 15

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ
КЛАСС ПРЕМИУМ

Сверхновая!

Президент России Владимир Путин утвердил три новые премии в области литературы и искусства, которые будут присуждаться за произведения для детей и юношества. «Хотел бы вам сообщить о решении учредить три новые премии президента России в области литературы и искусства. Они будут присуждаться за яркие талантливые произведения для детей и юношества. Каждая – в размере 2,5 млн. рублей», – сказал глава государства на церемонии вручения премий молодым деятелям культуры.

На этой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 19 053 человека. Заходите!

ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСКОЙ КНИГИ

70 лет назад, в разгар войны, мальчишки и девчонки собрались на «Книжкины именины»

М. Пришвин и С. Маршак на сцене Колонного зала

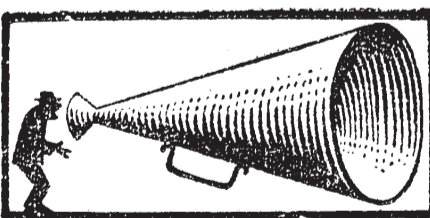
Трудно себе представить, что всё началось в марте 1943 года, в сердце тяжелейшей войны, сразу после Сталинградской и перед Курской битвами. Праздник был организован по инициативе Льва Кассиля и назывался тогда «Книжкины именины». Сотни московских мальчишек и девчонок собрались в Колонном зале Дома союзов на встречу с любимыми писателями: Агнией Барто, Самуилом Маршак, Сергеем Михалковым, Михаилом Пришвиным... Это был праздник, которого так не хватало детям в годы войны: тревога и голод отступили, как отступают и сейчас все проблемы и трудности, – только открой любимую

книгу, и ты оказываешься в другом мире. Таким окошком в счастливый мир детских книг среди войны стал новый праздник. Вскоре он приобрёл статус Всероссийского и Всесоюзного.

25 лет назад я в первый раз оказался на Неделе детской книги в Узбекистане. Тогда разные республики СССР по очереди принимали этот праздник, и, едва начав сочинять, я влился в дружелюбную компанию детских писателей, которую чуть позже мы прозвали «Чёрной курицей». Вместе со Львом Яковлевым я попал в группу именитых писателей: Яков Аким, Валентин Берестов, Сергей

Иванов и Юрий Кушак тепло приняли нас. Неделя детской книги в Узбекистане совпала с Наврузом. В нашу честь играли на улице духовые оркестры, мы побывали в Самарканде, Бухаре и Хиве. И всюду – встречи со школьниками в библиотеках, в детских домах и дворцах культуры, смех и аплодисменты, которые доставались Льву Яковлеву с его игровыми стихами: ведь он, казалось, на лету мог сочинить частушку про любого школьника – хватало только имени.

Окончание заметок лауреата премии «Золотой Дельвиг» Юрия НЕЧИПОРЕНКО – с. 5

СКАЖИТЕ, ДЕВУШКИ

Вопросы генеральному директору Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М.И. Рудомино, кандидату филологических наук, доктору педагогических наук, члену Общественного совета по культуре при Министерстве культуры РФ, почётному доктору филологии Иллинойского университета (США), эксперту фонда Ромуальдо Дель Бианко (Италия), эксперту Международного культурного фонда Екатерине Юрьевне ГЕНИЕВОЙ.

Руководимая Вами ВГБИЛ – один из учредителей организации содействия развитию теории и практики литературного перевода. Институт перевода основан совсем недавно – 31 мая 2011 года. Но за ним уже числится немалое количество дел, отвечающих профилю деятельности. Или не вполне отвечающих – как посмотреть. Критерии рассмотрения заявок на получение переводчиками гранта обозначены на сайте института весьма чётко: актуальность перевода произведения на предлагаемый язык; оригинальность и новизна произведения; наличие награды по результатам участия во всемирных конкурсах на лучшее литературное произведение... а также награды международных литературных конкурсов; новые переводы русской классики.

Превосходно! Вскоре после создания Института перевода прошла презентация новой премии «Читай Россию/Read Russia» с широкообластным заявлением, что в 2012 году премия будет присуждена за переводы с русского на английский, арабский, испанский, итальянский, китай-

ский, немецкий, французский, японский языки. Сильно! В сентябре прошлого года объявили лауреатов. «ЛГ» писала об этом под рубрикой «Скандал» (см. № 36, 2012), изумляясь тем, что в номинации «Поэзия» победил перевод на итальянский книги злостного графомана Д. Пригова. Но где же переводы на арабский? Только в журнале «Навафиз» («Окна»), выходящем в Саудовской Аравии, в разные годы были опубликованы произведения почти всех русских и советских классиков. Где переводчики Поднебесной и в их числе крупнейший китайский русист Лю Вэньфэй? Ведь в Китае как нигде сегодня заняты популяризацией русской литературы.

Не так давно в Париже награждали лучших переводчиков с русского на французский. Учредитель премии «Русофония» – фонд Б. Ельцина – также входит в число учредителей Института перевода. Премию получила та же самая Элен Анри-Сафье, что победила в номинации «Современная русская литература» вышеозначенной «Читай Россию». И за ту же самую книгу – биографию Пастернака неутомимого Д. Быкова. Члену жюри Аньес Дезарт хватило такта отметить «исключительный труд переводчицы, которая сумела передать поэтический стиль Пастернака в отрывках, цитируемых автором биографии». То есть Анри-Сафье дважды наградили за цитаты из Пастернака, разговорные между 900 быковских страниц. Не слишком ли расточительно?

Екатерина Юрьевна! Каковы истинные, а не декларативные критерии продвижения современной русской литературы за рубеж? Перед

нами представленный институт перечень переводов на иностранные языки произведений, созданных на языках РФ. Почему так много авторов, живущих за пределами не только России, но и СНГ? И. Муравьёва, С. Соколов, Д. Рубина, конечно же, отважный отказник М. Шинкин. Долго ли будет продолжаться массированный пиар эмигрантов за наши деньги? Или мало того что активно издаются в России, где писатели годами не могут прорваться к издателям, так теперь ещё и переводятся на иностранные языки в рублёвом эквиваленте! Может быть, резоннее тем, кто сделал выбор не в пользу Отечества, поискать спонсоров там, куда они отбыли? Или самим переводить и продвигать себя в странах компактного проживания? Если, конечно, язык освоили.

Молодой прозаик из Калининграда Павел Костин написал всего две книги, и обе они переложены на английский. Открываем роман «Время пришло»: «Озеро. Тихое спокойное озеро под утро. Летом светает рано. Озеро. Июньской ночью, когда ночь уже ступила над лесом, особенно светло бывает над большой водой – над морем или над озером». Может, в Британии или Австралии летом светает ближе к полудню и стены не размазаны граффити (этой животрепещущей проблеме посвящён роман)? А в штате Аризона над водоёмами ступилась непроглядная тьма, и приведённые размышления в духе И. Канта там будут восприняты как открытие о загадочной России? Но почему не перевести на язык Шекспира другого Костина – Владимира – из Томска? Или пермяка А. Иванова, к примеру? Их книги

Обычно сказки покупают, только внимательно рассмотрев картинки. И это понятно. Для любви к сказочной книге иллюстрации уж точно значат не меньше текста. Они могут быть сложными – и совсем лаконичными, понятными каждому – или отражающими сугубо авторское видение. Но мало найдётся родителей, кто купит ребёнку книгу, иллюстрация которой им самим не по душе. Разглядывая с детьми рисунки, мы возвращаемся в прошлое, и нередко мамам и папам нравится, когда в новой книжке иллюстрации точно те же, что были в той, которую они зачитывали и засматривали до дыр несколько десятков лет назад.

В книге издательства «Нигма» впервые собраны все полноцветные иллюстрации, созданные Николаем Михайловичем Кочергиным к русским волшебным сказкам. Другая книга, выпущенная тем же издательством с иллюстрациями того же мастера, – «Русь богатая», собрание былин в перекладе Ирины Карнауковой.

Рисунки Кочергина – яркие, масштабные, завораживающие. Художник из крестьян, учившийся в Строгановском училище, вступивший добровольцем в Красную армию, переживший зиму в блокадном Ленинграде, Кочергин самой жизнью своей подходил для того, чтобы создавать образы русских сказок, – эпических, героических, насмешливых, со всегдашней победой добра над злом, а мастеровитого мужика над жалким царём. Хорошо зная деревенский быт, художник рисовал с вниманием даже к мелочам – его иллюстрации радуют не только цельностью мысли, запоминающимися главными образами, но и реалистичностью: их можно рассматривать долго, находя всё новые подробности.

Русские сказки – это народная история. Здесь русские богатыри выходят оборонять от нечисти Киев, а Никита Кожемяка ведёт между от Киева до Каспийского моря. Здесь и цари, и простонародье мечтают о полёте – только цари приказывают да требуют, а умельцы мастерят. И если нужно избрать узор настолько прекрасный, что и превзойти нельзя, то им непременно оказывается родная земля как на ладони – «города да деревни, леса да пашни, птицы в небесах, да звери в лесах, рыбы в реках и озёрах, а кругом солнце и луна поаживают, да сверху вниз поглядывают». Широта замысла, зоркий взгляд сверху, точность рисунка, богатство красок – отличительные свойства русских сказок и образов, созданных Николаем Кочергиным.

ЗНАЙ НАШИХ!

Лауреатом Международной Лермонтовской премии нынешнего года стала поэт Марина Кудимова. От всего сердца поздравляем коллегу!

Продолжение темы – на стр. 15

могли бы дать более адекватное представление о России англоязычному читателю. Нет, мы, конечно, понимаем, что Калининград ближе к западным границам, и его счастливый урожай просто попал в обиход...

С. Лебедев вообще издал одну книгу, и она переведена на немецкий, французский и чешский. За какие заслуги, кроме всем наскучившей постмодернистской невнятицы? Или «повествование о ГУЛАГе, полное леденящих кровью историй» (из аннотации), в обязательном порядке должен учить наузист весь просвещённый мир? Чтоб знали, как тут некоторые до сих пор мучаются (Лебедеву 32 года)! А за какие грехи жители Апеннинского полуострова обречены вкушать «Синдром Феникса» А. Слаповского? Только за то, что лишены счастья смотреть одноимённый телесериал о бродяге амнезий?

И последний вопрос. Почему институт так тщательно избегает писателей русской темы? Это принципиальная позиция или связанная с «трудностями перевода»? Помните, Вы говорили в интервью радио «Свобода»: «...так получилось, что собралось... 9 переводчиков Людмилы Улицкой. Они... будут обсуждать, каковы сложности перевода её не самого простого текста на разные языки...» Но Улицкая пишет на усреднённом «городском» языке, заведомо адаптированном под перевод. Стало быть, «полноцветный» язык В. Личутина поощряемые Вами переводчики просто не могут осилить? Или причина в его патриотизме? Или Вы Личутина просто не читали? Но это можно исправить – было бы желание.

ОЧЕВИДЕЦ

Большие малые дела

В перестроечные годы мне на ум пришла незамысловатая шутка, которая тем не менее имела в небогатых тогдашних застольях некоторый успех. Формулировал я примерно следующим образом: если бы советская власть догадалась открыть на каждом углу недорогое кафе, где граждане имели бы возможность за рюмкой или за чашкой кофе вести свои житейские задушевные разговоры, она просуществовала бы ещё сто лет.

Если вспомнить, что спонтанные застолья возникали в те годы чаще всего на садовых лавочках или по соседству с детскими песочницами, злободневность шутки делается тем более понятной. Вообще шутки подобного рода озаряли многих наших соотечественников. В российской глубинке мне приходилось слышать её в такой, например, интерпретации: чего, мол, стоило большевикам в каждом городе нашей области открыть нормальный пивзавод, они бы ещё лет триста продержались.

Изменные дефицитом, постоянной нехваткой самого необходимого, современники находили и другие, столь же несложные способы сохранения привычного порядка — надевайте вы кроссовки, напейте джинсов, и общественное спокойствие будет вам надолго гарантировано.

Недаром, конечно, все эти сентенции произносились шутливым тоном, авторы сами как бы стеснялись несерьёзности своих доводов, намеренно снижавших гражданские и экономические претензии до уровня бытовых нужд. Между тем есть философы, которых эта самая простота пожеланий и нужд ничуть не смущает, которые именно её бытовую основу поднимают до уровня высоких мировоззренческих обобщений.

Существует она и в политическом аспекте, под слегка пренебрежительным определением «теории малых дел», подразумевающим, что общественный прогресс как раз улучшением быта достигается скорее, нежели героическими революционными катаклизмами. Пренебрежение данной теорией со стороны партийных идеологов опять же понятно: пафос грандиозного строительства долин, гидроэлектростанций и котлованов приучал презирать всякого рода меланские, мелкобуржуазные нужды. Правда, не склонные к радикализму мыслители ссылались и ссылаются на пример Чехова. Вот уж кто, путешествия по России, искренне радовался всякому проявлению европейской цивилизованности — вот трамвай пустили, вот водопровод обустроили.

Полагаю, у самых радикальных либералов не повернется язык упрекнуть Антона Павловича в филлистерстве. Он ведь не просто обыденные «мелкобуржуазные» радости одобрял, он полагал, что налаженная цивилизованная жизнь смягчает нравы, способствует уважению человеческого достоинства и, уж если сама по себе счастья не гарантирует, то способна служить ему заменой.

Недавно я на собственном скромном опыте убедился в житейской правоте чеховского здравого смысла. Случилось это в славном сибирском городе Омске. Так уж уютно было судьбе, что она довольно регулярно приводит меня на берега Иртыша и, следовательно, позволяет делать некоторые сравнения и сопоставления.

Хорошо помню свои самые первые впечатления от Омска ранних 70-х. Раздолье степного города на бывшей имперской окраине, речные просторы — приметы бывшего купеческого благополучия, признаки крупного индустриального центра... И при этом — классический казённый неуют, скука промзоны, неуютность и неухоженность закрытого советского города, пусть даже университетского.

Впечатления от своих визитов в Омск на протяжении девяти лет и нулевых опуская. Позволяю себе разорваться в самых последних ощущениях. Конечно, прогуливаясь по мартовскому заснеженному городу, я обращал внимание на крупные вехи в его пейзаже. Вот новый стреловидный мост в добавление к единственному старому, вот здание библиотеки, способное сделать честь любой столице, вот восстановленный из небытия собор на центральной площади, который придал окружающим кварталам достойное, подлинно историческое измерение...

Всего этого, честно говоря, я ожидал. А не ожидал я того, что на мартовском морозе, в этом продуктом сибирских ветрами промышленным мегаполисе я не почувствую ничего похожего на былую провинциальную скуку и убожество. Цивилизованный европейский город окружал меня, местами авангардный, местами старобразный и даже запущенный, но обжитой, обустроенный, чистый, приспособленный для современной жизни.

В чём это выражается? А в том самом, чего нам так не хватало в наши лучшие якобы годы — в магазинах, переполненных модными товарами на все случаи жизни, в разнообразии услуг и развлечений, в том, что человеку, как говаривал злешный легендарный узник Фёдор Михайлович Достоевский (ему неподдаётся от бывшего острова поставлен очень земной памятник), есть «куда пойти».

В самом прямом смысле далёкий Омск поражает обилием кафе — уютных, симпатичных, стильных, чётр возьми. Молодые люди за чашкой капучино на элегантном столике — персонажи здесь столь же обычные, как некогда бедолага, соображающие на троих в окрестностях гастронома. Ещё недавно и в столице кофе из титана был наиболее общепринятым напитком, а теперь на суровом «береге Иртыша» «капучино» и «латте» делают не хуже, чем на сладостных берегах Адриатики. Кому-то мои наблюдения покажутся обязательской блажью, но я, по завету Чехова, в этом преображении посконной российской действительности вижу глубокий обнадёживающий смысл. Сибирский город растёт и развивается не для промышленной «функции», не для экономической задачи, пусть и очень важной, а для нормальной человеческой жизни — разве это не свойство созидательной демократии? Разве качество этой самой жизни, пусть не слишком богатой, но достойной и культурной, не причает граждан пестовать и делить свои права?

Может, и не так дерзновенно, как во время всякого рода манифестаций и маршей, зато с ощущением совершенно конкретной пользы.

Не могу не вспомнить ещё одну шутку перестроечных времён. Как-то, при всём уважении к пламенным правозащитникам, я тем не менее осмелился предположить, что если кого-либо из них назначить начальником общественного транспорта, то троллейбусы в тот же день перестанут ходить. Зато права безбилетников будут уважаться, как заметил один мой остроумный коллега.

Анатолий Макаров

Точка зрения авторов колонки может не совпадать с позицией редакции

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

В московском метро к 120-летию со дня рождения Владимира Маяковского запущен «Поезд поэзии». Первый вагон поезда посвящён биографии поэта. Его творчеству — второй вагон. Здесь использованы цитаты из произведений, обложки книг и фотографии. Третий вагон посвящён лирике В. Маяковского и агитационной пропаганде.

В рамках VIII Московской международной биеннале «Мода и стиль в фотографии — 2013» в Галерее искусств Зураба Церетели состоялся церемония открытия выставочных проектов: Арно Фишер «Фотография»; Владимир Глынин «Реконструктивизм»; Александр Лепёшкин «В ночном»; Анна Складманн «1991»; Никита Шохов «Черноморские каникулы» и группа ФСВ «Чикаго». В экспозиции Арно Фишера — одного из знаковых немецких фотографов XX века — около 140 работ. Его съёмки интересны тем, что он фиксировал на плёнку события до возведения Берлинской стены и после её падения.

На карте столицы появляется ещё один музейный адрес — дом 36 по Старой Басманной улице. Свой пятый филиал скоро откроет Государственный музей А.С. Пушкина. Речь об объекте культурного наследия «Дом, в котором в 20-х годах XIX века у своего дяди, поэта Василия Львовича Пушкина, часто бывал А.С. Пушкин». Здесь планируется разместить экспозицию, повторяющую быт начала позапрошлого века. Здание, к унылому и запущенному виду которого давно привыкли москвичи, теперь не узнать. Увеличена полезная площадь помещений, причём без внесения изменений в планировку. Здесь смогут побывать экскурсанты, относящиеся к маломобильным группам граждан, — для этого созданы все условия. Подробный расказ о новом объекте культуры впереди, читателям «ЛГ» обещана эксклюзивная экскурсия, которую проведёт замдиректора Музея А.С. Пушкина, давний автор нашей газеты и книги «Василий Львович Пушкин» в знаменитой серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия» Наталья Михайлова.

ЗЛОБА ДНЯ

Новая аристократия своих не сдаёт

Недавно депутаты Госдумы предложили поднять депутатские оклады до уровня зарплат министров, а заодно не забыть о сотрудниках аппарата.

Не обижают себя топ-менеджеры кредитных организаций и компаний. Не отстают чиновники. С начала года официальный доход сотрудников президентской администрации вырос в разы.

В это же время Евросоюз принял решение официально ограничить размеры бонусов для банкиров. Европарламент рекомендовал странам, входящим в ЕС, выплачивать работникам банков бонусы, не превышающие размеры их годового заработка. Лишь при явном

одобрении акционеров — как исключение — сумма поощрения может вырасти до размера двух годовых зарплат.

«Люди не могут понять, почему банкиры получают премии в размере 13 или 20 годовых зарплат, а налогоплательщики должны платить, когда у банков возникают проблемы», — отмечали евродепутаты. Банкиры, особенно британские, выступили против «ущемлений». Но единственный компромисс, на который согласились европарламентарии, заключается в обещании через два года оценить эффект нововведений.

А что происходит в нашей банковской системе? Центробанк РФ намерен учитывать

зарплату и бонусы сотрудников для определения экономического положения банков с 1 июля 2013 года. Основная цель — банки при определении бонусов должны принимать во внимание результаты управления рисками.

Правда, регулятор не предполагает применять к банкам жёстких мер за несоблюдение рекомендаций. «Мы будем только мониторить, санкций не будет». Вот так.

Почему наши «жирные коты» продолжают жиреть, несмотря на результаты? Почему и без того чудовищный разрыв между богатыми и бедными в нашей стране продолжает увеличиваться?

Несправедливость по закону

Георгий ЦАГОЛОВ, доктор экономических наук

— В анекдоте советских времён прибывший в Москву иностранец спрашивает: что за люди спозаранку едут в трамваях, автобусах, метро? Ему отвечают: рабочий класс — гегемон нашего общества. А кого позже приводят на чёрных «волгах»? Ему говорят: это — слуги народа.

Привилегии прежней советской партийно-государственной номенклатуры меркнут в сравнении с достатком и аппетитами нынешних «слуг народа». Депутаты Госдумы желают получать оклады на уровне министров и верхушки кремлёвской администрации. А те, судя по всему, хотели бы иметь жалованье не меньше, чем менеджеры крупных корпораций. А те, в свою очередь, возжелают смотреть на зарработки «топов» и миллиардеров. Всем хочется жить не хуже других!

В декабрьском номере журнала Forbes говорится о 25 «наиболее дорогих» российских управленцев. Минимальное ежегодное вознаграждение — 4 миллиона долларов. Максимальное — 30 миллионов долларов. Непрерывно растёт у нас число миллиардеров.

И происходит это не в нарушение, а в силу объективных законов сформировавшейся в нашей стране бюрократическо-олигархической модели экономики. Действовавшие в социалистическом обществе закон распределения по труду и уравнительные общественные фонды потребления приказали долго жить. На смену пришли принципы монополистического капитализма, отрицающие не только свободную конкуренцию, но и связь между доходами и затраченными усилиями.

Первоначально захваченная узкой группой лиц общественная собственность стала базой для необычайно стремительного накопления капитала — особенно в добы-

вающих сырьё отраслях. В итоге последовавшей затем экспансии магнаты завоевали командные высоты во всей экономике. Это упрочило их господствующее положение в нашем «перестроившемся» обществе. В последнее десятилетие госкорпорации несколько потеснили «старую гвардию», но мало что изменили в существе общественного строя. К тому же менеджеры госкорпораций переняли хватки частных бизнесменов.

К тому же происходит это на фоне замедляющихся темпов роста экономики, обнищания значительной части (если не большинства) нашего населения, страдающего от роста цен на продукты, товары и услуги ЖКХ. По официальным данным, «децильный коэффициент» (разрыв в доходах между 10% самых обеспеченных и 10% наименее обеспеченных граждан) в стране — около 17. Но, по мнению социологов, на самом деле он в разы выше, а в Москве, где проживают 76 миллиардеров (больше, чем в Нью-Йорке или Лондоне), зашкаливает за 100.

Между тем во многих европейских странах он не достигает и 10. Считается, что превышение этого показателя социально взрывоопасно. Там всячески стараются его снизить. Увеличивают налоги на богатых. Предпринимателям урезают бонусы и «золотые парашюты», а социальные расходы даже в кризисные времена стараются не сокращать.

Пожоже меры предпринимают и в странах — рекордсменах экономического роста на Востоке. Посетивший Россию новый председатель КНР Си Цзиньпин в программном после инаугурации выступлении говорил об опасностях социальной поляризации в Поднебесной, провозгласил курс на сокращение разрыва между богатыми и бедными, призвал государственных чиновников и руководителей партии к скромности, экономии, отказу от расточительства.

Социальная поляризация российского общества — закономерный продукт сформировавшейся у нас порочной модели экономики. Президент Путин недавно прямо заявил о необходимости её замены. Правильные слова. Другой вопрос — реализуются ли они на практике?

Все прелести в одном пакете

Сергей КАРА-МУРЗА, политолог

— Кто удивляет, так это наша интеллигенция. Она не может не знать, что авторы доктрины реформ в России взяли за основу неоллиберальную концепцию, принятую в США, а затем в Европе в 1970-е годы. Она хорошо известна в подробностях. Результаты её применения описаны в десятках диссертаций уже и на русском языке.

Как после 25 лет реформы можно удивляться, почему всё так происходит и «жирные коты» продолжают жиреть? Почему разрыв между богатыми и бедными растёт?

Все как будто договорились притворяться идиотами или инопланетянами — и апологеты неоллиберальной реформы, и их оппоненты. Главные постулаты реформы были и есть — приватизация и дерегулирование. Больше не нужно объяснений.

Эти два фактора усиливаются сдвигами в этике. Неоллиберализм принципиально утверждает вовлечение в рыночные отношения всех сторон человеческих отношений. Это радикальный отход от классического либерализма, принципом которого было: «Не допустить перетекания рыночной экономики в рыночное общество». Как можно не видеть, что Россию всеми средствами политики, экономики и культуры заставили провести такое перетекание в форсированном режиме, при этом даже разрушив базис капитализма — само хозяйство?!

Как удивляться бонусам топ-менеджеров, читая сообщение из Нью-Йорка: «Ги-

гантская яхта Eclipse Романа Абрамовича шокировала американцев... Длина яхты Абрамовича составляет почти 170 метров. Судно снабжено небольшой подводной лодкой и системой противоракетной обороны...» А ведь Абрамович — не учёный, не промышленник и даже не менеджер.

Почему пишут, что неоллиберализм на Западе уничтожил гражданское общество и реставрировал сословное? Потому, что дерегулирование сразу позволило сложиться касте топ-менеджеров как новой аристократии, закрытой от других слоёв общества гораздо герметичнее, чем феодальная аристократия и крупная промышленная буржуазия. В начале 1970-х годов средняя зарплата топ-менеджера в корпорациях США была в 30 раз выше зарплаты рабочего, а в 2000 году стала выше в 500 раз... И никакие профсоюзы или президенты не пикнули.

Почему же в России будет иначе? И власть, и работники, и население этот порядок принимают, так какой смысл охать и ахать?

Может показаться странным, что в США огромные бонусы топ-менеджерам стали выплачиваться независимо от экономических результатов фирмы. Нередко фирма разорялась, но никто не мог погаснуть на миллионные бонусы, которые директор, уходя, выгребал из кассы банкрота. Потому что на страже привилегий стояло всё сословие. Естественно, наши управляющие первым делом переняли этот «прогрессивный опыт». Как же иначе у нас могла бы размножиться раса миллиардеров как раз в период кризисов?

В общем, ту реальность, за которую голосуешь, надо глотать в одном пакете.

Опрос подготовил Владимир СУХОМЛИНОВ

СУММА ПРОПИСЬЮ. Фракция КПРФ в Госдуме представила 115 тысяч подписей за ратификацию статьи 20 Конвенции ООН против коррупции. Она гласит: «При условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое Государственное учреждение рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать».

Два года законопроект по одобрению ст. 20 лежит в ГД без рассмотрения. Что тут добавить?

<p>ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА</p> <p>1971 1979</p> <p>УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ АНО «Редакция «Литературной газеты»</p> <p>Главный редактор Юрий ПОЛЯКОВ</p> <p>Заместители главного редактора Алесь Кожелуб, Леонид Колпаков, Марина Кудимова, Игорь Серков</p> <p>Анатолий МАКАРОВ</p>	<p>ОТДЕЛЫ:</p> <p>«Политика, экономика» тел. 8-499-788-01-06 Игорь Серков, Владимир Сухомлинов</p> <p>«Литература и библиография», сайт «ЛГ» тел. 8-499-788-02-05 Марина Кудимова, Игорь Панин, Татьяна Шабалева</p> <p>«Искусство» тел. 8-499-788-02-12, Арина Абркосимова, Анна Кузнецова</p> <p>«ТелевЕнине» тел. 8-499-788-02-12 редактор Александр Кондрашов, Олег Пухавцев</p> <p>«Общество» тел. 8-499-788-02-08 редактор Людмила Мазурова, Наталья Гамаюнова</p>	<p>«Клуб 12 стульев» тел. 8-499-788-00-53 администратор Александр Хорт</p> <p>Обсуждали Сергей Минацкаян, Лев Пирогов, Дмитрий Каралис (Санкт-Петербург), Игорь Гамаюнов</p> <p>Спецпроекты и приложения Алесь Кожелуб, Анастасия Ермакова</p> <p>Отдел оформления тел. 8-499-788-01-13 бильд-редактор Евгений Федоровский, художественный редактор Антон Меньшов</p> <p>Представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе Валерий Павлов</p> <p>Собственные корреспонденты Александр Самойленко (Калуга), Юрий Беликов (Пермь), Жан Миндуцаев (Ульяновская область, Татарстан),</p>	<p>Владимир Шемшученко (Санкт-Петербург), Владимир Королёв (Смоленск), Сергей Евстратов (Республика Молдова), Юрий Шербаков (Астрахань и Калмыкия), Лия Ивановна (Армения), Ирина Тосунян (США), Алексей Славин (Германия), Мария Хамаер (Центральная Европа), Никита Барашев (Италия), Светлана Селиванова (Китай), Евгений Минин (Израиль)</p> <p>Московский тираж — 60 351 экз. Федеральный тираж — 35 707 экз. (печатается в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Воронеже, Новосибирске)</p> <p>Тираж в Крыму — 2500 экз. Тираж в Европе и США — 6000 экз. (печатается во Франкфурте-на-Майне)</p> <p>Тираж в Израиле — 22 000 экз. Тираж в Великобритании — 9000 экз. Тираж в Греции — 3000 экз.</p> <p>Общий тираж 138 558 экз.</p>	<p>Цена договорная Отпечатано в ЗАО «Полиграфический комплекс «Экстра М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, п/о «Красногорск-5», а/м «Балтия», 23-й км.</p> <p>Номер подписан с печати 26 марта 2013 г. Зак. № 13-02-00459</p> <p>Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи.</p> <p>Подписные индексы: 50067, 34189, 84874 и 99168 (для предприятий и организаций)</p> <p>Подписка и распространение: тел. 8-499-788-01-12</p> <p>Экспортная подписка — по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications»</p>	<p>Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77-35721 от 20.03.2009 г.</p> <p>Адрес редакции: Д. Холмский переулок, 10, стр. 6 Москва, 109028 тел. 8-499-788-02-52</p> <p>Автоматизатор и соединение с отделами: 8-499-788-02-10</p> <p>Электронный адрес: litgazeta@litz.ru Факс: 8-499-788-00-52</p> <p>Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна</p> <p>Ведущий редактор номера Леонид КОЛПАКОВ</p>
---	---	--	---	--	--

«ЛГ», № 43, 2012

ДИСКУССИЯ

В ходе дискуссии вокруг беседы с Юрием Жуковым («ЛГ», № 43, 2012 г.) о причинах распада Советского Союза не раз возникала тема территориального устройства России, которое, по мнению ряда авторов, может привести к новым конфликтам с не-

предсказуемыми последствиями. Насколько реальны эти опасения? Ведь есть и те, кто считает, что ничего трогать не надо, страна уже сложилась. Предлагаем вниманию читателя взгляд на проблему известного специалиста в этих вопросах.

Мэр слово держит

Жители столицы оценили работу городских властей

Мнение горожан для столичного правительства является ключевым фактором, который учитывается и принимается во внимание при планировании и организации работы. Именно поэтому в последнее время проводятся регулярные социологические опросы москвичей, где жители столицы высказываются о работе чиновников, а также оценивают качество жизни в городе в целом.

Последнее проведённое исследование, в котором приняли участие 3632 респондента, показало, что больше половины москвичей довольны нынешним положением дел в городе. Согласно данным фонда «Общественное мнение», 51% респондентов положительно оценивают работу Сергея Собянина на посту мэра Москвы. И 59% опрошенных горожан хотят, чтобы градоначальник и дальше занимал свой пост.

Треть опрошенных (29%) ответили, что за последние два года ситуация в городе улучшилась. Чаще всего об этом говорят в Северо-Восточном и Зеленоградском округах. Почти половина не заметила никаких изменений.

На ближайшие два года четверть столичных жителей дают оптимистичные прогнозы. Они уверены, что жизнь в городе улучшится. Однако опрос выявил 15% пессимистов, которые предрекают городу мрачные перспективы развития. Около половины опрошенных (42%) полагают, что коренных перемен не произойдёт.

В работе Сергея Собянина москвичи более других аспектов хвалят его работу в области благоустройства территории во дворах и озеленения города. Москвичи благодарны мэру за установленные детские площадки, отремонтированные подъезды и очищенные от снега крыши. Кроме того, в заслугу градоначальнику ставят принятые им меры по борьбе с пробками и обустройством парковочных площадок. Большим плюсом работы Сергея Собянина люди называют активное строительство метро. Многие также отметили сдвиги в положительную сторону в сфере работы общественного транспорта.

Однако москвичи отмечают недоработки в решении социальных проблем и некачественную работу служб ЖКХ. Недовольна произошедшими в последнее время изменениями всего лишь пятая часть опрошенных горожан (23%). Люди традиционно жалуются на маленькие зарплаты и пенсии, а также на пробки и снегопады. Дорожные пробки, к слову, москвичи по-прежнему называют одной из главных проблем города наряду с дороговизной товаров первой необходимости, ростом тарифов на услуги ЖКХ, а также большим количеством мигрантов на улицах столицы. Больше всего недовольных проживает в Южном и Юго-Западном административных округах.

В этом социологическом опросе исследователи пытались выяснить, как относятся граждане к Сергею Собянину как к личности. Всего лишь 9% участников исследования не смогли пока сформировать мнение о градоначальнике, 11% опрошенным мэром не нравятся. Стоит отметить, что чаще всего причиной негативных отзывов служило «несотличное происхождение» Сергея Собянина. Однако 66% респондентов заявили, что Сергей Собянин как человек производит положительное впечатление. Его называют «активным, деятельным и энергичным», а также отмечают, что градоначальник — «хороший хозяйственник и принципиальный человек, который держит слово».

Согласно данным опроса, проведённого «Левада-Центром», почти половина москвичей (48%) считает, что Сергей Собянин справляется со своими обязанностями лучше, чем прежний мэр Юрий Лужков. Тогда как в 2011 году так считали только 23% респондентов.

Примечательно, что наиболее позитивно оценивают работу мэра города, качество жизни, а также дают самые оптимистичные прогнозы жители присоединённых территорий.

«В отношении мэра москвичи испытывают больше надежд, чем скепсиса, люди чаще говорят, что он справляется со своей работой», — поделился мнением глава ФОМ Александр Ослон. — Они хорошо оценили те сферы, где виден эффект от работы, а плохо — те, которые неподвластны или трудно подвержены влиянию мэра, как, например, цены на жильё».

ЕЛЕНА РЯБЧЕНКО

Проект «Губернизация»

Мой коллега поднял важный вопрос о том, каким в оптимальном виде должно быть территориальное строение страны. Проблема не новая. Делать вид, что её нет, что всё устоялось и к этой теме не стоит возвращаться, особенно на уровне практического решения, я думаю, неправильно.

Действительность всегда была такова, что государство не могло не обращать внимания на эволюцию межэтнических отношений. Этим были озабочены и царское правительство, и Временное правительство, и советское правительство с октября 1917 года. Конечно, методы работы применялись разные, разными были результаты.

В условиях современности особо важно прояснить, что собой представляли советские времена. Вряд ли можно согласиться, что с 1917 г. и до середины 1920-х годов не было никакой государственной национальной политики. Даже зарубежные исследователи признают: это был «период ренессанса национальной государственной политики в России — Союзе ССР».

Тогда сделали очень многое. Решались две главные стратегические задачи:

- повышение уровня экономического развития регионов проживания национальных анклавов до уровня Центра России;
- возрождение и развитие культуры населявших страну народов, формирование их мировоззрения.

Однако в 1990-х годах этот вопрос приобрёл дискуссионный характер. Он рассматривался по двум направлениям:

- 1) Решение задач стало итогом выполнения русским народом своего интернационального долга, что высоко оценивалось другими народами;
- 2) Ленинская концепция выравнивания («подтягивания») уровня социально-экономического развития национальных окраин к Центру за счёт перераспределения финансовых ресурсов от русских к нерусским способствовала формированию паразитических и сепаратистских настроений национальных (региональных) элит.

Приходится возвращаться к тем временам, чтобы дать ответ на вопрос: так что же это было? Конечно, ущерб национальной политике нанесли монопольное положение КПСС, коммунистической идеологии, слабые реальной демократии в государстве, благодушие в вопросах межэтнических отношений. Тем важнее детально рассмотреть эволюцию процесса формирования государственности, выработать чёткое отношение к принципам «автономизации» и «федерализации».

Внутренняя стабильность Российской государства столетиями обеспечивалась системой административно-территориального деления и дифференциацией условий пребывания этнических общностей в империи. Русификация в ряде случаев имела место, но в целом наблюдалось бережное отношение к национальному своеобразию.

По моему мнению, верно заключение: в предшествующую Октябрь 1917 г. эпоху подданные русских царей не были формально «расписаны» по этническим общностям — государство интересовало прежде всего их сословная и религиозная принадлежность. По этому поводу исследователь замечает: «... в центре внимания имперской власти... были вовсе не этносы и не нации... В центре внимания центральной власти были регион, область...»

Эту проблему исследовал известный общественный деятель, депутат Государственной Думы первого созыва, один из основателей партии «Народная свобода» Ф. Кокошкин. Его вывод сводится к тому, что в унитарном многонациональном государстве могут быть созданы благоприятные условия для удовлетворения потребностей этнических общностей. На многих примерах он показал потенциал такого подхода и решительно выступил против построения государства по национально-территориальному признаку.

Конечно, провести точную границу между территориальной Федерацией и унитарным государством с местной автономией не всегда легко, как и замечал Ф. Кокошкин, но путь к Федерации должен быть постепенным (интегральный союз, соглашения, союзы автономий между собой, консолидация губерний в более обширные области с учётом интересов соци-

альных и этнических групп). По этому принципу построения Федерации постоянно подвергались анализу, шёл поиск наиболее эффективного следования им ради интересов всего населения.

Справедливо характеризовал национальную политику в России в 1921 г. историк С. Бахрушин: «Государство оказалось плохо спаянным... Народности, входившие в состав Российской империи, оказались... жили каждая своей жизнью. Всё здание государства Российской рухнуло при первом ударе...» Такая оценка в полной мере транслируется и на ситуацию в Союзе народов в 1990-е годы. Он выглядел почти таким же.

общины, в частности русской, — ответа нет. Прокларировав 20 лет назад суверенитет, тогдашние депутаты РСФСР в западе борьбы с «союзным центром» запустили процесс строительства «национальных государств», причём даже внутри самой Российской Федерации.

«Союзный центр», в свою очередь, пытаясь давить на оппонентов, начал вести закулисную игру с российскими автономиями, обещая им повышение «национально-государственного статуса». «Сейчас участники этих процессов, — писал недавно Владимир Путин, — перекладывают вину друг на друга. Но очевидно одно — их действия в равной степени и неизбежно вели к

На мой взгляд, в новом формате России это было более отражало истинное историческое существование российской государственности, её административно-территориальное устройство и снимало острую проблему неравноправия субъектов РФ.

Стереотипы в сознании играют отрицательную роль. Этнический фактор, заложивший в создание национальной государственности на территории СССР, сегодня негативно сказывается на консолидации РФ как многонационального сообщества. И очевидно, что, пока эта «модель» государственности будет существо-

вавшись на принципах мирного сосуществования народов на едином пространстве, в условиях мира, гражданского согласия, соблюдения норм права и формирования установок толерантности.

Я разделяю точку зрения депутата Госдумы М. Рохмистрова, согласно которой «корень проблем находится в национально-территориальном делении России», и соглашусь с утверждением, что в едином государстве «не должно быть никакого деления страны по национальному признаку». При этом считаю, что всё это должно сопровождаться специальным толкованием механизмов реализации подобных принципов. Нужна также кропотливая разъяснительная работа, формирование единого мировоззрения, единых подходов, появление положительных практик, а не бесконечные разговоры о том, надо ли только вешать, что «русский народ является государствообразующим», и ничего не делать для совершенствования самой государственности.

На мой взгляд, должны учитываться все произошедшие трансформации и интегрироваться в реальные системы социального управления (регулирования), по замечанию Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, во всём «многонациональном объединении».

При этом обращает на себя внимание ряд высказываний самих представителей этнических общностей. А. Джаримов, бывший президент Республики Адыгея, замечал, что «в России может быть только один президент», а значит, делал он логичный вывод, что «в России может быть только одно государство».

Конечно, этот вопрос волновал и учёных. Директор Кабардино-Балкарского института гуманитарных проблем Б. Бажнокоев, изучив «этнические потребности кабардинцев и балкарцев», сделал вывод, что «особо остро встаёт вопрос об этнической диаспоре, которая должна прийти на смену этнической контаминации».

Это же актуально и для Карачаево-Черкесской Республики и ряда других. «Ситуация на Северном Кавказе требует относительно самостоятельного, раздельного национального развития и бытия. Но формы этнической диаспоры могут развиться по степени своей радикальности. Самая радикальная — раздел на самостоятельные административно-территориальные единицы с установлением административных границ».

Однако, например, председатель Комитета Государственной Думы РФ по делам национальностей Б. Жамсуев утверждает: «Надо прямо принципиально заявить, что наибольший вред в деле сохранения единства России наносит теория губернизации России... Эта теория оказывает прямую поддержку шовинизму, с одной стороны, и национализму — с другой». Считаю, что подобные заявления — результат слабой информированности и неглубоких знаний о тонкостях структуры государства, принципах его формирования, историографии.

Судя по всему, русские будут иметь такие же права, как татары и другие титульные этнические общности, только в условиях наличия своей государственности или ликвидации всех существующих национальных государственных образований на территории России. Исследователь Г. Какоев (Республика Южная Осетия) пишет, что ещё академик А. Сахаров предлагал «уравнять в правах все национально-административные образования СССР, упразднить, таким образом, многоступенчатое политико-национальное устройство Советского Союза».

Опираясь на этот послы, Г. Какоев делает вывод: «Разносортность народов изначально несёт в себе потенциальную опасность кровопролитных межэтнических конфликтов, и напротив: уравнение в правах разрядило бы эти мины замедленного действия».

В заключение отмечу, что мой коллега Ю. Жуков своевременно поднял на страницах «ЛГ» актуальную для современной России проблему. Хорошо, если власти и общество к этому прислушаются.

Николай БУГАЙ,
доктор исторических наук

Придётся ли этим юным гражданам России жить при новом территориальном устройстве страны?

В связи с этим хочу выразить согласие с выводом Юрия Жукова: «Пора признать — одна страна, одна нация и один язык. Не хотим развала России — изменим национальную политику. Решительно, коренным образом. Для начала продолжим административную реформу. Ведь несколько лет назад стали включать национальные округа в состав краёв. А потом вдруг остановились... Теперь настала пора отказаться от национально-территориальных образований. Заодно и этнономим».

развалу и сепаратизму. И у них не нашлось ни мужества, ни ответственности, ни политической воли, чтобы последовательно и настойчиво отстаивать территориальную целостность Родины».

Справедливости ради надо заметить: отрицательно оценивал эту ситуацию в начале 1990-х годов председатель Верховного Совета СССР Р. Хасбулатов. На вопрос корреспондента: «А был ли вариант сохранения Советского Союза до Беловежья?» — Хасбулатов ответил: «Конечно, можно было. Потом, сам

вату, россиянам не избежать межэтнических конфликтов, неприязненного отношения друг к другу, дежа обшего «пирога» и т.д.

Практика функционирования РФ на принципе договорных отношений не продвинула общество вперёд. Нет возможности даже привести пример, где были бы чётко отработаны и результативны новые социальные системы регулирования общественными процессами, в том числе в сфере межэтнических отношений. Возможно, ближе других к этому Республика Татарстан

Все бы бурно аплодировали!

«У Андропова, когда он стал Генеральным секретарём ЦК КПСС, была идея фикс — ликвидировать построение СССР по национальному принципу. Межнациональная рознь в СССР подавлялась. Не была такой злобной, как ныне. Однако тлея всегда».

Как-то генсек меня вызвал: «Давайте кончать с национальным делением страны. Представьте соображения об организации в Советском Союзе штатов на основе численности населения, производственной целесообразности и чтобы образующая нация была погашена. Нарисуйте новую карту СССР».

Пятнадцать вариантов сделал! И ни один Андропову не понравился. Какой ни принесу — недоволен: «Отчего эту область сюда, эту — туда? Отчего пред-

приятия так распределили?» А самое трудное было — заводы поделить. С содроганием вспоминаю то задание. Корпели день и ночь. Компьютеров-то не было. Из подручных средств только телефоны да справки.

Нарисовали три варианта. Сорок один штат у нас получился. Закончили, красиво оформили, и тут Андропов слёг. Не случись этого, успей он одобрить «проект», с полной уверенностью скажу: секретари ЦК, ставшие впоследствии главами независимых государств, бурно аплодировали бы мудрому решению партии. И страна не вляпалась бы в то, во что спустя несколько лет по уши вляпалась».

А. ВОЛЬСКИЙ, «Четыре генсека»

В 1990-е годы на поверхности отчётливо прослеживалась необходимость новой «модели» нацистроительства. Требовалось создание административных единиц без республик, что можно было бы сделать в начале 1990-х годов, однако такой момент в угаре демократических преобразований был упущен.

Ю. Шанибов, председатель Конфедерации народов Кавказа заявлял тогда: «Нам говорят: объединяйтесь внутри России. Мы отвечаем, нет, вместе с Россией и на равных. А тем, кто опять хочет нас сделать губерниями, мы заявляем: народы этого не допустят. Мы объединились, чтобы защитить свою свободу».

Эта точка зрения доминирует и в трудах учёных национальных республик. Так, Ш. Сулейманова выдвигает в качестве основного требования существующей Федерации «организацию отношений между федеральным Центром и регионами на основе партнёрства, разграничения предметов ведения и полномочий».

Субъекты, возможно, и будут равны, но каким в этом случае будет равноправие в них этнических

этот проект СНГ, с которым носился Горбачёв... Я был возмущён этими бесконечными уступками Горбачёва и их попыткой приравнять автономии Российской Федерации к союзным республикам. Не так уж сложно было спасти Советский Союз...»

Касаясь вопросов формирования русской государственности, член-корреспондент РАН А. Сахаров констатирует, что создание унитарного государства, прикрытого лишь флёром национальной самостоятельности советских республик, воплощало в себе территориальные контуры старой империи, сопровождалось тяжкими репрессиями национально-ориентированных лидеров советских республик, депортациями народов как в 1930-х, так и в 1940-х годах.

Задолго до этого против Федерации по этническому признаку выступал авторитетный историк С. Мельгунов. Федерация по национальному признаку им категорически отвергалась. Как замечает историк Ю. Емельянов, он определял её словами «всероссийская каттавасия».

Направившаяся вывод о несостоятельности современных национальных республик (в составе РФ) своему назначению, противоречит их существованию самой исторической эволюции российской государственности. Прав исследователь А. Матвеев, утверждающий, что «при установлении российской юрисдикции на окраинах, как и в других частях империи, не допускалось дробление и реализовывался принцип открытого геополитического пространства, в пределах которого совмещалось гражданство (подданство) различных сообществ. Эта особенность распространялась на всю этническую территорию».

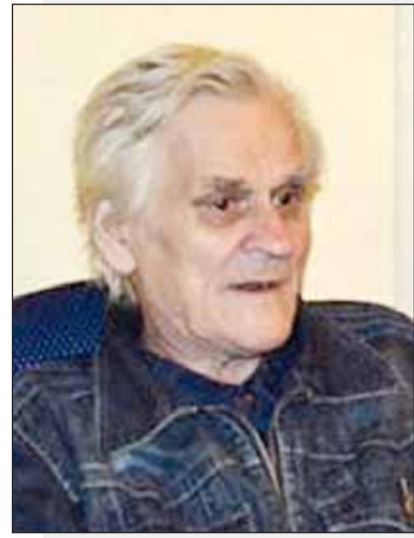
Сегодня наслоения нацистроительства социалистической эпохи выступают тормозом планомерному формированию новой единой российской государственности, народы которой избрали путь построения правового государства.

На первый план выступает проблема национально-государственного обустройства страны, а также совершенствования межэтнических отношений в многонациональном объединении России, наполнение их новым содержанием, базирую-

150 лет назад вышло первое издание Народных русских сказок А.Н. Афанасьева

УЧЁНЫЙ У ДИКТОФОНА

Фольклор, которого мы не знаем

Юрий СМЕРНОВ — ведущий научный сотрудник отдела фольклора ИМЛИ РАН, один из наиболее авторитетных российских специалистов в области славянского фольклора, участник многих научных экспедиций (начиная с 50-х гг.), автор более двухсот научных работ, в том числе монографии «Славянские эпические традиции». За последнее время вышли сборники «Былины. Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях» и «Авдотья-рязаночка» (2010), «Щёлкан Дудентьевич» (Архангельск, 2011).

— Юрий Иванович, насколько полным свод русских народных сказок составил Александр Николаевич Афанасьев?

— Судите сами. 610 текстов. Из них только 10 записано самим тов. Афанасьевым. Многие тексты — правление. Всего же русских сказок опубликовано примерно 10 000 текстов — русских, украинских, белорусских; это одна фольклорная общность. А в архивах лежит, по моим прикидкам, около 100 000 текстов разных видов народной прозы (сказок, быличек, преданий, устных рассказов). Причём архивы могут быть где угодно, ведь раньше даже в пединститутах была фольклорная практика. Во время «ленинских субботников» такие архивы порой просто уничтожались. Так было в Тобольске, в Южно-Сахалинске... Владея таким материалом, вправе ли мы делать исследования на базе 610 текстов?

— Вы полагаете, что Афанасьев затруднил возможность исследования?

— То, что он делал полтора столетия назад, теперь делать ни в коем случае нельзя. Дурной пример подали братья Grimm. Это они решили делать сводные тексты по принципу голливудской Агафьи Тихоновны. Стали клеить сводные тексты из нескольких записей... Так и афанасьевские обра-

ботанные сказки многократно переиздавались, широко распространены, вытесняли местные формы, и на них потом наталкивались собиратели. Вот в чём ужас! Давайте так: я критически отношусь к Афанасьеву, но претензии к нему надо предъявлять на уровне того времени, а не нашего. Мы-то, конечно, знаем больше него, он ведь был ограничен в своих возможностях. Он не был первооткрывателем, но создал сказочный свод, добавил в него тексты даже из тех изданий, что было трудно найти уже тогда, и это его заслуга. К тому же он, видимо, не правил опубликованные ранее тексты, в отличие от записанных с голоса. Далее: он издал ещё сборник легенд. Этот термин у него принял осмысленный характер. Под «легендой» он разумел тексты с христианской тематикой. У англо-американцев этого нет, они легенды называют и то, что мы называем преданием или быличкой. Так вот, на этот афанасьевский сборник стали поступать доносы, так как народное православие отличается от официального. Первое издание этого сборника было почти всё уничтожено, и только в 1914 и 1915 гг. вышли следующие издания, до этого цензура не позволяла. Лишь в 1993-м в Новосибирске этот сборник был пере-

издан после революции, я сам этому содействовал. До сего дня это единственный сборник русских христианских легенд, и это заслуга Афанасьева. Между тем сейчас можно было бы собрать уже записанные легенды из разных источников и издать куда более солидный их корпус.

— Вы упомянули единую фольклорную общность России, Украины и Белоруссии. С точки зрения фольклора — мы один народ?

— Есть, конечно, некоторые отличия. Украина и Белоруссия подвергались влиянию Польши. Но сходство внутри этой общности куда больше, чем между русским и польским, русским и болгарским фольклором. Фольклорный язык более древний, чем бытовой, и он был один и тот же для русских, украинцев и белорусов: «вода студёная», «красна девица», «добрый конь» — вы найдёте десятки устойчивых словосочетаний, а также формул и типических мест. Хотя у украинцев молодец может быть не «добрый», а «гжечный», — это более поздняя замена из польского. Общий у нас ритм сказки, которым она раньше рассказывалась от начала и до конца. У Афанасьева русские, украинские, белорусские сказки тоже рассматривались как сказки одной фольклорной общности. Всё переплеталось. Русские тексты бытовали на Западной Украине, украинские песни доходили до Камчатки... это была одна общность.

— Представляют ли разные версии текстов интерес для широкого круга читателей? Для детей, к примеру?

— Детям, конечно, надо читать обработанные тексты, они ещё не освоили язык. Но, скажем, я издал былинку о Садке в 27 вариантах подрая — и ничего, прочитали. А если не давать различные версии — как решать? Возьмём «Царевну-лягушку». Этому индоевропейскому сюжету около 7 тысяч лет. И в каждой местности эту сказку рассказывали по-своему. Как всегда: если сказка любила, её пытались приспособить к себе. Потому детали меняются: что царевна напекла, какие узоры выткала... Если сказка не обрабатывается — значит, она умерла. Дилетанты записывают только один

вариант. Если же добросовестно записывать разные версии, можно проследить эволюцию сказки, историю текста, это и должно быть целью исследования. Так, у славян даже в XX веке сохранился обряд пускать стрелу — например, в Болгарии. Парень забирается на горушку и пускает стрелу во двор, где живёт желанная девица. Бывает так, что во двор к одной девице летит много стрел, а другой не достаётся ничего. Вот загадка природы! Потом это, конечно, вышло из моды. А в Италии вместо стрел пускали мяч...

Надо понимать также, что в сказках русских часто бывает заключена ирония и самоирония рассказчика. Тот же Иванушка-дурачок вовсе не обязательно дурачок. Иван — вдовый сын — сын вдовы, это ещё праславянский персонаж. Он рос без отца, в лучшем случае у него был дядя, брат матери, и эта связь — ещё индоевропейская. Папенька в фольклоре — поздний персонаж. Раньше была другая система родства.

— Получается, фольклор позволяет судить о жизни общности?

— Ну а как вы думаете? Язык и фольклор — две вещи, которые сопровождают человека с тех пор, как он стал разумным. С помощью языка Homo sapiens передавал свои знания, представления о себе и об окружающем мире. Они закреплялись в виде рассказов, утверждений. Фольклор развивал мышление, логику, помогал прилагиваться к окружающей действительности, к поведению животных, помогал запоминать. Запоминать, чтобы не ошибаться. Для чего показывается дурной пример в сказке, в былинке? Чтобы ты внимал и не делал так, как поступил вот такой-то. «Горе тому, кто мать свою не слушает» — такова может быть заключка текста. Для лучшего запоминания тексты создавались в определённом ритме, обрабатывались напев. Всё время производились параллельные формы, люди состояли между собой, кто предложит лучшую форму. Фольклор фиксировал то, что было в нашей жизни в дописьменный пору. Что знали русские 1000 лет назад? Что знали древние славяне? А древние индо-

европейцы? Языковеды более или менее разобрались. А вот фольклористы наши шли от германской мифологической школы, хотя собирали гораздо более богатый материал, чем тот, который предлагали тогдашние германские мифологи. Но они предлагали свою мифологию вместо того, чтобы более внимательно изучать народную.

Вы, наверное, знаете книгу Куна «Легенды и мифы Древней Греции». Я читал её и оставлял закладки. Если я точно знал, что этот сюжет есть у славян, я делал закладку. У меня до сих пор стоит этот распухший от закладок том. Богов таких у славян нет — а сюжеты есть! Это свидетельствует о том, что у нас общее наследие. Греки стали приспосабливать его к своему небесному ареалу. Есть у них, к примеру, Силла и Харибда — а у нас Горы Толкучие, которые то сходятся, то расходятся, и герой должен их проскочить. Но про Одиссея многие знают, а наш собственный сюжет — не знают! Нам неплохо преподают скандинавскую мифологию, что-то из кельтов... Я не считаю, что это зорно, но ведь надо знать и своё. А то опять товарищ отправляется землю в Гренале крестьянам отдавать, а у себя-то как? Познай самого себя! Почему-то эту мудрость у нас никак не могут усвоить.

— Что вы думаете о фольклоре более позднем, городской?

— Городской фольклор — это культура смешанная, надтитульная, она не русская и не какая-то иная. Фольклор — неофициальная культура, и городской фольклор тоже, но он всегда откликается на официальную, он без неё не создаётся, не живёт. А крестьянская культура стала испытывать необратимое влияние города лишь в XIX веке, и это её губило, русскую песню замешали жестокие романсы и песни литературного происхождения, сказку заменяли дешёвые книжки о похождениях Ваньки-Каина и подобных псевдогероев. Настоящие народные песни — это психотерапия после тяжёлого труда, как и былины, когда они действительно пелись или сказывались. Чтобы снять напряжение после тяжёлого труда — вот для чего

они были нужны, совсем не то что трясучка, которой сейчас забыты радио- и телеканалы. И это опасно, потому что если генетически у нашего организма иной биоритм, трясучка усугубляет нервные, сердечно-сосудистые заболевания. Ну а деревенская культура в нашей стране в XX веке необратимо отмирала. Мы, фольклористы, больше ценим консерваторов, и надо сказать, что многое из народной культуры, прежде всего из эпической традиции, до последнего времени сохранили старобрядцы Русского Севера.

— Но мы уже в XXI веке... Что нам по силам воскресить, сохранить?

— Возвращаясь к Афанасьеву... Ужас не в том, что он перерабатывал тексты, а в том, что не сохранил оригиналы. Из 5–6 вариантов «Царевны-лягушки» он делал один, а оригиналы уничтожал. Так вот: путём сравнения с другими записями, которые делались в то время и позже, оригинальные тексты можно было бы восстановить, но у нас просто не хватает на это людей! Нам не дают размножаться... Владимир Иванович Даль писал, что передал Афанасьеву 1000 сказок... и где они? В сборнике Афанасьева их мало. Их можно было бы постараться найти. Хотя Даль сам издавал свои сказки, они написаны прекрасным языком. Надо бы их переиздать... Считаю также, что сейчас надо заниматься текстологией, смотреть, какие записи достоверны, какие — нет, какие обработаны — какие не обработаны. Весь собранный материал нужно систематизировать, создать базу данных по различным версиям сказок. Понять, что мы считаем достоверным. А уже потом проводить исследования.

Мой научный прадедушка — Всеволод Фёдорович Миллер, глава исторической школы в русской фольклористике. Мои научные «дедушки» — братья Борис и Юрий Матвеевичи Соколовы. Мои научные «родители» — Владимир Иванович Чичеров и Эрнст Васильевич Померанцев. Я тоже стараюсь, чтобы после меня кто-то остался, хотя бы несколько человек.

Беседавала Татьяна ШАБАЕВА

ДАТА

Очень русская история

Чтобы понять народ, достаточно понять его сказки. Сказка — это тайник народной души, хранилище памяти, зеркало облика народного.

Там, где есть слово и жизнь, есть и сказка, всем понятная, любимая всеми и бессмертная. Что подкупает в сказке? Искренность, наивность и простота, выдумка и острое слово, торжество добра и справедливости, наказание всякой неправды. Конечно, всё это сообразуется с народными представлениями о добре и зле. Сказка непосредственно выражает сознание и жизненную философию народа, понимание им жизни, представления о Красоте и Правде.

Но сказка при этом — живой организм со своей судьбой и своим характером. Сказка удивительным образом сочетает в себе несочетаемое: она проста, но вместе с тем иносказательна. Она добра, но даже лучшие её герои зачастую коварны и жестоки. Она наивна, но в то же время исполнена глубочайшей мудрости.

Долгое время, как это ни покажется на первый взгляд странным и неправдоподобным, русская сказка у себя на Родине была презираема и гонима. Сказание сказок в XII в. приравнивалось к воровству. А в XVII в. рассказывать сказки, загадывать загадки и колядовать запрещалось царским указом. Но, несмотря на гонения, сказка жила, словно уподобившись своим героям, переходила из уст в уста, потешая и наставляя.

Но и простой народ, пересказывая сказку длинными зимними вечерами, не слышком-то жаловал бедняжку, почитая её бездельницей, пустой забавой, утехой баб да малых ребят. Что ж, у русской сказки сложились вполне себе русская судьба.

Первым человеком в России, кто с полным пониманием красоты и значения русской сказки обратился к первоисточнику, то есть стал записывать сказки со слов народных сказителей, был А.С. Пушкин. Как ни вспомнить знаменитые слова поэта, сказанные им в письме к брату: «Вечерами слушаю сказки — и возраждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма».

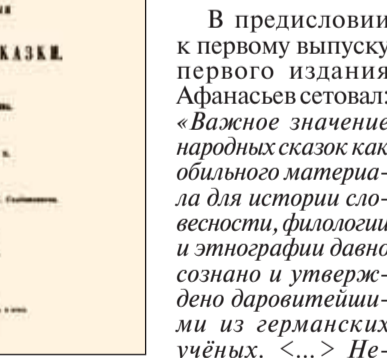
До Пушкина издавались в России сказочные сборники, но это были, скорее, подделки под на-

родную сказку. Со слов своей нянюшки Арины Родионовны Пушкин записал семь сказок. И только три из них — «О Салтане», «О мёртвой царевне» и «О попе и Балде» — подверглись литературной обработке. Поэт записывал тексты не просто ради сюжетов, которые он мог найти где угодно. Так, например, сюжет «Сказки о рыбаке и рыбке» был позаимствован у братьев Grimm. Нет, жалуюсь на петербургское воспитание, Пушкин перевоспитывал себя на сказках. Через них познавал он «русский дух», открывал для себя русского человека. И отсюда, наверное, это средство с народом, которое подметил потом Достоевский, уверявший, что даже у самых даровитых русских писателей «нет-нет, а и промелькнёт вдруг нечто высокомерное, нечто из другого быта и мира, нечто, желающее поднять народ до себя и ослепить его этим поднятием». В Пушкине же есть что-то сроднившееся с народом взравду...»

Пушкинским сделан огромный шаг в изучении и собирании русской сказки. Уже после Пушкина появились сборники И. Ваненко и Б. Бронницына. Но о сборниках этих можно судить по отзыву Белинского, пожелавшего составить, чтобы те «перестали пересказывать народные сказки, уже без них и давно сочинённые, а стали бы рассказывать свои».

Выходило и знаменитый сборник И. Сахарова, одобренный Белинским, но на поверку оказавшийся мистификацией. Или, лучше сказать, фальсификацией. Даже сказки, опубликованные Далем, будучи переделками, оказались безыскусными и бесполезными для изучения фольклора.

Словом, как это часто случается, потребность в издании подлинных народных сказок давно назрела, а вот ответить этой потребности никак не удавалось. Пока наконец не появилось собрание из восьми выпусков «Народных русских сказок», собранных Александром Николаевичем Афанасьевым.

В предисловии к первому выпуску первого издания Афанасьев сетовал: «Важное значение народных сказок как обильного материала для истории словесности, филологии и этнографии давно сознано и утверждено даровитейшими из германских учёных. <...> Нельзя не пожелать, чтобы благородный труд, подвигами на пользу народности, послужил и нам благим примером. Пора, наконец, и нам дельней и строже заняться собиранием и изданием в свет простонародных сказок...»

Но русский учёный превзошёл своих учителей. Сборник его по научным качествам представляет неизмеримо большую ценность, нежели издание братьев Grimm. И уже потому только, что, в отличие от немецких коллег, Афанасьев не допустил ни малейшей шлифовки или переработки.

Именно Афанасьевым была предпринята первая попытка классифицировать сказки, для чего весь массив сказочного материала был разделён учёным на три группы: сказки новеллистические, волшебные и сказки о животных. И в этом он также превзошёл братьев Grimm, в собрании которых сказки не ведали ни порядка, ни системы. Хотя, справедливости ради нужно отметить, что сказки Афанасьева разделились на группы лишь во втором издании, осуществлённом спустя десять лет после первого. Первое же, юбилейное ныне, представляло хаоти-

ческое нагромождение: всё множество сказок, а было отобрано более шестисот текстов, ложилось на бумагу в том порядке, в каком поступало к Афанасьеву.

Конечно, не все отобранные Афанасьевым сказки были записаны им лично. Со слов сказителей он записал не более десяти текстов. Кое-что нашёл в старых любочных изданиях. Часть сказок была записана этнографом и фольклористом П.И. Якушкиным и передана затем Афанасьеву П.В. Киреевским, также известным собирателем и ценителем фольклора. Существенную помощь оказало Афанасьеву Русское географическое общество, в котором состоял учёный. Уже тогда он был широко известен как автор статей по славянской мифологии, составивших впоследствии знаменитый трёхтомник «Поэтические воззрения славян на природу». И совет Географического общества, в архиве которого мало-помалу скопился значительный сказочный материал, постановил передать сказки Афанасьеву для дальнейшего их издания.

Любопытно, что молодое тогда Географическое общество, независимо от деяний и намерений Афанасьева, рьяно приступило к сбору этнографического материала. Во все концы страны были разосланы призывы собирать фольклор. И русский человек откликнулся. «Откликались люди самых разнообразных профессий» — пишет В.Я. Пропп, — и присылали собранные ими материалы». Памятуя об этом народном энтузиазме, в предисловии к первому изданию сказок Афанасьев снова обратился к соотечам, «ко всем любителям народного слова» с просьбой записывать и присылать ему сказки. И, возможно, тот, кому вчера ещё, по слову Белинского, «странно и дико было бы узнать, что учёные бары спускают и печатают его рассказы и повести не для шутки и смеху, а как что-то важное», сегодня примкнул к собирателям древностей и хранителям родного слова.

История русской сказки сама пошла на сказку, потому что это очень русская история. Сначала гонения и запреты, непонимание и хула, презрение и насмешки. А затем — вдруг пробудившиеся чувства долга, любви и ответственности, всеобщее сотрудничество и переполняющая гордость за своих, что в очередной раз натянули нос немцам.

СВЕТЛАНА ЗАМЛЕЛОВА

ОТКЛИК

Рубрика «Сказки-ка, дядя» вызвала неподдельный интерес читателей «ЛГ», чему мы искренне рады. Ведь именно на интерактивностью, на живой отклик она и рассчитана. Поэтому с удовольствием публикуем ответ на вопросы, заданные ректору Новосибирского университета в № 10—11.

Анонимному племяннику

Очень был удивлён известию о том, что в «Литературной газете» работает мой племянник. И ещё больше удивился тому, что этот безымянный племянник не позвонил мне, чтобы адресовать свой вопрос, а задал его через газету.

Если бы мой неожиданный «родственник» вник в тему, то с удивлением бы обнаружил, что акция «Тотальный диктант» давно уже перестала быть студенческой инициативой: это самостоятельный проект выпускников НГУ, которые являются его организаторами. И решение, кто станет автором текста диктанта, принимается не только не по указке ректора НГУ, а — страшно сказать — без согласования с ним.

Но раз мне было публично задан этот вопрос, я публично на него отвечаю. Итак, что нужно для того, чтобы удостоиться чести стать автором диктанта? Во-первых, нужно быть известным современным писателем, которого знают не только в профессиональном писательском сообществе, но и обычных люди, читатели. Во-вторых, он должен быть ценителем русского языка. Именно эти критерии лежат в основе отбора каждого из авторов текста «Тотального диктанта». Звание «писатель» не зависит ни от политических взглядов автора, ни от страны, где он проживает. Он либо востребован читателями и признан профессиональным сообществом, либо нет.

Привлечь внимание десятков тысяч людей к вопросам грамотности, к русскому языку, да так, чтобы они сами захотели прийти и написать диктант, поверьте, не самая простая задача. Поэтому организаторы акции ищут возможности заинтересовать людей, в том числе приглашая известных писателей.

Не скрываю радости от того, что проект «Тотальный диктант» популярен и что с каждым годом всё большее количество людей в России и за рубежом присоединяется к акции. Что плохого в том, что современное поколение, некоторые представители которого уже забыли, как это писать диктанты от руки, придут и вспомнят, где нужно ставить запятую, а где нет. А после акции, возможно, заглянут в справочник Розенталя или на сайт Грамота.ру. И чем больше будет таких людей, тем лучше, не так ли?

Безымянный автор заметки пытается представить наш университет расадником оппозиции и вседозволенности. Если мой племянник хоть раз был на акции «Тотальный диктант», то он должен знать, что приглашённый автор читает текст, написанный правильным русским языком, — и всё. Никто из них не транслирует в этом тексте своих политических взглядов и не призывает уехать из страны. Университет и организаторы акции придерживаются принципа политкорректности.

Я как ректор учебного заведения, под эгидой которого проходит международная акция, поддерживаю инициативы выпускников и студентов университета. Более того, горжусь тем, что наши ребята могут организовывать такие события международного масштаба. Я лично на «Тотальный диктант» пойдю. Пользуясь случаем, приглашаю и Вас, дорогой племянник, и всех уважаемых читателей «Литературной газеты» присоединиться к этой замечательной акции.

Михаил ФЕДОРУК,
профессор, доктор
физико-математических наук,
ректор Новосибирского
государственного университета

КОММЕНТАРИЙ «ЛГ»: Уважаемый Михаил Петрович! Из номера в номер, возвращаясь к проблемам русского языка и высказывая озабоченность состоянием грамотности в России, мы всячески поддерживаем идею новосибирской акции, но отнюдь не претендуем на кровное родство ни с Вами, ни с организаторами «Тотального диктанта», ни с многими из тех, кому доверено писать для него тексты. О чём, собственно, уже и написали.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ

В «Большом времени»

28 марта А.М. Горькому исполнилось бы 145 лет. Дата это вроде промежуточная, но она совпадает с другой – ровно 100 лет назад в газете «Русское слово» публиковались первые главы великой горьковской повести «Детство», о которой К. Чуковский сказал: «Это лучшее из всего, что им создано».

Михаил Бахтин писал: «Произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в большом времени, притом часто (а великие произведения – всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности». Это наблюдение полностью применимо к лучшим произведениям Горького. Среди них автобиографическая трилогия «Детство», «В людях» и «Мои университеты». Повесть «Детство» была воспринята читателями как правдивый рассказ о жизни самого автора. Критики заметили «кошмарные сцены людской жестокости», преобладание мрачных тонов, обилие драк, истязаний, сквернословия, сделал вывод, что это детство – «злое и грубое». По сравнению со светлыми картинами жизни в «Детстве» Л. Толстого или повести «Детские годы Багрова-внука» С. Аксакова горьковское повествование о «свинцовых мерзостях дикой русской жизни» выглядело, и вправду, угнетающе. Посвящение «сыну моему» на первой странице книги тоже создавало эффект полноты.

Фактическая сторона повествования действительно основана на автобиографических данных: смерть отца, его похороны, раздел имущества Кашириных, пожар в доме, замужество матери, разорение деда и т.д. Однако всё это – лишь канва для художественного произведения, в котором автор показывает становление личности мальчика, преодолевшего влияние жизненных обстоятельств и не опустившегося на «дно». Человека создаёт сопротивление среде и постоянное самосовершенствование – вот главная мысль трилогии. Чтение книг, стремление к знанию и ежедневный труд превратили сироту, отданного «в люди», в будущего писателя. Но было бы неправильно принимать героя повестей за самого автора. Алёша Пешков – художественный образ. И хотя события, описанные в трилогии, во многом совпадают с жизненным путём Горького, они подчинены творческой задаче – показать рождение нового человека эпохи.

Формирование личности героя происходит в борьбе с окружающей средой, в процессе восприятия лучших черт народной этики. Дедушка и бабушка героя выступают как носители двух разных мировоззрений, контрастно сопоставленных друг с другом: эгоистического и гуманистического. Они даже молятся двум разным богам. Алёше ближе добрый Бог бабушки, а не жестокий и злой Бог дедушки, наказывающий человека за любую провинность. Но христианская любовь тоже чужда Алёше: он не может подставить другую щеку, когда его бьют, и не прощает обид. Со временем у него рождается своя «еретическая» вера, которая заменяет ему религию, – вера в Человека с большой буквы. Главная мысль, проходящая через всю повесть: в России сквозит «плодовый и жирный пласт

всякой скотской дряни победно прорастает яркое, здоровое и творческое».

Заметив различие между реальной жизнью писателя и её изложением в «Детстве», И. Бунин утверждал, что Горький придумал всю свою биографию. Современный американский исследователь тоже считает, что в этой повести гораздо больше выдумки, чем во второй и третьей частях трилогии. Это объясняется тем, что своё раннее детство писатель помнил гораздо хуже, чем юношество. Поэтому в «Детстве» появились герои, у которых нет жизненных прототипов: Цыганок, Хорошее дело, работник Григорий, извозчик Пётр. Он пишет: «Автобиография сама по себе является менее важной,

В этом доме рос Алёша Пешков

чем идеи, которые он пытается выдвинуть, и метод, с помощью которого он так делает».

Советские литературоведы пытались увидеть в «Детстве» биографию нарождающейся революционной России и отражение бурной исторической эпохи. Детские мечты Алёши о новой справедливой и светлой жизни сопоставлялись с развитием освободительного движения в стране, а логика эволюции характера сводилась к постепенному нарастанию оппозиционных настроений. При этом полностью игнорировался религиозный и моральный подтекст «Детства».

Творя миф о себе самом, Горький использует реальные исторические и автобиографические факты, но подчиняет их определённому художественному заданию. Алёша Пешков выживает в окружающей его звериной среде только благодаря вере в человека и любви к жизни, которую внушила ему бабушка Акулина, «насытив крепкой силой для трудной жизни». Алёша растёт не так, как любимые и обеспеченные дворянские дети. Сирота, отвергнутый даже собственной матерью, отданный «в люди» с малых лет, он испытывает унижение, побои, презрение одноклассников и при этом не озлобляется, сохраняя «чистоту нравственного чувства». Он признаётся, что способен понимать страдания других людей, «точно мне содрали кожу с сердца, оно стало невыносимо чутким ко вся-

кой обиде и боли». Чем грубее, страшнее давит его действительность, тем богаче делается внутренняя жизнь подростка и упрямее он сам. Изображая «диалектику души» маленького человека, Горький, в отличие от Л. Толстого, подчёркивает его бунтарский характер, стремление к иной, чистой и красивой жизни. Сегодня можно сказать, что писатель, как и его герой, – человек, сделавший самого себя (self made man), пример для нынешних подростков.

Великий мастер художественного портрета, Горький дал в «Детстве» целую галерею образов, имеющих конкретные черты, – бабушки и дедушки, матери и отчима, работников в мастерской Кашириных. Сохраняя реальные черты близких людей, описывая хорошо известные ему семейные коллизии, писатель одновременно не забывал о другой задаче: показать Россию, взвихрённую революцией 1905–1907 гг. и находящуюся на пороге грядущих перемен. Поэтому ма-

ленький герой повести как человек будущего наделён чертами, которые сознательно хотел подчеркнуть Горький: бунтарство, любовь к людям, романтическая мечта о подвиге, близость к народу и природе. А бабушка и дедушка выступают как две разные ипостаси русского человека. Жестокий, жадный эгоист-дед, воплощающий активное собственническое начало, противопоставлен мягкой, бескорыстной, доброй бабушке, началу творческому, но пассивному. Таку самому Горького рождается мысль о двух душах русского народа: европейской и азиатской.

Повесть «Детство» является несомненным художественным достижением Горького, созданным на века. К. Чуковский называл изумительный образ бабушки «средоточием света». Д. Мережковский писал: «Да, не в «святую», смиренную, рабскую а в грезную, возмущающуюся, освобождающую Россию верит Горький, знает, что «Святой Руси» нет, верит, что «Святая Россия будет». А Блок воскликнул: «Прочтите «Детство» Горького!»

Будем надеяться, что этот призыв будет услышан сегодня.

Лидия СПИРИДОНОВА,
доктор филологических наук,
профессор, заведомо изучения и
издания творчества Горького
ИМЛИ РАН

ЛИТ ИНФОРМБЮРО

ЛИТАССАМБЛЯ

В Центральной районной библиотеке им. Д.Н. Мамина-Сибиряка г. Пушкино прошёл вечер из цикла «Панаяевские ассамблеи», посвящённый творчеству Н.М. Языкова «Нашей Руси – будь она Первым царством поднебесной!». Говорили о современном звучании и актуальности поэтов «пушкинских плеяд», учащиеся гимназии № 406 читали стихи, студенты РГПУ им. Герцена пели романсы.

ЛИТПРЕМИИ

Литературная премия «Русский Букер» начала приём работ на конкурсе этого года. Жюри возглавил букеровский лауреат прошлого сезона прозаик Андрей Дмитриев. В состав жюри премии нового сезона вошли: Владимир Кантор (прозаик, философ), Елена Погорелая (критик, поэт), Сергей Беляков (критик, заместитель главного редактора журнала «Урал»), экс-участник группы «Машина времени» Евгений Маргулис.

В конкурсе могут участвовать романы, опубликованные в период с 16 июня 2012 года по 15 июня 2013 года. Правом выдвижения произведений на конкурс обладают все издательства и редакция «толстенький» литературных журналов. Как и в прошлые годы, в процессе номинирования примет участие ряд университетов и библиотек.

Тан Тван Энг стал первым тайваньским писателем, удостоившимся The Man Asian Literary Prize – «азиатского Букера» – за роман «Сад вечерних туманов», рассказывающий о Малайзии во время японской оккупации.

ЛИТКОНКУРСЫ

Союз русскоязычных литераторов Австрии и журнал «Венский литератор» приглашают всех, кому исполнилось 18 лет, попробовать свои силы в творческом конкурсе в рамках проекта «Литературная Вена». Литературный конкурс проведётся с 15 марта по 15 июня 2013 года. Место жительства автора, гражданство, членство в творческих союзах значения не имеют. Важно, чтобы: конкурсная работа была написа-

на на русском языке и не ранее 2009 г. Номинации конкурсных произведений: Проза; Поэзия; Публицистика; Литературоведение и Литературная критика; Литература для юношества. Условия участия в конкурсе, а также вся дополнительная информация – на сайте <http://www.litaustralia.org/> либо по адресу litwienkonkurs@gmail.com.

Завершилось голосование жюри Всероссийского конкурса на лучшее литературное произведение для детей и юношества «Книгуре». В третьем сезоне конкурса оказалось восемь победителей.

Художественная литература
1. Светлана Лаврова «Куда скачет петушиная лошадь».
2. Юлия Кузнецова «Где папа?»; Нина Дашевская «Скрипка неизвестного мастера».
3. Владимир Арнев «Душица»; Ирина Лукьянова «Стеклянный шарик».
Познавательная литература
1. Михаил Колодочкин «Мужчина до 16 об автомобиле».
2. Игорь Жуклов «Русская пленница французского кота».
3. Владимир Березин «Последний мамонт».

МИХАИЛ АНЧАРОВ – 90

Дети «Сода-Солнца»

Владимир Высоцкий не раз говорил, что его песни начались с Анчарова. Но Анчарова сегодня знают гораздо меньше, чем Высоцкого.

М. Анчаров. Автопортрет

Вмось жизни Анчаров впервые появился весной 1968-го книгой «Сода-Солнце». Напиток был опьяняющий для 16-летней школьницы. Подростки часто не в ладах со всем светом, но благодаря Анчарову это гнетущее чувство быстро рассеялось. «Вот оно! – подумала я. – Искусство – способ жизни». Такое напутствие я получила. Душа забила крыльями.

Второй раз он меня напутствовал уже лично – в 1974-м. Будучи студенткой Воронежского университета, поехала к нему в Москву. Хотела писать, не зная, как начать: думала – надо по Руси бродить, «отдыхать под крышей кабака». Он так смеялся! Уговорил не бросать учёбу, по Руси не бродить, уверил, что писать начну обязательно и скоро. Спросил: «Привезёшь мне первые рассказы?» Обещала.

Всё, что он мне тогда предсказал, сбылось: дети, семья, любовь и творчество. Только вот летом 1990-го приехали в Вологду знакомые студенты

из Литинститута и грустно сказали: «Умер твой Анчаров». Не успела! Но Анчаров – не просто главный писатель моей жизни. Он вдунул в меня жизненную энергию, настроил на мечту. Я поверила в то, что люди, описанные им в книгах и песнях, не придуманы, они мне обязательно в жизни встретятся. Так и вышло.

Квинтэссенцией оттепели, «дистиллированным» представителем шестидесятников» называет М.Л. Анчарова младший современник Ю.В. Ревич. Это действительно так: шестидесятник в чистом, идейном, философском смысле без примеси политики.

Для меня, повторю, ключевой книгой стала «Сода-Солнце». Проза живая, ироничная, до краёв поэтическая и философская. Явно – проза поэта. «Самшитовый лес» – это уже глобальная

вещь, хотя поиск идеала, демократичность творчества и ценность искусства – идеи те же. Через все книги идёт нескручиваемая троица друзей – физик Алёша Аносов, поэт Гошка Панфилов, художник Костя Якушев. «Дорога через хаос» – снова в центре человек, но параллельно роман в романе – пьеса о Леонардо.

Стихи Анчарова ко мне пришли через песни позже, но к автору пришли раньше, чем проза. Анчарова заслуженно называют первым бардом России, ведь и Галич был после, и Высоцкий пел многие песни Анчарова. Одна из важнейших тем стихов и прозы – военная. Анчаров прошёл войну.

Люди, увлечённые творчеством, идеями, личностью Михаила Анчарова, встречались мне в течение всей жизни. Их было очень много, но в последние лет пять это – направленный поток. Мне писали незнакомые люди, страстные его читатели и поклонники, посылали отзывы. Посетив однажды могилу Анчарова на Донском кладбище, познакомилась с Виктором Юровским, биографом Анчарова, знакомым с ним по жизни.

Оказалось, что круг «детей Анчарова» есть не только в столице, он есть и в Питере, и в Воронеже, и в Апатитах,

и в Вологде, и в Перми, и в Нижнем Новгороде. Как-то Анчаров прочёл Александра Грина, был потрясён, «ревел белойгой», поклялся пропагандировать его имя всю жизнь. То же самое происходит почти с каждым, кто читает Анчарова: потом всю жизнь про него всем рассказывает. По крайней мере со мной было так.

Однажды мне человек прислал 10 000 рублей: Александр Шитик, пос. Идрица. Александр вместе с ещё тремя энтузиастами стал спонсором и основателем Анчаровского фонда. В числе первых оказались также Виктор Юровский, Ирина Василькова, Игорь Панасенко.

Желание увековечить образ Анчарова давно висело в воздухе. Решили: это должна быть доска на доме в Мажоровом переулке! Когда появились первые пожертвования, связались с московским скульптором Елизаветой Фертман, она сделала множество набросков для мемориальной доски. Полгода собирали документы для прошения в Департамент культуры Москвы. Чиновники отказали, конечно. В связи с непризнанием заслуг государством. А у Высоцкого было признание государства?

Государство, может, и не признало, а читатели признали.

ГАЛИНА ШЕКИНА,
ВОЛОГДА

НЕДЕЛЕ ДЕТСКОЙ КНИГИ – 70

Именины сердец

Жизнь детского писателя показала мне волшебной, полной радости творчества, а потом радости общения с читателями. Радость в квадрате да плюс ещё путешествия, горячий приём и угощения во всех концах необъятной страны – о такой жизни можно было только мечтать!

Всё резко оборвалось в 1991 году, с распадом СССР, и долгие годы не удавалось не то что поехать выступить куда-то – не получалось издать книжку... Советские писатели «положили зубы на полку»; взойти и закатылись новые, рыночные, звёзды. Прошли «лихие 90-е», когда была организована и приказала долго жить Ассоциация детских писателей; существование наше мало-помалу начало налаживаться, и всё большую роль в жизни литератора стали играть библиотеки. Библиотекари, а не высокие должностные и официальные лица стали приглашать писателей, выбирать себе авторов по вкусу. Областные библиотеки в Калуге, Нижнем Новгороде, Орле, Рязани, Тамбове принимают уже не делегации – а отдельных лиц, которых они знают по книжкам. Не поддержка организаций и именитых детских писателей (ау, где вы, именитые? и кто сейчас именит?) – а интерес самих читателей и библиотекарей диктует маршруты поездок в Неделю детской книги. Порой приходится разрываться – вот сидишь себе тихо целый год, а на Неделю в один день зовут сразу в пару мест.

Открытие Недели детской книги наиболее интересно и масштабно проходит в Российской государственной детской библиотеке (РГДБ) и Дворце детского (юношеского) творчества в Воробьёвых горах. Совместить это трудно: день-то один, 23 марта! Состав писателей в этих двух главных местах столицы обычно отличается: если РГДБ ориентируется на выбор своего знаменитого сайта «Библиогид», где учитываются авторитетные экспертные оценки, то бывший Дворец пионеров зовёт в гости тех, кто шумно и

весело представляет свои книги, участвует в общем шоу. Я думал раньше, что писатели и массовики-затейники, вообще говоря, не одно и то же и некое смешивать жанры в выступлениях перед детьми. Однако писатели бывают разные – некоторые сродни скоморохам, и в том, чтобы радовать зрителя куклами, масками и шутками-прибаутками, нет ничего зловещего. Сам я полюбил показывать народных кукол из своей коллекции, купленных на ярмарке в Муроме, свистеть в свистульки из Калуги и Родоса. Книжечка – это сообщение, которое адресовано каждому читателю лично автором, и надо использовать все возможности, чтобы окрасить это сообщение тем, что ты любишь: звуками, красками, забавными историями.

Главный человек, от которого зависит успех детской книги, – художник. Именно он даёт тексту те крылья, которые позволяют донести замысел сочинителя до ребёнка. И если это получается, то праздник детской книги становится общим для всех, кто соприкасается с книжкой на пути к читателю: писателя, издателя, художника, редактора, библиотекаря, книготорговца. В советские времена фигура издателя, представляющего интересы государства, была скрыта, а сейчас она выходит на первый план. Появилось много прекрасных малых издательств, которые держатся на плаву, находя новых интересных авторов и иллюстраторов, радуя читателей своими выдумками, –

по сути, это творческие лаборатории, где исследуется и проектируется будущее детской литературы. Большие издательства не склонны к экспериментам – обычно они рассчитывают на широкого читателя, берут классику и подбирают к ней иллюстрации поаляповатее... Я привык ездить на встречи со своим издателем, генеральным директором издательства «Жук» Виталием Кивачицким, вместе с которым мы делаем серию книг «Для тех, кому за 10», – он и рассказ может весело прочитать, и заразить своим энтузиазмом публику.

Так, от человека к человеку, от личности к личности, от издателя, художника и библиотекаря к читателю приходит весть о хорошей книге.

Я вспоминаю любимую книгу – повесть Льва Кассиля «Дорогие мои мальчишки»: здесь есть и сказка о Синегорье, и нон-фикшн – история про подростков в войну, а главное – есть мужественная любовь к этому миру, ощущение мальчишеского братства и тайны. Неслучайно именно Лев Кассиль, автор книги о спорте и войне, придумал Неделю детской книги в середине войны. Интересно, что наша Неделя почти совпадает с Международным днём детской книги, который празднуют в день рождения Андерсена, 2 апреля. Этот праздник отмечаем и мы – как все детские писатели мира и Европы, но только по-своему, как целую неделю «Книжкины именины».

ЮРИЙ НЕЧИПОРЕНКО

P.S. Правительство Москвы традиционно уделяет внимание пропаганде чтения среди детей и молодёжи. В этом году в преддверии школьных каникул при поддержке Правительства Москвы в книготорговой сети города прошла благотворительная акция «ПОДАРИ КНИГУ ДЕТАМ»: ПОСЕТИТЕЛЫ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ ЖЕРТВОВАЛИ КНИГИ, КОТОРЫЕ ПЕРЕДАВАЛИ ДЕТАМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ И ДЕТАМ, ОСТАВИШИМ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, А ТАКЖЕ МНОГОДЕТНЫМ И МАЛООБЕСПЕЧЕННЫМ СЕМЬЯМ. ПРИ УЧАСТИИ СТОЛИЧНОГО ДЕПАРТАМЕНТА КУЛЬТУРЫ В ЦЕНТРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА «МЕРИДИАН» С ОСОБЫМ РАЗМАХОМ ПРОШЁЛ СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИК «ЧИТАЙ-ПАРК». В ПРОГРАММЕ «КАК БЫ ЖИЛИ МЫ БЕЗ КНИГ?» УЧАСТВОВАЛИ ИЗВЕСТНЫЕ ДЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ. А ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ МОСКВЫ ПРОГРАММУ ЭТОГО ГОДА ПОСВЯТИЛ 100-ЛЕТИЮ СЕРГЕЯ МИХАЛКОВА. ЮБИЛЕЙ ЦЕЛУЮ НЕДЕЛЮ ОТМЕЧАЕТ МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ДВОРЕЦ ДЕТСКОГО (ЮНОШЕСКОГО) ТВОРЧЕСТВА ВО ВОРОБЬЕВЫХ ГОРАХ.

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Центральный Дом литераторов Малый зал
28 марта – творческий вечер Канта Ибрагимов, презентация его книги «Академик Пётр Захаров», начало в 17.30.
29 марта – творческий вечер Владимира Гальперина, начало в 18.30.
30 марта – «Москва поэтическая», ведущая – Наталья Родионова, начало в 14.00.

«Лютяя ОРИОЛЫ» представляет... Вечер памяти Кароя Чеха «Ушедший в Белую Мистерию», ведущий – Леонид Володарский, начало в 17.00.

Дом русского зарубежья Нисия Радищевская, 2
29 марта – творческая встреча с писателем Львом Родновым «Мосты над границами», начало в 18.30.

«Книги в Билингве» Кривоколенный пер., 10, стр. 5

28 марта – презентация книги Олега Юрьева «О Родине. Стихи, хоры и песни» 2010–2013», начало в 19.00.

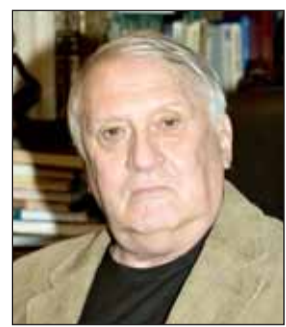
Клуб «Дача на Покровке» Покровский бульвар, 18
1 апреля – «Три толстяка», поэтический вечер, участвуют Юлий Гуголов, Герман Лукомников, Фёдор Сваровский, начало в 19.00.

Зверевский центр современного искусства Новорязанская, 29, стр. 4, Милютинский сквер
1 апреля – поэтический вечер Валерия Мишина (Санкт-Петербург), начало в 19.00.

Салон Андрея Коровина в «Булгаковском доме» Б. Садовая, 10
3 апреля – презентация книги Андрея Коровина «Любит дракона», начало в 20.00.

ПОЭЗИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Не надыхавшись воздухом высот

Владимир ВОРОКОВ

Писатель (р. в 1936 г.), профессор, академик, заслуженный работник культуры РФ, заслуженный деятель искусств КБР и ряда северокавказских республик, вице-президент Международной академии творчества.

ЧТО СКАЖЕТ ВНУК

Года летят неумолимо,
Как в небе журавлиный крик,
Как пассажирский поезд мимо,
Как вскользя мелькнувший
солнца блик.

Остались в прошлом повседневность,
Гора придуманных тревог,
Обиды, ласки, споры, ревность
И пыль исхоженных дорог.

Себя я мнил когда-то птицей,
Что покоряет высоту.
Хотел пространством наслаждаться,
Мечтал потрогать красоту!

За окоём ушло былое,
Как с гор спустившийся туман,
И вижу я теперь земное:
Просчёты, промахи, обман.

И всё же мысль моя — ошибка.
К нитью и в прошлом не привью.
У внука на лице улыбка:
— А дед мой — вовсе не старик!

ПОКОЙ

Лента безудной дороги
Брошена в травы степей.
Песня тоски и тревоги
Гонит, пугает коней.

Пламя прощального цвета
Вдруг подпало леса.
В радугой осень одета,
Грустно звучат голоса.

А улетевшим далеко
Стаям испуганных птиц
Будет вдали одиноко
Без кабардинских зарниц.

Я же на дальней опушке
Тихо укроюсь в покой,
Там, где платанов верхушки
Шепчутся с горной рекой.

Мурадин ОЛЬМЕЗОВ

Поэт и драматург (р. в 1949 г.), автор 15 книг стихов, поэм, сказок, драм. Книга «Зеркало к зеркалу» (2012) попала в шорт-лист премии им. А. Дельвига.

ЗЕРКАЛО

Зеркало состарилось
и больше
не смеётся звонко, как когда-то.
От него улыбки не дожидаться —
глаз бездонных родники иссякли
и мутны от скорби и печали.
Кожа, прежде гладкая, в морщинах,
что твоя древесная кора.

Зеркало состарилось
и дремлет,
дремлет дни и ночи напролёт.

А во сне, наверно, видит детство,
юности орлиный видит взлёт.

Зеркало состарилось,
и что же?
Зубы поредел, а на пряди
изморозью пала седина.

Почему же зеркало, бедняга,
не себя жалеет,
а меня?

УШЕДШИЙ В НЕБО

Вновь —
чёрный день.
Опять поиб мой друг.
Ещё один
сорвался со скалы...
А он любил
взрывное слово
«друг»,
всю жизнь любил он
острые углы!

Не надыхавшись
воздухом высот,
он, падая,
прощальный бросил взгляд
на мир внизу,
где нечисти — почёт,
где каждый дышит
затхлостью болот,
где страх в душе у каждого живёт,
где думают лишь то, что им велят.

А в мире скал —
такая чистота!
Таким бесстрашьем
веет всё вокруг!
Его всю жизнь
влекла лишь высота,
таким он был,
ушедший в небо
друг.

Ожидая тебя, я устал,
истомился смертельно.

Озираясь, приметил я дерево на берегу:
вижу, ветер, такой же усталый,
улёгся на ветви,
рядом птица присела,
тумана лохмотья повисли.

Голубыми, прозрачными,
пёрышка легче словами
на бумаге то дерево
бережно запечатлел:
ветерок растворил я в лучах
золотистого света
и, смешав его с собственной речью,
сумел воссоздать
я в тетради его целиком —
перенёс всё до ветки.

Ожидая тебя, я устал,
ну когда же ты вспомнишь...

Растворив птичьи трели
в зарницах на краешке неба,
подмешал синих слов —
и на дереве выросли листья.
Настоящее дерево машет
ветвями с бумагой.

Ожидая тебя, я устал.
Нет мне жизни, родная!

А теперь нарисую дорогу,
дорогу разлуки —
та завистница злая
тебя у меня забрала,
уведя за собою в обманные
дальние дали.

Наберу жёлтых слов
и с курлыканием грустным смешаю
журавлей, от родимой земли
улетающих прочь.

Ожидая тебя, я устал.
Так убей же надежду!

Нет! Надежда умрёт —
и сгорит моё дерево тут же,
не дожив и до осени: сердце его
разорвётся.

Лучше слов наберу я крылатых,
с сиянием Божьим
их смешаю — и претеплый тот
ветерок нарисую,
что запутался в прядях твоих
и не хочет наружу.

Ожидая тебя, я безмерно устал,
дорогая.

Перевод Георгия ЯРОПОЛЬСКОГО

Джамбулат КОШУБАЕВ

Журналист, поэт и прозаик (родился в 1962 г.). Автор книг «Логос без имени», «Абраг», «Палимпсест», «Иное небо».

1
На мягких склонах гор цветёт кизил,
И пенится цветков весеннее безумство,
И безмятежность времени
сквозь безмятежность чувства
скользит, своих лишаясь чёрных сил.

2
Ещё нет впереди потери
безвозвратной,
Ещё есть впереди чреда
счастливых лет,
И босоногое в траве ликует счастье,
И запах трав разлит кругом,
как свет.

В сухой горсти
Сжимаемая время,
Уходят старики.

Мой же время —
Не вмещается в ладони.
(Так мнитесь мне).

Оно кругом
Шумит и плещет
Подобно морю —

Ещё успеешь...
Ещё успеешь...

Зарина КАНУКОВА

Поэт и драматург (р. в 1969 г.). Главный редактор республиканской газеты «Горянка». Автор поэтических сборников «Игры в прятки», «Небесный бисер», «Ты и я», «Тонкие связи».

Под водой донесу свою душу
до тебя — пусть там воздуха нет,
но лишь там она выйдет на сушу,
где горит твой спасительный свет.

А по воздуху — нет, не решаю:
вдруг развеется, не долетев?
Вдруг какая-то мелкая шалость
навлечёт на неё Божий гнев?

Где б ты ни был, душа моя знает,
что с тобой, мой родной человек.
Ей ни зной не помеха, ни налесь —
связь незлыма. Это — навек.

Душа моя — не судно на приколе,
она всегда с тобою. Наизусть
я знаю твою радость и боли,
я постоянно чувствую твой пульс.

Сейчас ты на краю земли, и сердце
твое идёт на убыль, как луна.
Я о тебе, своим единовереце,
и вдалеке заботиться должна.

Стремись скорее обратиться
в завтра,
сегодня мчит вперёд во весь опор.
Мне холодно подчас,
а то вдруг жарко —
тебя я ожидаю с давних пор.

Не трайя сил на горестные стоны,
жду, чтоб ко мне привёл тебя
твой путь.
У мира свои мерки и законы,
и не пытайся их перешагнуть.

Чего я жду, придёт по Божьей воле,
и в этот миг я радостью упоюсь.
Дай знать мне твою радость и боли,
дай постоянно чувствовать
твой пульс.

Перевод Георгия ЯРОПОЛЬСКОГО

ПРОЗА КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Борис ЧИПЧИКОВ

Родился в 1948 г. в Киргизии, живёт в Нальчике. Автор книг, написанных по-русски и по-балкарски: «Возвращаясь свободным», «Улыбаются Боже», «Нерестились рыбы в лунном свете», «Мы жили рядышком с Граалем» и др.

Двери

В дом влетела тётка:
— Быстрее собирайся...
Умер Асхат... Автобус
ждёт... Давай быстрее... Поехали на похороны...

«Поехали на похороны», — застряла в голове и удивило своей нелепостью. Ехать на похороны. На похороны надо идти.

— Ты езжай, я сам доберусь, — сказал я. Сказать-то сказал, да забыл, что на дворе февраль, холодина, ветрище с ног сшибает; а идти надо в ущелье соседнее.

И я пошёл. Несло меня ветром по ледяной дороге, штормовка и свитер не грели, и запылало подумалось о шубе.

А вокруг уныние: снег, замёрзшие скалы, ломкие стебли прошлогодней травы, и лес, чёрным пауком вписавшийся в серую муть неба. Здесь, наверное, никогда не было людей и никогда не будет, и ветер никогда не утихнет, и мне никогда не дойти.

Кавказ, апельсин, пляжи, золотые пески... Да полно, это ж литературные выдумки, враньё. Это какая-то Сахара, убитая ветром и морозом.

Кунак... Почему-то злило именно это слово. Какой там кунак? Для того чтобы был кунак, нужен дом какой-никакой, а здесь... Еле передвигаю ноги, подбадривая себя энергичным словом «идти»; шёл и бормотал — идти, идти, потом и это надоело; всё — ни назад, ни вперёд, ни домой, ни на похороны, лечь на снег, и всё... Лёг и вижу: на вершине горы — кошара. Полз я на гору бодро, там тепло, там что-нибудь прояснится. Стакан чая и тёплая шуба вырвали меня из серого ничто, и я с удовольствием слушал речь чабана: «Пойдём направо, потом налево, большая часть пути позади, а теперь дорога всё вниз и вниз и сама выведет к жилью».

Пожалел чабан и дал мне лошадёнку, не жеребёнок уже, но и до лошади ей далеко. На мне шуба, и я на лошади — значит, доеду. Рано радовался — дорога и вправду вниз и вниз, да сплошным льдом покрытая; на лошадь не сесть, вот и пришлось мне тащить и себя, и это существо непонятное — не лошадь и не жеребё-

нок. Вначале дорога была одна, потом раздвоилась, потом третья, четвёртая появилась, и я перескакивал с одной на другую, выбирая менее обледенелую, но таковой не было. Начал уставать, шуба не грела, обожжённое ветром, то болендо крика. Дорог много, и не все они ведут куда мне надо, думал я, коченея, перебирая ногами, помахивая руками, потирая то грудь, то лицо, и случайно увидел в стороне от дороги столбы с проводами, — значит, они и приведут меня к жилью.

Приободрился я, когда спустился на ровное место, даже вскачь пустил лошадёнку, и в сумерках подлезал к дому умершего.

Умер человек. Говорили, что дней за пять до его смерти обступили, облепили, нависли над ним женщины, кто в сером, кто в чёрном, а кто и вовсе в красном, и не умереть ему не было никакой возможности. Умер человек, близкий человек, вот холмик земли, а мне не верится, и нет во мне горя.

И не я один такой неверующий, мне казалось, что все люди, много людей тоже не верили.

Всё было буднично, резали скот, мужики, будто стеклышки, тщательно разделяли туши, женщины спокойно и буднично раскладывали по кулёчкам конфеты, спорили, зачем, мол, три «Кара-Кума» кинула в тот кулёк, надо было в этот. Дымилась во дворе громадные казаны, люди ели, улыбались, говорили о сене, о баранах, зарезанных и ещё живых. Во дворе собрались дети, большие и малые, им раздавали конфеты, один наклонился к другому: А тебе какую кон-

фету дали? А мне вот эту.

Смотрел я на них, смотрел и заплакал, подумалось: на таком маленьком кусочке земли умер человек, и тут же жизнь будущая шумит, толкает друг дружку. Как же я тогда ошибался — плакать надо было, но о том, что быстро жизнь выросла на том самом маленьком кусочке земли, где только что умер человек, жестокие, вялые видимые ростки прорастали...

Но не мне упрекать, прошло уж больше десяти лет, а я и сейчас не верю и никогда не поверю, что он умер.

Помню его стоящим среди выцветших посеребривших скал, и в ковшике его мягких ладошек горит барбарис, а в глазах мальчишеское ликование — смотри, как много я собрал.

На могилу не хожу, но каждый год, каждый месяц, всегда, когда есть время, прихожу на то место, где он стоял среди выцветших серых скал и в ладонях горел барбарис, по-мальчишески светились глаза.

Развожу костёр, я пришёл к живому, я не верю, что он умер.

Рядом берёзовый лес — чудо, среди скал и вдруг — берёза, здесь она светлее и значительнее, чем на равнине.

Падают листья, но разве листья плачут по мёртвым листьям — они светлы и нежно расстаются на время и машут ветвями вслед улетающим листьям. Я иду по белому лесу, любящая горящими кустами шиповника и барбариса и говорю с живым, близким мне человеком. Вот в это верую, и я верю, говорят его озорные мальчишеские глаза. И мы тихо идём и слушаем, как с белых деревьев опадают жёлтые листья.

Похоронили Асхата. Странная судьба у человека: автобус их, полный-полнхонек, врезался в грузовик, и погиб только он.

Дети остались, жена, мороз и ветрище, а человека не стало. Ночь, темнота, устал я, голоден и слаб. Оставаясь, говорили родственники, но я решил ехать сейчас. В темноте я еле различал ещё более чёрные столбы. Ехал в каком-то забытьи, ехал, тащил в гору лошадёнку, потом снова ехал, впервые на лошади; тело ныло, в голове ни мыслишки; я стал забывать, откуда и куда еду. И вдруг, в миг единый, вспыхнула луна, и всё вокруг осветилось, грязные проталины не выглядели грязными, а читались как значительные многоточия; осветился лес, стал виден каждый ствол, каждая веточка; скалы, дальние и ближние, купались в белом и голубом свете; каждая былинка, торчащая из снега, казалась думающим существом, не стало большого и малого, всё вокруг спаялось светом лунным в единое и неразрывное; и от целого этого стекла и вливалось в меня что-то такое, от чего пошли мурашки по телу; я не был оторван ни от гор, ни от снега, ни от былинки, — я стал частью округи, и мелькнула мысль — даже если я умру сейчас, то у меня вырастут корни, стану я чем-то другим, иначе буду называться, но выпасть в никуда я просто не смогу, и замёрзнуть — не замёрзну.

Ветер исчез куда-то, но было холодно не от мороза, меня колотило и било в седле от осознания того, что я не просит сам по себе, а часть чуда. Случайно на тёмной скале я увидел громадное зеркало и, замерев в ужасе, долго смотрел; а всё было просто — в ска-

ле дыра и голубое небо, какое-то совсем дневное, и кусочек этой голубизны дивным зеркалом казался. Я даже подлезал поближе к зеркалу: меня захватывала эта голубизна, и хотелось в ней раствориться. Лошадь с любопытством повернула ко мне голову, и в её громадном всеумудром глазу уместилась луна, и смешным и нелепым показался я себе, восседающий почему-то на существом, в чём-то равном мне, а в общем, гораздо более чистом и безгрешном, чем я. Ощущение было такое, будто округу трястётся, вышибая из меня тёмное, и всё это нечестное выходит из меня с болью через торчком стоящие волосы. Вот он, Кавказ, такой, как тысячу лет назад, и он совсем не изменился. Это моя земля, и впервые, в миг один понял, что она и кто я. Она рассказала и о себе, и обо мне, и о тех, кто был до меня и кто придёт после. И снова Кавказ громадный, как космос, и все миры вместе, и я понял, что Асхат не в земле, а где-то среди белого и голубого покоя, и понял я: умереть нельзя, ибо нет смерти.

Так вот почему Прометей выжил. Не потому, что Богом был, его к скале Боги могли приковать и посылнее. Они ошиблись в выборе места. Ну как может умереть человек, ставший частью бессмертия? От этой мысли я весь стал каким-то лёгким, будто только что проснулся. Спокойствие вернулось ко мне, но спокойствие какое-то светлое и бодрое. Исчезли голод и усталость, и лошадедка моя приободрилась, видимо, состояние моё ей передалось. И мы плыли молча, улыбаясь. Мы навсегда отвергли слова.

От света лунного снег словно горел, вспыхивали в голове

воспоминания; голова мучилась, пыталась в чём-то разобраться и не могла.

Плыло голубое небо, плыли, цветные теперь, столбы и горячий снег, плыла луна, неся своё великое и простое дело.

Всё спаялось большой тайной, и ни одно существо не могло отделить себя от этой чистоты, и каждая частичка любовалась друг дружкой и молча клялась никогда не предать освещённого братства. Бог на моих глазах превратил ночь в день. И в свете Божьем я слышал Глас Божий: «Смотри, сынок, и слушай, и унеси свет сей в свой тёмный и нечестный мир, да осветит и согреет он путь твой и дороги живущих с тобой! Самый трудный путь — это лёгкий путь. Не утони в сладком потоке слова «покой», ибо покой и есть порождение тяжкого пути. Одномо не осилит пути Моёго».

Странно устроен человек — из кусочков хочет собрать целое, имеет целое — разбирает на кусочки. Вот и я пытался определить пережитое, перебрал много слов и остановился на Красоте, но Красота эта была иная, не такая, какой я её доселе представлял. В ней было что-то вроде того, как отец во благо сечёт сына, отчаявшийся человек выбивает пыль из ковры, и ковёр чист; это как серу ввели в кровь, чтобы вывели шлаки. Странное сочетание: сера и кровь, но иначе кровь не очистится...

Домой я добрался только утром и вошёл в дом свой, полный светлой усталости. На дверь свою взглянул и подумал: «Смерть приходит в дома в облике благополучия, дома, имеющие сострадание к самому себе и ко всем домам, — спасены будут...»

ПЯТИКНИЖИЕ

Борис Шергин. Собрание сочинений. В 4 томах. Том 1. Былины. Песни. Сказки. — М.: Москводение, 2012. — 448 с. — 3000 экз.

Борис Викторович Шергин (1896—1973) — уроженец Архангельска, сын потомственного морехода, с раннего детства увлекался поморским фольклором. Внимательно слушал, запоминал, а потом записывал сказки, песни, былины. Помимо этого Шергин рано проявил недюжинный талант живописца. Самостоятельно изучал иконопись, художественно-прикладные ремесла. Перед нами наиболее полное издание произведений замечательного русского писателя. Наряду с широко известными сказками и новеллами Шергина в собрание вошли его ранние произведения, никогда не переиздававшиеся, напечатанные в газетах и журналах. Приведены также записи былин, сделанные с голоса Шергина в разные годы. В наиболее полном виде представлен перед читателем дневник Б.В. Шергина, который он вёл на протяжении нескольких десятилетий. Собрание иллюстрировано как работами известных художников книги, так и рисунками самого сказочника, сохранившимися в архиве писателя и никогда не публиковавшимся. В первый том собрания вошли былины, исторические песни и сказки Шергина.

Сергей Чудаков. Колёр локаль. — М., СПб.: Летний сад, 2012. — 176 с. — 500 экз.

Это удивительная поэзия и удивительная судьба, отсылающая к знаменитым французским «проклятым» поэтам, творческое поведение которых корреспондировало с их творчеством. В статье «Русский Вийон» друг Чудакова Олег Михайлов писал: «Жизнь посвятил стихам и был равнодушен к их судьбе. Писал на чём попало — на обёрточной бумаге, на уворованных (из Ленинки или у приятелей) книжках, а то и просто надиктовывал их по телефону...» «Колёр локаль» в 2007 г. была сметена с прилавков, опровергая расхожие заявления о «смерти поэзии». Это — второе издание. Стихотворение Иосифа Бродского «На смерть друга» (Имярек, тебе) было написано в 1973 г. в ответ на известие о смерти Чудакова. Но в том году Чудаков вовсе не замёрз «на смерть в параднике Третьего Рима», это оказалось ложным слухом. Он прочёл стихотворную эпитафию, посвящённую себе. Точная дата смерти Чудакова неизвестна.

*Пушкина играли на рояле
Пушкина убили на дуэли
Попроси тарелочку морщишки
Он скончался возле*

книжной полки

Екатерина Димбаева. Агата Кристи. — М.: Молодая гвардия, 2013. — 349 с., ил. — (Серия «ЖЗЛ»). — 5000 экз.

Написать биографию Агаты Кристи непросто уже потому, что «королева детектива» сама написала свою автобиографию — подробную и очень корректную. Задачей Екатерины Димбаевой было подрастерпать эту причастность собственноручного жизнеописания и не опуститься до вульгарного раскапывания чужих секретов. В результате вышедшая в серии «ЖЗЛ» биография не поражает ни богатством источников (этого ей как раз не хватает), ни срыванием покровов, однако занимательна и оставляет приятное впечатление, благодаря авторской интонации. Эта интонация близка к сдержанному, слегка ироничному стилю самой Кристи; хотя иногда Димбаева допускает страстные, всегда доброжелательные по отношению к своей героине размышления-отступления. «Старуха, пережившая свой век», которую после её смерти экранизировали охотнее и успешнее, чем при жизни, кавалерственная дама, которую высоко ценила королева и душой налагала британское государство, Кристи никогда не была скандальной, всегда оставаясь интересной.

Юрий Олеша. Прощание с миром. Из груды папок (Монтаж Бориса Ямпольского). — СПб.: Гуманитарная академия, 2013. — 256 с. — 1500 экз.

Большее четверти века подряд Юрий Олеша вёл дневники, записывая воспоминания и мысли. В 1961 году всё это было собрано в книгу «Ни дня без строчки». Книга не раз переиздавалась, но мало кто задумывался, что она, возможно, далека от авторского замысла. Книга «Прощание с миром» — смелый литературоведческий эксперимент, объектом которого стало архивное наследие Олеша. Ленинградский прозаик Борис Ямпольский (1923—2000) предпринял интересную попытку «переконструировать» опубликованные в неоднократно издававшейся книге «Ни дня без строчки» записки Олеша, предложив более литературно и психологически оправданный порядок составления этих разрозненных отрывков. Монтаж Ямпольского — это попытка взглянуть на «листки из груды папок» как на законченное литературное произведение, обладающее внутренней цельностью и определённым сюжетом; попытка, которая, безусловно, способна придать вроде бы давно известной книге новый облик и вдохнуть в неё новую жизнь.

Игорь Шпилёнок. Мои камчатские соседи. 370 дней в Кроноцком заповеднике. — М.: Самокат, 2013. — 192 с. — 5000 экз.

Это издание может быть интересно не только детям. Во-первых, это фотокнижка. Натуралист Игорь Шпилёнок больше года прожил в заповедном уголке Камчатки, на берегу Тихого океана, прямо под боком у вулканов. Медведи тёрлись об угол его домика, лоси узнавали его, лисы воровали бельё и ботинки, к самому крыльцу прибегала россомаха... День за днём он фотографировал этих зверей, полюбил их, с мягким юмором описывая их жизнь. «Подумаешь! — говорили ему опытные камчадалы. — Медведя и дурак снимет, а ты научился фотографировать зверей маленьких». И Шпилёнку немало пришлось потрудиться, чтобы снять маленьких: зайцев, сусликов-свражек, полёвок, бурозубок. Во-вторых, эта книга — изданный сетевой дневник. Да, всё так: в домике посреди заповедника не было никаких удобств, кроме электричества и Интернета. Читатели сильно привязались к четвероногим соседям Шпилёнка. В дневнике натуралиста-фотографа не раз вспыхивали споры — естественно-научные и даже этические. Отголоски их — диалоги, реплики — встречаем и на страницах книги.

ОБЪЕКТИВ

Призрак честного человека

Английское прилагательное fair имеет много значений, главные из которых — честный, справедливый. Когда в заголовке, но благоустроенном и уважаемом английском городке Пэгфорд умер член местного совета Барри Фейрбразер, жители не вполне осознавали, чем обернётся эта смерть.

Фейрбразеру было всего 44. Сам того не зная, он носил в себе бомбу замедленного действия — аневризму сосудов головного мозга. И она взорвалась совершенно неожиданно, оставив вдову и детей уповать на страховку. Но на что же могут уповать жители Пэгфорда, оставшись без Барри Фейрбразера?

Говорящие фамилии — их отмечала и английская пресса — одно из свойств прозы Роулинг, выпестованное ещё во время работы над семью томами «Гарри Поттера». Одно, но не главное. Важнее, что в первой книге Роулинг для взрослых (притворимся, что взрослые не читали «Поттера») чувствуется рука мастера, уже вполне умеющего строить сложный и увлекательный сюжет — не линейный, а многоголосый. Отцы города и социальное дно, психолог и трудные подростки, врачи и пациенты, мужья и жёны, родители и дети, школьная травля — все эти противостояния интересны Роулинг, и раскроет она их не на одном примере, подробно и страстно.

Написав семь томов сказки о борьбе добра и зла и будучи от природы человеком ироничным, Джозан Роулинг не погрязла в сарказме, в ни к чему не обязывающей прохладной игре понятийми, не приобрела этическую близорукость. Её умение (и, что ещё важнее, желание) различать добро

Джозан Роулинг. Случайная вакансия. — М.: Инostrанка, Азбука-Аттикус, 2013. — 576 с. — 100 000 экз.

и зло — отличительное свойство истории о мальчике-волшебнике. Недвусмысленные моральные оценки — главное свойство первой «взрослой» книги Роулинг. Она — писательница-реалистка и не будет писать оценки огненными буквами на скрижалях. Не сделает их пожизненным типовым клеймом — ведь люди могут меняться. Но она высказает своё отношение — тонко, умно, явно. И читатель это услышит.

Итак, умер Барри Фейрбразер, член местного совета городка Пэгфорд, большинство достойных жителей которого желают избавиться от грязной трущобной помойки: предместья Филдс, которое сейчас находится в подчинении (и на содержании) у Пэгфорда. Что может быть хорошего в этом гнезде разврата? Говорите, там живут и страдают люди, которым нужна помощь? Живут — да, но не страдающие: они сами выбрали свой образ жизни. И с какой стати уважаемые горожане Пэгфорда должны беспокоиться об их судьбе? У них свои семьи, о которых следует заботиться. Так думают многие жители Пэгфорда. Так думает и скорбящая жена Барри Фейрбразера: ведь перед смертью он куда больше внимания уделял распущенной

и грубой девчонке Кристал Уидон, чем собственным дочерям.

И всё же Барри, пока был жив, умел сделать свою позицию доминирующей: Филдсу — да, наркологической клинике «Беллчепел» — да, обучению детей из трудных семей рядом с «чистенькими» детьми — да. Видно, ему это удавалось потому, что Барри сам был родом из Филдса, мальчишкой, выросшим в прицепном фургончике, сумевшим получить образование, стать преуспевающим юристом и пробиться в местную элиту. Уж он-то не понаслышке знал о свирепых жизненных поворотах, сбрасывающих людей на дно. Он обладал даром убеждения, идущим от одновременной сопричастности «поддонкам» и «сливкам» общества... Но не слишком ли много внимания мы уделяем человеку, умевшему на первых страницах книги?

Дело в том, что эта смерть не только стала дружиной, запустившей драматические события в Пэгфорде, но и простёрлась над ними, стала проявителем, обнажившим нравы. А с тех пор, как в городе возник Призрак Барри Фейрбразера, изо всех шкафов посыпались стыдливые упрятанные туда скелеты... Роулинг живёт в XXI веке и пишет о детском заголовке, но для неё не существует «проблемы актуального изображения современности» — именно как проблемы. Для того чтобы сделать Гарри Поттера близким и понятным современным детям, ей никогда не требовалось вооружить его мобильником и айпадом. В прозе Роулинг нет «междоколенческого» разрыва, который заставляет воспринимать бытовые перемены как ещё не обкатанную в литературе новинку и неловкость. Технический прогресс мало влияет на природу

людей. Но в городе есть Интернет, и писательница, выстраивая сюжет, использует его возможности красиво и непринуждённо. Одним словом, аутентично.

Проблема аутентичности, которая нынче растрежирирована назойливым кличем «Будь собой!», — из наиболее важных в книге. Один из героев, за которыми писательница наблюдает особенно пристально, даже разработал свою теорию. Умный юноша Стюарт Уолл учится «подавлять такую неуверенную сущность, как чувство вины и страха», желает «обрести внутреннюю жёсткость и неуязвимость, преодолеть боязнь последствий, отбросить туманные понятия «добро» и «зло». Уолл полагает, что стремится к храбрости и честности. Но что, если храбрость и честность вовсе не аутентичны его природе? Роулинг безжалостно показывает, как неуязвимый саркастический герой из эгоиста, давшего себе право, превращается в дрожащую тварь. И это далеко не худший исход, ибо он оставляет надежду на новое — и лучшее — превращение. А для кого-то оно уже невозможно...

С развязкой писательница сотворила нечто необычайное, подняв обыденную драматическую ситуацию до акта высокого правосудия. «Проверка... она для всех проверка!» — сказал, умирая, один из самых известных русских киногероев. Так будет и у Роулинг. Призрак Барри Фейрбразера отлетит, и его место займёт память о тех, кто мог бы жить, если бы люди были самую малость лучше, чем они есть, о тех, кто принёс в Пэгфорд куда больше добра, чем этот город когда-либо откажется признать.

Татьяна ШАБАЕВА

КНИЖНЫЙ РЯД

Негромкий голос

Юрий Гречко не услышишь на модных тусовках, за ним не гоняются редактора «толстых» журналов с просьбой дать новых стихов в номер, его книги не становятся литературными бестселлерами и не собирают вороха рецензий. Почему так? Наверное, потому, что настоящему поэту это не нужно. Любой автор может при желании разрекламировать своё творчество не в том, так в ином качестве. Одни идут на литературные сайты, ведут активную сетевую жизнь, не только размещая свои стихи, но и участвуя в жарких спорах. Другие стараются не пропускать поэтических вечеров, рвутся выступать при всякой удобной возможности. Третьи действуют при помощи связей: там рецензию о себе попросят, здесь — публикацию. Примеров можно привести сотни... А вот Гречко просто пишет стихи. Считает это основным делом, в литературные генералы не рвётся, дешёвой популярности не ищет. Уже за это стоит снять перед ним шляпу.

Впрочем, перейдём к его книге. Прежде всего следует сказать, что это стихи для подготовленного читателя. Несмотря на кажущуюся простоту его поэзии, здесь явно чувствуется рука мастера — в каждом стихотворении, в каждой строфе. Автор не допускает проходных текстов, и это видно невооружённым взглядом:

*Это август под вечер додумался
шлёпать по лужам,
досаждаю тополям, как гуляка,
протыкавший ужже.
Ну, да бог с ним, прости!
И бутылку вина обнаружил
в стеллаже.*

Такие стихи хороши для того, чтобы читать их в одиночестве, в пустом гостиничном номере, на дачном участке... Неспешно листать страницы, по несколько раз возвращаясь к полюбившимся текстам. Это совершенно не эстрадная поэзия! Вполне понятно, почему Гречко не числится в списках модных и актуальных стихотворцев. В его стихи надо вчитываться, размышлять над ними, улавливать переключки с другими поэтами, с фольклором.

Юрий Гречко. Где-то, когда-то... — Краснодар: Периодика Кубань, 2012. — 168 с. — ил. — 500 экз.

А это задача архисложная для среднестатистического читателя, привыкшего к «слазману», где побеждает обычно не лучший, а наиболее голосистый и задиристый. Как-то незаметно мы вступили в фазу всеобщего читательского отупения. Хорошая поэзия если и встречается, то не вызывает широкого отклика у так называемых ценителей. Им подавай трёхэтажные матюги, иностранные словечки, и лучше, чтоб в форме верлибра — тогда будет совсем актуально. А ведь всё это уже было, было, было... Кажется, давно пора очнуться от этого покрывающегося слоем нафталиновой пыли парада пост-модернистских вывертов. Но нет, пока не наелись, видимо. Потому и считаются у нас поэтами откровенные шарлатаны и клоуны. И слушает народ их заезженные пластинки если не с восторгом, то с неослабевающим любопытством, не подозревая, что это осетрина второй-третьей свежести.

В эту книгу вошли стихи разных лет — и старые, и новые, написанные буквально перед её изданием. Что любопытно — временной разброс никак не сказывается на общем восприятии прочитанного. Здесь одно дополняет другое, автор не стремится удивить кого-то оригинальной рифмовкой или свежими образами — если это и происходит, то помимо его воли. Но именно так и должно быть с настоящими стихами. Они могут быть неброскими, но выразительными.

Говорят, что «тихая опричка» умерла. Юрий Гречко — лучшее опровержение этого тезиса. Он вдалеке от «большой» литературы, и в то же время он — в литературе русской. И его негромкий голос звучит куда предпочтительнее, чем мычание иных распиаренных сочинителей.

Игорь ЧЕРНЫШОВ

ЛИТПРОЗЕКТОР

Монолог поневоле

В 2007 году в южном нефе Кельнского собора обновлен витраж (прежний был уничтожен «гуманитарными» авианалётами» во время Второй мировой). Автор стеклянного панно, современный живописец Герхард Рихтер, заполнил прозрачную плоскость разноцветными квадратиками восьмидесяти оттенков, так что теперь с библейскими сюжетами соседствует нечто вроде настроенной таблицы для телевизора. Причём местоположение каждого элемента абстрактной мозаики определял не создатель, а компьютерный алгоритм.

Наверное, особенность нынешнего искусства, когда основным художественным инструментом выступает генератор случайных чисел, может принести некоторую оригинальность, например, в визуальное творчество. Тот же пиксельный витраж Кельнского собора воспринимается и как добытый хаос, и как напоминание о ковровых бомбардировках.

Однако в литературе механическая комбинаторика обычно ни к чему хорошему не приводит. Особенно если результат сопровождают восторженные отзывы о наконец-то написанном «настоящем Русском Романе XXI века».

Сюжет книги Антона Понизовского «Обращение в слух» построен вокруг культурологического эксперимента по изучению национального характера. Суть научного метода — аудиозапись и последующая расшифровка «свободных повествований» людей из народа, желательнее — не испорченных высоким образованием уроженцев деревни. Это распахну-

тый в бескрайние русские просторы «большой» мир произведения.

Мир внутренний, герметичный — гостиница в Альпах, где четверо соотечественников застревают из-за прервавшего авиасообщения вулкана-который-нельзя-называть.

Юный филолог Фёдор, помощник профессора Фрайбургского университета, привлечён к переводу, комментированию и анализу монологов, записанных на диктофон где-то в Нечерноземье. Правда, паренёк из обеспеченной московской семьи, по совершеннолетию отправленный учиться в Швейцарию, где прожил шесть с половиной лет, весьма слабо представляет реалии быта, о которых вещают санитарки, продаващицы, доярки, ткачихи. Разгоняя слуху, он слушает аудиозаписи вместе со случайными соседями по отелю — сноубордисткой Лёлей и супругами Беляевыми. Герои (типичные представители «креативного класса», или, как их нынче величают, «креаклы») пытаются найти в безыскусных историях ответ на «загадку русской души». Дискуссия, поначалу отвлечённо-шутливая, переходит в идейный конфликт. Который усиливается оппозицией «большого», полифоничного мира — и его восприятия столичной богемой из уютного номера альпийского гостинички.

«Креаклы» не стесняются в выражениях. «Чем меньше русских, тем меньше проблем!» — кричит 40-летний Беляевский. — Эта страна — не людская, она устроена не для людей». Глубокомысленный вывод: «Круглые сутки не между собакой и волком» — а между волком и волком. Вот это — Россия...

На таком фоне 25-летний Фёдор (вроде и protagonista, пытающийся спорить с матерым интеллектуалом) смотрится малоубедительно. Причём в конце романа, что характерно, в Россию возвращается как раз русофоб Беляевский, а хороший парень Фёдор остаётся и строит отношения с русской девушкой в дистиллированном раю Швейцарии; где здесь усмотренная иными критиками нравственная победа молодого героя над зрелым нигилистом — не ясно.

Причина? «Федя не знал, что никогда не умел общаться с другими людьми. Слова — и написанные, и сказанные — принимал на веру. Он любил размышлять, преимущественно на абстрактные темы, — но почти совсем не умел понимать мотивы чужих поступков, если чужие мотивы отличались от его собственных». Характеристика точная: страшно подумать, сколько прольётся крови, если завтра наши прекраснородные хипстеры спустятся со своих альпийских лужаек для спасения Руси-страдалицы от ненавистного «рыжбыма».

Ожесточённые споры о русской душе (а также о Боге и Достоевском) чередуются с аудиозаписями рассказов эталонных людей из народа. Их больше двух десятков. От ленинградской портнихи, во время блокады съевшей своего ребёнка, до курсанта военномызыкального училища, работающего стриптизером в московском ночном клубе.

Следить за бесконечными прениями персонажей довольно утомительно. Воспринимать авторскую философию, то и дело подкидывающую мысли вроде: «Начиная с Адама

внутренняя конструкция человека, «дизайн» человека предполагает общность, отсутствие разделения на «субъект» и «объект», — тоже не так-то просто.

Вот здесь, похвалив талантливую сатиру на интеллектуальное банкротство «креаклов», пожурив чрезмерную патетичность (вот вы можете поверить, что в высказываниях, уж простите за слово, «простонародья» не окажется ни одного мата?), и можно поставить точку. Однако же — одно «но».

Оказывается, анонимные истории-монологи, на которых держится фабула романа и которые искренне восхищают блестящей стилизацией «низкой» речи, рельефностью характеров, жизненной правдой сюжетов, — всё это не вымысел, а реальные тексты, записанные со слов реальных людей. Данный факт даже ставится многочисленными рецензентами в заслугу Понизовскому. Что ж, если тут действительно не рекламный трюк и роман больше чем на половину и впрямь составлен из «подлинных интервью, собранных в лечебных и торговых учреждениях РФ», остаётся всего один вопрос. Автор — бесспорно талантливый этнограф, социолог, редактор, литературовед (чего стоит развёрнутый на три главы анализ психопатологии Достоевского с многочисленными цитатами-доказательствами — хоть сейчас верстай монографию). Но где здесь писательство, где здесь литература?

Примерно как если бы Толстой вместо своих историсофских штудий включил в текст «Войны и мира» отрывки «Описания Отечественной войны» историка Михайловского-Данилевского — тоже, кстати, в четырёх томах. Или как если бы Достоевский, что выложил в Интернете фотографию «Чёрного квадрата» Малевича, назвали бы великим русским художником.

Возвращаясь к самим «народным нарративам» (правда ли они, выдумка либо литобработка), хочется вспомнить жаргонное словечко «педаль», каким студенты старших курсов Литинститута обозначали чрезмерное эмоциональное давление на аудиторию. Как у того же Достоевского в сцене убийства лошади: конечно, сильнейший эпизод, но напиши с подобным надрывом целый роман — его станет невмоготу читать. Катарсис не может продолжаться все два часа театральной постановки. Непроглядная темнота, пьяные метания, бесконечное «на тракторе перевернулся, погуби»; словно в наемешку, несколько «счастливых» исходов: муж безвестной рассказчицы стал инвалидом, зато не пьёт, — всё это притупляет наше впечатление, так что к концу совсем перестаёшь воспринимать необычный поток сознания новых и новых людей. И предлагаемый выход — интимное счастье филолога Фёдора в швейцарском шале — как-то не укладывается в общую концепцию духовности и обретения России.

Помнится, года в восьмидесятых редакция журнала «Уральский следопыт» в числе требований к фантастическим произведениям установила, что не принимается публикация рукописи, где раскрывается тайна Тунгусского метеорита. Ровно так и сейчас: русская душа — слишком многомерный объект, чтобы её можно было поверять диктофоном.

Эдвард ЧЕСНОКОВ

Антон Понизовский. Обращение в слух. — СПб.: Лениздат; Команда А, 2013. — 512 с. — 50 000 экз.

А МУЗЫКА ЗВУЧИТ

Гадкие утята
Хосе Абреу

Вообще-то я собирался писать совершенно на другую тему, но смерть Уго Чавеса поневоле перетянула внимание на себя. Можно по-разному относиться к архихаризматичному команданте, но есть совершенно очевидные вещи, с которыми спорить просто глупо. Это странное сочетание детской непосредственности и абсолютной прагматичности, холодного трезвого расчёта и дальновидности, скрывающееся за маской наивного романтика-революционера, всегда было мне очень симпатично. Не последнюю роль в этом сыграли музыкальные способности команданте — он любил и умел петь (до сих пор среди ветеранов Ленконцерта бытует легенда о молодом латиноамериканце, который собрал команду музыкантов для гастроль по российской глумбинке в качестве солиста) — во всяком случае, диск с песнями Чавес записать успел. Наверное, именно эта любовь к музыке и своему народу помогла Чавесу сделать то, о чём пойдёт речь ниже, — сформировать и укрепить у себя в стране мощнейшую систему музыкального воспитания El Sistema. Справедливости ради надо сказать, что система эта зародилась задолго до того, как Чавес пришёл к власти. Но именно при нём она получила ту мощнейшую государственную поддержку, которая позволила ей стать лучшей в мире на сегодняшний день.

Создателем системы является венесуэльский композитор, дирижёр и педагог Хосе Антонио Абреу. Именно ему в конце 70-х годов пришла в голову идея создания системы социальной адаптации детей и подростков из неблагополучных семей посредством музыки.

«Для детей, с которыми мы работаем, музыка — практически единственный путь к достойному общественному статусу. Бедность — это одиночество, печаль, неизвестность. Оркестр — это веселье, мотивация, совместная работа, стремление к успеху», — говорит Хосе Антонио Абреу. Дети приходят в оркестр начиная с двух лет и с первого же урока начинают музицировать, даже не зная нотной грамоты. Главное условие — постоянные ежедневные репетиции — в день дети занимаются по 3–4 часа. Всем предоставляется бесплатная школьная форма и обед, за каждым закрепляется персональный, довольно качественный музыкальный инструмент. В основе репертуара — западноевропейская классика и латиноамериканская классическая и народная музыка. При этом в одном музыкальном коллективе могут соседствовать дети разных возрастов. Старших учат помогать младшим. Со временем старшие ученики становятся ассистентами преподавателя, а с 15–16 лет им могут поручить руководство своим оркестром. Таким образом, к 25 годам молодой венесуэльский дирижёр в среднем 8–10 лет проводит за пультом собственного коллектива, о чём выпускник европейской консерватории или музыкального университета может только мечтать. Отдельная программа существует для детей с физическими недостатками. Оркестр для большинства детей становится и школой, и семьёй, и обществом. Результатом служит невероятная сплочённость, энтузиазм и ансамблевое чутьё. За более чем 30 лет существования El Sistema через неё прошло более двух миллионов человек.

Во всех городах, где есть оркестры, а их сейчас в Венесуэле более двухсот, намного ниже уровень преступности. Причём уровень оркестров весьма высок, ведь массовость, по Абреу, не должна идти в ущерб качеству. Красноречивое свидетельство тому — венец El Sistema — «венесуэльское чудо» — молодёжный оркестр Венесуэлы имени Симона Боливера, во главе со своим лидером Густаво Дудамелем — кстати, выпускником El Sistema. Этот коллектив, включающий около двухсот человек, производит фурор везде, где появляется, одинаково блестяще исполняя и рафинированную классику (например, Альбана Берга) и латиноамериканские номера.

Неслучайно система Абреу сейчас широко распространяется не только в странах Латинской Америки, но и в Китае, Шотландии и других странах.

Ну а что же Россия? Ведь для нас, с нашими миллионами беспризорных детей, она подошла бы как нельзя более кстати. Хотя справедливости ради следует упомянуть и отечественные системы музыкального воспитания, апробированные временем, — Кабалевского, Танеева, Гнесиных. Но, как всегда, нет пророка в своём отечестве. Конечно, есть масса фондов и грантов, но они рассчитаны на написание «чемпионов», победителей международных конкурсов, а иначе как получить от спонсоров средства? А массовое воспитание никого не интересует — это должно быть заботой государства. И тут поневоле возникает некий исторический экскурс по музыкальным вкусам и пристрастиям первых лиц России, от которых по традиции зависит всё. Императорская фамилия, например, немало времени проводила в царской ложе Мариинки. Сталин тоже неплохо разбирался в музыке (поговаривают, что он мог на слух по радио определить, какой оркестр играет и кто дирижирует). Хрущёв не любил джаз, но был большим фаном Иркы Сумак. Дорогой Леонид Ильич предпочитал цыган...

Так может быть, хотя бы Гергиев, с его энергией и буквально гипнотическим влиянием на чиновников, сумеет что-то изменить. Ведь именно ему принадлежат слова: «Мы должны вспомнить, что были самой великой музыкальной державой в мире. И если даже в далёкой Венесуэле удалось разработать уникальную систему культурного образования, делающую из бывших беспризорников талантливых артистов, то мы, создавшие в XX веке самую передовую в мире систему музыкального образования, обязаны восстановить её».

Юрий АЛЯБОВ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ТЕАТРА

Что с нами происходит

«Язычники» Анны Яблонской в Театре имени Ермоловой

Год назад худруком Театра имени Ермоловой был назначен Олег Меньшиков. Пришёл он на пост мирно, по приглашению много лет возглавлявшего ермоловцев Владимира Андреева. Лозунгом Меньшикова стало — «революции в театре не приводить ни к чему хорошему». И тем не менее с тех пор изменения в Ермоловском прошли радикальные. Во-первых, от старого репертуара остались всего четыре спектакля, в этом сезоне к ним прибавятся четыре новых. С такой скоростью здесь не работали давно. Во-вторых, театр отремонтирован и теперь на фоне бордово-коричневых стен в фойе висят не скучные фотопортреты актёров, а старые афиши (как-никак уже 87-й сезон театра пошёл). Вдоль стен — обновлённые старинные диваны, рядом с которыми примостились журнальные столики, нужные исключительно для того, чтобы там красовались вазы со свежими розами. В общем, ощущение, что Меньшикову важно было создать эдакую салонную, слегка богемную атмосферу на подступах к зрительному залу. Цветы — необходимый атрибут гримёрки успешного актёра внесены в общественное пространство театра как символическая визуализация художественной стратегии Меньшикова: Театр Ермоловой продолжает быть театром преимущественно актёрским, но при этом собирается стать театром успешным.

В театре больше не висит портрет Ермоловой, зато силуэт «великой трагической» четырёхжды размонжен в логотипе. Собственно, с этого силуэта и начинается спектакль «Язычники» по самой известной пьесе молодого драматурга Анны Яблонской, погибшей два года назад во время трагедии в Домодедове. Сначала логотип светом прожектора спроектирован на закрытый занавес, когда же он открывается, то мы в едва подсвеченной сцене видим силуэт женщины, заставшей ровно в том же величественном ермоловском полуобороте. Новый логотип проник в тело спектакля, конечно же, неслучайно. И вовсе это не театральная игра, это оговорка (если не сказать, оп-

равдание), которая нужна новому худруку и режиссёру «Язычников» Евгению Каменьковичу, чтобы, перед тем как начнётся новодраматическая пьеса с матом и бытовухой, призвать зрителей увидеть в этом спектакле преемственность, одним словом, сразу не сбегать. Всё, что дальше будет происходить на сцене, как минимум непривычно для Театра Ермоловой. В пьесе мало того что есть ненормативная лексика (впрочем, в спектакле она сокращена до предела строгой необходимости), так и тематика острая — кризис религиозности, веры.

Анна Яблонская написала пьесу в 2010 году, и это вовсе не политическая пьеса. Это история о типичной семье (интересно, что Каменькович отказывается персонажам в именах, обозначая только: мать, отец, дочь, бабушка), в которой вечно раздражённая, склочная Мать (Наталья Кузнецова) работает в трёх местах, стараясь поставить дочь на ноги. Отец (Николай Токарев) — бывший тромбонист, а теперь безработный безвольный мужик, слоняющийся по подъездам, слушающий в ванной джаз по ночам. Дочь, бросившая институт и,

по всей видимости, находящаяся в кризисе, но никто из родителей не очень старается понять — в каком. В квартире ремонт, полный кавардак, стены завешаны полиэтиленом, за которым видны очертания ремонта мечты — римские арки и колонны, морской пейзаж во всю стену. Как тот Лука из горьковского «На дне», в доме появляется Бабушка (Наталья Потапова), странствующая по монастырям последние лет 30. С её появлением всё начинает меняться — пьяница, который никак ремонт в квартире доделать не может, столбенеет от водки, дальше хуже — бросает материться, курить и воцерковляется. Мать и Отец «уверуют» после того, как Бабушка сведёт их с неким священником, который покрывает какой-то нелегальный бизнес. Возможность зарабатывать и Мать, и Отец воспринимают как чудо, Божий промысел. Оба ударятся в религию. Вот только с Дочерью что-то происходит. Бабушка настаивает, что бесы, крестить её надо. Родители не сопротивляются.

У Яблонской Дочь в середине пьесы бредет наголом, здесь героиня Кристины Асмус сделает себе причёску и грим в сти-

ле панк. Аллюзии очевидны. Во втором действии Бабушка уже берёт в свои крепкие руки хозяйство. А Дочь выбрасывается с балкона, и только это заставляет родителей обратить внимание на то, что с ними со всеми происходит.

Пьеса легко могла бы скатиться в сатирический тон. Чего проще сделать карикатуру на нечистого на руку священника или легковверную паству. У Яблонской героини проходят сложный путь, но это не путь к вере. Их вера — в чудо, в то, что, соблюдая ритуалы, можно отказаться от реального решения проблем. Не смотреть по сторонам, не замечать, как меняется мир вокруг и что происходит с близкими людьми. Язычество у древних — это способность связать себя с окружающим пространством, явлениями, людьми. Для героев в конце пьесы происходит эта сцепка. Они начинают видеть мир и себя в нём, начинают реагировать друг на друга. Бабушкина ненавязчивая религиозность с маточным молочком, ладаном, медком, монастырским маслом и святой водой становится инструментом, помогающим героям открыть для себя мир, окружающее пространство, и герои не отказываются потом от этого инструмента. В конце каждый герой признаётся, что продолжает время от времени ходить в церковь. И в этом — сильная витальность пьесы. У веры может быть много обличий, вокруг неё много предрассудков и пороков, но это не повод от неё отказываться, если она открывает пусть даже через отрицание нечто новое.

«Язычники» Каменькович поставил как фарс, к финалу скатывающийся в мелодраму. Об актёрских высотах говорить рано. Само появление «Язычников» в Ермоловском так и напрашивается трактовать в контексте изменений, которым подверглись герои «Язычников». Театру открывается мир, он начинает реагировать на жизнь, которая течёт за его стенами. Обнадёживает и то, что зрители выдерживают такой спектакль до конца. Но и появление нового зрителя в театре, похоже, вопрос времени.

ВАРВАРА КОРОВИНА

«Крылья» с лицами клоунов

На сцене Московского молодёжного театра В. Спесивцева принимали гостей из Одиноца — молодёжный театр-студию «Крылья».

Актёры-любители вышли на профессиональную сцену, что и само по себе показательно. На суд столичных зрителей, труппа привезла спектакль «Скамейка, улица, фонарь...», созданный в оригинальном жанре клоунады, к тому же по собственному сценарию. Наградой театральному коллективу стали заслуженные овации публики и высокая оценка самого мэтра, приглашавшего коллектив в свой театр, — народного артиста России, актёра, режиссёра и театрального педагога Вячеслава Спесивцева. Он назвал работу «Крыльев» бесспорно талантливой, отметив, что этот театр имеет своё лицо и свой почерк. А ещё, признавшись, что по первой своей специальности он — артист-клоун, Вячеслав Семёнович похвалил высокую профессиональную подготовку актёров, заметив, что клоунада и гротеск — самый сложный сценический жанр.

В постановке из шести разносюжетных реприз соединились лирика, философия, сатира и просто шутка. Поэтому за пятьдесят минут, пока шёл спектакль, в зале успели и посмеяться, и слезу смахнуть, и вспомнить что-то до боли родное. В общем, и отдохнуть, и задуматься, и зарядиться позитивом.

Автор идеи и режиссёр-постановщик спектакля художественный руководитель театра «Крылья» — Михаил Ильин. Два года назад он робко предпринял попытку обратиться к клоунаде, сделав первоначально одну репризу. «Пробой пера» стала «Лирическая клоунада». Результат потряс просто всех. О многом удалось сказать. Михаила вдохновила удача, и в результате родился замечательный полноценный спектакль.

— О чём «Скамейка, улица, фонарь...»? Да обо всём! На сегодняшний момент — это итог моих внутренних переживаний, духовного опыта и течения души, — ответил Михаил на вопросы осаждавших его журналистов. Удобно и построение спектакля. Его можно доработать и перестроить. А значит, спектакль будет развиваться и расти вместе с его создателями.

По признанию режиссёра театра Ольги Кобецкой, пантомима оказалась ещё и полезной учебной работой. «Ребята заметно прибавили в актёрском мастерстве. Ведь когда им «закрыли рты», пришлось осваивать особый внутренний язык. Заиграли каждый жест. Пластические упражнения прак-

тиковались в театре и раньше, но не в таком масштабе».

Спектакль является лауреатом нескольких престижных театральных фестивалей. Кроме того, он прошёл первый отборочный тур международного фестиваля «Славянский перебрёсок»

и приглашён в Брянскую область как один из претендентов на звание лауреата фестиваля, а также на областной фестиваль в апреле 2013 года. Так что пожелаем «Крыльям» парить и дальше!

ИРИНА КОМЕЛЬ

МОЙ ВАГНЕР

2013-й — не только Год России в Германии и Германии в России, но и Год 200-летия немецкого композитора, теоретика искусства, крупнейшего реформатора оперы Рихарда Вагнера. «ЛГ» совместно с газетой «Музыкальное обозрение» начинает рубрику «Мой Вагнер», в которой известные музыканты, композиторы, режиссёры расскажут о СВОЁМ видении его творчества, оказавшего значительное влияние на европейскую музыкальную культуру.

Александр ЧАЙКОВСКИЙ,
народный артист России, композитор:

— Вагнер — великий композитор. Я очень его люблю, и, пожалуй, больше всего мне нравятся оперы «Парсифаль» и «Летучий голландец». Считаю, что он, а также Сергей Прокофьев являются достойными уважения примерами отношения к литературе. Вагнер обладал огромным художественным талантом и сам писал либретто для своих опер. И читал их: до него никто этого не делал.

Что касается музыки — можно говорить о гигантских размерах его опер, но для того времени, когда Германия необходимо было объединение, может быть, нужны были именно такие историко-фольклорные оперы. Это было злостно, и Вагнер это почувствовал. К сожалению, многие современные режиссёры из-за большой протяжённости его опер загромождают сцену лишними деталями, пытаются скрестить затянутость. Но это отвлекает от главного — от музыки.

Многие, в том числе композиторы, считают, что симфонические фрагменты удавались Вагнеру лучше вокальных. Не соглашусь — у него есть тончайшие психологические находки и в оркестре, и у солистов-вокалистов. Главное, что он разбудил весь мир, — влияние Вагнера испытали прежде всего Рихард Штраус, а также Н.А. Римский-Корсаков, А.К. Лядов... Кого-то, может, Вагнер даже подавил своей грандиозностью. Его творчество — огромный столп в истории музыки.

Печально, что многие современные молодые композиторы обходят его вниманием и не знают его. Жаль также, что у нас, за

исключением Мариинского театра, Вагнера почти не ставят. И, кстати, это отношение начинается с учёбы — певцы в консерватории не поют Вагнера. Конечно, у него сложные партии, для этого требуется физическая подготовленность. Но Вагнер обойдётся без российских певцов, а они без него нет. Сегодня у нас очень ощущается отсутствие вагнеровских и штраусовских певцов.

Любимой оперой Николая II была «Гибель богов». Кстати, до 1920–1930 годов Вагнера в России ставили, в том числе в первые годы советской власти.

Моё знакомство с его музыкой произошло рано: мой покойный отец играл клавиры Вагнера. Потом последовало безумное заучивание его опер в консерватории. Всё изменило «Кольцо нибелунгов» в 1975 году на гастролях Шведской оперы, потом Большой театр поставил «Золото Рейна» с Ю.И. Симоновым. Когда я увидел эти оперы живьём, слушал и наслаждался. И если Вагнер и не стал моим любимым композитором, то я начал его изучать. Во время моей работы в Мариинском театре советником Валерия Гергиева были поставлены все оперы, кроме «Тангейзера». Тогда я полюбил его музыку. Всё-таки Вагнер раскрывается именно в опере: в записи много теряется, ведь он старался очень подробно осветить все истории на сцене, и наблюдать это — огромное психологическое удовольствие. За два года я не пропустил ни одной репетиции и спектакля «Парсифаля» в Мариинском театре. Однажды я слушал его пятнадцатый подраб — и это уже становится потребностью. Там есть невероятные красоты, и каждый раз ждёшь — когда они прозвучат. Это фантастика.

ПРЕМЬЕРА РУБРИКИ

Александр ТИТЕЛЬ,
народный артист России, художественный руководитель и главный режиссёр Оперной труппы Московского академического музыкального театра им. Станиславского и Немирова-Данченко:

— Я никогда не ставил Вагнера, но, конечно, обдумывал возможные постановки и «пробирал» их к нашему театру.

Оперы Вагнера — это особый мир, особый оазис, которому нельзя подражать, потому что все подражатели тут же становятся заметны. Все оркестровые приёмы были обусловлены у Вагнера эпическим содержанием, и все эти огромные бесконечные дуэты возможны только у него. Так он слышал некий идеальный мир. И этот мир подходил для него. Есть композиторы, которые рассказывают про нашу жизнь. А есть те, кто пишет не о ней, но их произведения замечательно опосредованно связаны с нашей жизнью — возьмём музыку эпохи барокко, оперы Монтеверди.

Вообще опера — это всегда некая божественная история, и Вагнер этой божественности очень соответствует. Но есть и крайности — когда его оперы разыгрываются в некоторых космических пространствах между богами и титанами. Не стоит забывать, что Вагнер жил в раздвоенной на княжества Германии, и он-то слышал «соседей по квартире». Атмосфера, в которой он жил, тоже входит в его оперы — там есть немецкая семья со своими немецкими и общеевропейскими проблемами.

Ржавеющее яблоко

Роман РУБАНОВ

30 лет. Работает в Курском театре юного зрителя «Ровесник». Лауреат Шелиховской медали за большой вклад в развитие поэзии западного региона Курской области (2009, Рыльск), обладатель диплома в номинации «Иностранная литература» литературной премии «Алтын Калам–2011» (Алмата, Казахстан), участник X форума молодых писателей России (2010, Москва, Липки), лауреат международного литературного конкурса «Согласование времён–2011». Печатался в журналах «Нева», «Лампа и дымоход», «День и ночь», альманахе «45-я параллель», «Зарубежные задворки», «Артбухта», «Ликбез» и др.

*Курю чужие, а убьют свои...
В каком-нибудь бою под Аустерлицем
Пластмассовый солдатик задыхается,
И для него закончатся бои,*

*В игрушечном мире, под потолком,
Где ничего давным-давно не страшно,
Закусывая пряником вчерашним
Соседский суррогатный самогон,*

*С ранением в пластмассовой груди,
Письмо царапая на обгоревшей пачке
И размножая класксы детским плачем,
Не видя света где-то впереди...*

*Но кто-то молча тронет за плечо,
И выплывет магическое «если»,
И голос скажет: «Не реви, воскресни,
Бой не проигран, поживи ещё».*

*Я опять кудрявый мальчик лет пяти
на плечах отца касаюсь облака.
Чтобы было веселей идти,
я жую ржавеющее яблоко.*

*Ржавчина стекает по щеке,
миска неба надо мной покачивается,
яблоко, зажатое в руке,
как планета, медленно заканчивается.*

*Сохрани мою старую синюю школьную форму.
Я её, конечно, теперь уже не надену...
Детство моё подаёт поезд к четвертой платформе,
проводник поправляет фуражку, как диалом,*

*раздаётся чужой голос: «Займите места в вагонах!»
О стекло сморщив нос, языком обливав окошко,
на меня смотрит мальчик. Но уже человек в погонах
отдаёт команду: «Едем!» И достаёт сармошку*

*крокодил в шляпе, с трубкой, сидящий на крыше вагона,
и поёт, как минуты медленно уплывают,
и в вагонном скрипе, с корнем оторванным от перрона,
звуки песни на слёзы всё-таки пробивают.*

*Мы стоим, разевая рты, пытаясь подпеть, и плачем.
Из окон вагона нам рожкицы строят дети.
Мы в их жизни, увы, пока ещё ничего не значим.
А они в нашей... Но нельзя не дать улететь им.*

Я пишу твоё имя

Анна ГРУВЕР

16 лет, живёт в Донецке (Украина). Участник VIII–X международных совещаний юных и молодых литературных дарований в Литинституте им. Горького, победитель международного детского поэтического конкурса «Первый автограф» (С.-Петербург, 2011), победитель всеукраинского конкурса «Малахитовый носорог» (Винница, 2011), вице-королева поэтов Всеукраинского конкурса «Пушкинская осень в Одессе» (Одесса, 2011), победитель фестиваля «Сила ветра» (2011) и литературного конкурса «Творча юнь Донбасу» (2008, 2010).

ТИШЕ

Боже, выходи из этих дверей — пьяный. Вернулся — седой.

*Это яд мой.
Это боль моя, моя одичавшая, пугливая боль —
на потолке,
в уголке в паутине путается, как девочка в чужой фате,
выпавшей из ветхого шкафа, вылетевшей на свет —
выцветшей, как горе, выгоревшей, как моль.*

*Я не знаю, как это — не слышать ногами вой.
Я не знаю, как это — любить детей.*

*Так ребёнок заталкивает сломанный шпингалет
под кровать ногой,
так тряпичную куклу теряет в траве
(что щекочет колени, целует небо и пачкает белые шорты)
и считает одной из прочих.
И хохочет,
и хоронит загадки и сны в темнице, в тюрьме —
как афиши заклеивают друг друга на фонарном столбе,
так кружатся влюблённости в его голове —
всё быстрее, и пальцы бежут по клавишам, forte!*

*И она забывает меня,
пока листает книгу, мучает пианино, отбивает мяч.
Остается лишь на себя пяять,
как ребёнок заметит пропажу —
услышишь плач.*

*И прошепчешь:
ну, тише... тише...*

ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ

*Ряды деревянных скамеек пусты и шатки —
случайный встречный концерт на летней площадке
уже догорает на солнце трубой. Ветер срывает афиши.
Мы не открываем глаза. Мы почти что не дышим.*

*По венам твоего города протекают (сквозь палаты) реки,
его шейный платок — лиляное небо. Тяжелеего веки.
Здесь и сейчас в раскалённом воздухе виснут
на нитках слова: навеки, ныне и присно.*

*Эй, соберись, вся королевская конница!
Моему Шалтаю сегодня совсем нездоровится,
где же была ты, вся королевская рать,
когда я выросла. Болтая теперь не собрать.*

*Вяжут носки из клубка Ариадны Парки.
Но ты говоришь:
пока в этом парке
нота с длинным хвостом скачет по линейкам тетрадки,
детка, твой Шалтай-Болтай в полном порядке.*

ДАЛЕКО

*Невидимые чернила делаются из лимонного сока.
Я пишу твоё имя, над ним трусливо дрожит рука.
Ветер вырывает листы бумаги, ветер с востока.
След самолёта (из прекрасного далёка, издаലെка)
небо взрезает кинжалом, вскрывает по швам облака.*

*Я умею драться, чинить дверные замки, поджигая пух.
Я не реву листья, тетради, траву, никогда не вру.
За меня дадут пятерых, чего уж там, а не двух.
Я солдатски стойко выносив в мороз и жару,
дура с веснушками на щеках, я за тебя умру.*

*Плетённые из пшеницы косички прыгают по спине,
в стайки сбиваются на доске буквы белым мелком,
и блики твоего зеркала отскакивают — ко мне.
Стоп-кадр: сентябрь, девять часов. Время течёт рекой.
Муха заснула на слове «тебя». Всё это так далеко.
Помнишь, как да-ле-ко?..*

Безработный Гондольерщик

Никита БОЛОТОВ

Родился в Москве в 1988 г. Занимается в литературной студии «ЛУЧ» (Творческое единение «4етyre»).

МАРКО ПОЛО

*Это только так кажется, будто бы я — амфибия,
поселившийся в ванной, дышащий кипятком.
Я однозначно иду в твоём имени перемирия
между мною и этим чистым, как лист, мирком,
запираешь щеколдой не от твоих записей,
пальцев, предплечий, плеч, шеи, ключиц...
Просто мне иногда нужно на время пропасть и
выйти в дальнее плавание, полное небязки;
нужно вписать себя в список таких же, как я, ясонов,
магелланов, колумбов, улиссов и стать всех весомее,
всех одиссей.*

*Так что, милая, если в ванной заперто снова,
не предлагай мне абонемент в бассейн.*

*...и от начала лета бабьего
до уяданья баобабьего...*

*Лунная осень тонка,
как земная ось.
На астероидах
осыплются баобобы...*

*Роза, её ведь тоже пройдёт насквозь
осень,
земные превосходя масштабы!*

*Чёрным по белому,
красным по календарю —
Гряблями листопад
прячь по колодцам кратеров.*

*Лунная грусть проявится к октябрю,
Выдавлив онемение из литераторов.*

*Осень открытого космоса
полосой
ляжет на наши будни:
раз строка, два строка...*

*Маленький принц идёт за своей звездой
Лунной походкой —
не Майкла, а Нила Армстронга.*

ВЗАХЛЁБ

*ты выйдешь из моря, а я буду ждать корабли...
ты выйдешь из моря с последним накатом прилива,
по волнам гуляя уверенно, неторопливо,
пока я на пристани буду считать корабли,
забитые ветром в квадратные бухты земли...
я буду искать в пассажирских твоё, почему-то
туманно знакомое, смутно чужое лицо.
ты выйдешь из пены и ляжешь на наше крыльцо,
пока я тебя буду бегать искать по каютам...
ты выйдешь на берег из волн через пару минут, а
ребёнок спросонья тебя не узнаёт как будто,
и только собаки проснутся начнут на крыльцо...
я буду нырять за тобой с высоких причалов,
сбиваться, подсчёт кораблей начиная сначала:
я буду пытаться — пока не зажгут фонари.
ты выйдешь с приливом и тихо уснёшь у порога,
сама не узнав ни соседей, ни сына, ни Бога,
и только собаки скребут и скребут у двери.*

*Там, за дождём, — седьмые небеса.
Льёт третий день, наутро сваи смыло.
Пусть метеорологов на мыло —
За эти их форкасты-чудеса!*

*С которых пор форсируется вброд
Гремучий Стикс в сезон осенних ливней?
И слух прошёл, что пресловутый плот
Разбит о скалы. Многие позбли...*

*Там, за дождём в воротах золотых,
Таможенный контроль на перекуре.
Мы третьи сутки прячемся от бури.
Прогнозы есть, но лучше бы без них.*

*А очередь растёт не по часам —
Последняя из бытовых насмешек.
Когда наш безработный Гондольерщик
Спасённые просушит паруса?*

*Там, за дождём, — осенний листопад.
Ещё вчера я выбросил монеты
В бурлящий омут. Больше денег нету...
Безделие! Ну в чём я виноват?*

*Весь смысл бытия в простом плаще —
Вот как кончатся псевдодемократы.
Там, за рекой, — нам могут быть не рады;
Там, за дождём, — а ждуть ли нас вообще?*

До последней земной души

Дарья ЗАЙЧИКОВА

Родилась в 1990 г.
Живёт в Воронеже.

*Голос в огранке звуков
Старых мелодий. Осень.
Столик в углу. Из пуха
Мысли, душа без вёсел.*

*Словно пунктиром соткан —
Нитью из звёзд попутных —
Ливень на тёмных стёклах
Круглых — моей каюты.*

*Мысли-часы по кругу.
Терпкая быстротечность.
Столик в углу. Ни звука.
Жизнь огранила вечность...*

ПОСЛЕДНИЙ АВТОБУС

*Перелистывая дома,
Едет старый ночной автобус...
Я смотрю, как в окне зима
Обнимает погасший глобус...*

*До последней земной души,
Обглодав этих улиц кости,
Эта ночь верным псом бежит
За стеклом — не вперёд, а возле.*

КАК В ПРИБРЕЖНОМ ПЕСКЕ...

*Мне по вкусу копаться в словах, как в прибрежном песке,
Разбирать на частицы вселенную столь не похожих
Друг на друга молекул на чашей раскрывшей руке,
Как по звёздам читая в них явственно промысел божий.*

*Я люблю отражаться во вздохе трепещущем вод,
Растворяться по капельке в них с каждым шагом заката.
Я боюсь, что когда-нибудь это такжонко уйдёт,
Ещё больше — что я не почувствую этой утраты.*

*Но заметен без времени, кажется, лучше всего,
Когда там, где вчера надпись «Книжный» веки и присно,
А сегодня — арбузы, бананы и много чего...
Штукатуркой осыпался в Лету кусок этой жизни.*

Разве это не любовь?

Артур БИСЕНОВ

30 лет. Живёт в селе Сорочье Володарского района Астраханской области. Работает слесарем. В 2012 г. стал лауреатом областного конкурса самодеятельных поэтов «С Тредиаковским — в 21 век!»

*Слетенье полумесяца с крестом,
Переплетенье разнообщих судеб.
Пусть вечный мир на этих землях будет,
Я здесь — Антей, здесь мой любимый дом!*

*Давным-давно божественный творец
Трудился здесь, не зная передышки,
И отсекал ненужные излишки,
И был остёр в его руках резец.*

*Впечатан в сердце волжский барельеф,
И Дельта — в украшение речек-фресок,
Полупустыни солнечный отрезок,
Моряны рыбодобивущий напев.*

*Взаиминтеграция культур —
Обогащение наших гених клеток,
Национальных множестве расцветок,
Но криво цветет у всех в один пурпур.*

*Мой сельский красноглиняный бугор,
Хранящий прах и память наших предков,
Позволь мне стать тобою каждой клеткой,
Когда окончит жизнь со смертью спор.*

*Слетенье полумесяца с крестом,
Переплетенье разнообщих судеб.
Пусть вечный мир на наших землях будет,
Я здесь — Антей, здесь мой любимый дом!*

*Лечат раны любые
Анальгетики времени,
Заживёт, зарубцуются,
Отболбает душа.
Всё, что так невзлюбилось,
Всё, что било по темени,
Ветром времени сдуется
По чуть-чуть... не спеша.*

*Я усердно врачуюсь
Дни, недели и месяцы,
Прямо в сердце уколами
Боль и горечь глуша.
Только, братцы, вот чую,
Ничего не излечится,
Просто поляя, голая
Зачерствеет душа.
По чуть-чуть... Не спеша...*

*Скользенье капельки росы
На тонком лезвии косы
И солонка луч, спросонья нежающийся в травах,
Свежающий, лёгкий ветерок,
Травы накошенной валок,
Родной земли любимый с детства пряный запах.*

*А рядом — братья и отец,
И каждый — пахарь, жнец, косец,
И первый пот уже со всех струится градом.
А выйдет время убирать,
Придут на помощь сёстры, мать,
И дети наши тоже будут с нами рядом.*

*И разве это не любовь, —
Окончив полный день трудов,
Сидеть в кругу родных и чувствовать их локоть?
Смотреть на звёздный небосклон,
Как Галилео, как Ньютон,
И дочку спящую с улыбкой в щёчку чмокать?*

*Ты семиглав, саблеховост, огнедышащ и злобен,
Лапы клинками кинжалными обрамлены,
Рык боевой устрашающ и громоподобен,
Гневом четырнадцать глаз твоих ослеплены.*

*Выжжено место для битвы, обуглены камни,
Скоро, с восходом светила, начнётся наш бой,
Бой ежедневный, с рожденья до смерти, неравный,
Снова захватит меня поединка напор.*

*Знаешь, мой враг, а ведь я полюбил наши битвы,
День за тобой остаётся, но десять за мной!
Вот и вчера пять голов было мною убито,
Чёрная кровь превратилась в отравленный гной.*

*Знаю я, вырастут новые головы за ночь,
Буду в тебе я себя самого побеждать.
Только победу конечную праздновать рано,
Кучится тёмною тучей стоголая рать.*

КНИЖНЫЙ РЯД

Осмысление настоящего

Очертания: Сборник поэзии и прозы / Под общей редакцией А.Д. Коврайского. — Ярославль: ЯОО ООО «Союз писателей России»; ООО ИПК «Индиго», 2012. — 138 с. — Тираж не указан.

Этот сборник включает поэзию и прозу молодых авторов (само-му старшему из них 35, самому младшему — 19 лет).

Критика произведений молодых авторов — отчасти лотерея. Никогда не знаешь, сбудется ли прогноз. Тот, кто казался тебе талантливым, может замолчать навсегда, а тот, чьи произведения тебе не понравились, — прославиться.

В то же время, взяв все представленные в этом сборнике произведения, мы получим если не портрет поколения, то хотя бы ту часть портрета, которая достаточна для того, чтобы строить предположения о целом. Так капля крови позволяет говорить о состоянии всего организма.

О чём я? О нравственных ценностях. Тех, о которых уместно вспомнить, поскольку литература — это не только «как», но и «о чём». И так, о чём же говорит нам это поколение?

Сперва, впрочем, о «как». В сборнике представлены очень разные авторы. Каждый из них ищет собственную, неповторимую манеру письма, и каждый уже способен предельно определённые результаты этих поисков. Надрывно-экспрессивные стихотворения Александры Калининой соседствуют с печальной умиротворённостью Евгения Матвеева, а изощрённая образность Андрея Стужева — с простой, повествовательной манерой Олеси Михейко. В то же время экспрессивность часто кажется слишком эпатажной, а простота — слишком нарочитой. Есть ощущение, что авторы ещё не обрели своего голоса. В произведениях некоторых из них маячит то Маяковский, то Цветаева...

Прозаики тоже разные. Они все пишут в классической манере реалистической сюжетной прозы, но саркастическое веселье Зои Игнатовой сразу отличишь от надрыва Евгения Долматовича.

Но, помимо поиска творческой манеры, каждый из авторов занят и другим — может быть, более важным поиском. Это поиск Истины, тех ценностей, которые наполняют смыслом нашу жизнь.

Очень остро ставит вопрос о поиске смысла жизни Е. Долматович. В его резком и жёстком рассказе герой идёт против общепринятых ценностей, но не знает, что предложить взамен. В чём-то созвучна настроению его поэзия Андрея Стужева, Дениса Зильбера, Евгения Матвеева.

Рядом с их произведениями особенно интересно смотреть творчество тех авторов, которые ищомые ценности всё же находят. Они разные. Это может быть сыновья любовь солдата, погибшего на войне, как в рассказе Натальи Смирновой. Это может быть чувство ответственности за судьбу воспитанницы, как у героя рассказа Олега Гуркина. И даже борьба за чистоту русского языка, в очень неожиданном ракурсе поданная в рассказе Зои Игнатовой. Ну и, конечно, немало поэтов и прозаиков видят высшую ценность жизни в любви. Об этом много говорится в стихах Александры Калининой, Екатерины Кондаковой, Олеси Михейко.

*Я люблю тебя, это боль моя, моя правда, судьба моя,
Звёзды в ночи, компас в пути, последний маяк.
Каколячка персколистным в цвет глаза —
Это больше, чем... Не могу сказать.*

Екатерина КОНДАКОВА

Иногда даже кажется, что герои некоторых произведений словно бы заблудились в своих поисках. Есть что-то болезненное в историях, где герои находят единственный смысл жизни лишь во взаимоотношениях с кем-либо. Скучает по сыну и внуку старик в рассказе Анны Дудкиной. Болезненно зависима от мужчины героиня Елены Холмановой. Можно ли найти счастье в таких отношениях, оставляем судить читателю.

И, наконец, в сборнике мы видим небольшую когорту авторов, которые находят смысл в самой жизни, в её разнообразии, печалих и радостях. Полон весёлым хулиганством лирической героиней Алексея Ефимова. Купается в счастье материнства Анастасия Орлова. Заворожена сложностью и многомерностью мира Кирилл Тихомиров. А есть ещё многоцветная и яркая романтика Марии Черкуновой. И раскрытие тайного смысла привычных слов в поэзии Владислава Шашкина.

Молодые писатели смотрят на мир. Смотрят по-разному. Но даже в самых горьких их произведениях чувствуется стремление найти то настоящее, что придаёт смысл нашему существованию. К тому же, в отличие от своих героев, их авторы уже совершенно точно нашли как минимум одну непреходящую ценность — любовь к литературному слову.

Остаётся добавить, что сборник «Очертания» подготовлен по итогам семинара молодых авторов Ярославской области в сентябре 2012 года. Выпуск приурочен к 10-летию молодёжного литературного объединения при этой организации. В активе ЛИТО и фестиваль поэзии «Logорифмы», и участие в празднике поэзии в Карабихе, и сборники молодых авторов. Это особенно ценно в провинции, где до сих пор молодым авторам непросто выйти к своим читателям.

СЕРГЕЙ БАТАЛОВ,
ЯРОСЛАВЛЬ

ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ

Анатолий ВАССЕРМАН: «К социализму возврат неизбежен»

Программа «Реакция Вассермана» на канале НТВ дала возможность зранию и интеллектуалу, фамилия которого вынесена в название, стать значимой фигурой общественной жизни России. Однако у этой передачи существуют свои рамки, ограничения по времени. Газетное интервью позволяет высказаться подробнее.

— Анатолий Александрович, у вас опыт сосуществования с телевидением ещё с советских времён. Как вы полагаете, куда движется ТВ?

— Насколько я могу судить, крупнейшие российские телеканалы — федеральные — меняются в основном к худшему. Виновны в этом прежде всего коммерческие соображения. Телевидение оплачивается почти исключительно рекламой. Реклама тем эффективнее, чем шире аудитория. Соответственно авторы передач стараются расширить аудиторию любым способом и любой ценой. Прежде всего — путём упрощения передач, чтобы их мог воспринять любой зритель. В результате основная масса зрителей сейчас куда умнее основной массы передач. Само по себе это было бы не страшно: есть и множество иных, кроме ТВ, способов и развлечься, и новости узнать. Но у многих зрителей не хватает времени на другие способы — и они постепенно глупеют вслед за передачами. Замыкается петля положительной обратной связи, где каждое звено усиливает действие другого. Если продолжится ориентация телевидения только на коммерцию, народ поглупеет настолько, что уже просто не сможет зарабатывать достаточно, чтобы реклама окулилась.

— Как бы вы могли описать своё «идеальное телевидение» применительно к сегодняшним реалиям?

— Миссией средств массовой информации в идеале должно быть развитие и совершенствование аудитории. Советское телевидение времён моей юности относилось к этой задаче всерьёз, но уже к концу 1970-х слишком многие деятели искусства не просто держали физию в кармане, но и гордились ею. Они ориентировались на массовую культуру. Между тем её вовсе не должно существовать как самостоятельного явления. Шекспир, Моцарт, Рембрандт — тоже массовая для своего времени культура. Отличие массовой культуры от искусства — не в уровне творчества, а в стремлении творца довести свои чувства и мысли до всех, а не только до нескольких знакомых. Что же касается глобализации, то в идеале она должна предоставить каждому человеку доступ ко всему богатству и разнообразию мира, но фактически сейчас под нею понимают причисление всех стран и народов под одну гребёнку. Естественно, такой трактовке глобализации можно и нужно сопротивляться. Причём как раз Россия (не только Российская Федерация, но всё, что ещё недавно именовалось Союзом Советских Социалистических Республик), располагает столь неисчерпаемым разнообразием, что может и обязана — и ради себя, и ради всего остального мира — стать центром глобализации как разнообразия.

— Существует стереотип о «четвёртой власти». Ваше участие в программе НТВ «Реакция Вассермана», к примеру, сделало вас более влиятельной персоной?

— К сожалению, я отделиваю лишь очень малую часть действий власти, так что не берусь сказать, что какие-то из них вызваны моими высказываниями. Скорее, уж и я, и многие деятели власти черпают сведения из при-

мерно одинаковых источников, мыслим сходным образом и поэтому приходим к одним и тем же выводам. Резонанс я наблюдаю в основном в Интернете, ибо там проще всего найти сведения по ключевым словам. Поэтому не чувствую себя влиятельным. Но, конечно, очень надеюсь, что какие-то мои слова дойдут до лиц, принимающих решения, хотя бы в пересказе.

— Алексей Венедиктов так прокомментировал своё отношение к вашей программе: «По поводу Вассермана. У меня реакция на него отрицательная. То есть я здоров». Как вы относитесь к «Эху Москвы» и либеральным СМИ?

— Я очень благодарен им за излечение меня самого от либерализма и либертарианства. В 1990-е и начале 2000-х я искренне веровал в эти учения о благоговении неограниченной политической — либерализм — и экономической — либертарианство — свободы личности без всякой оглядки на общество. Но видя накал страсти проповедников этих верований, я постепенно усомнился: если их вваривают столь нахраписто — может быть, без такого нахрапа их не возьмут? От этого простого вопроса начались мои собственные исследования учений о неограниченной свободе личности, через несколько лет завершённые выяснением их фундаментального противоречия принципам теории систем. Попытка устроить общество по принципу неограниченной свободы ведёт в лучшем случае к катастрофической потере эффективности общего хозяйства (что мы и наблюдаем с начала перестройки), а то и (по выражению Томаса Хоббса) к войне каждого против всех. Все эти выводы начались с простого наблюдения: чем либеральнее СМИ, тем истеричнее. За эту наглядную демонстрацию несостоятельности их идей я им глубоко признателен.

— Ваше отношение к недавно умершему телематнегату Березовскому?

— Насколько я могу судить, для Бориса Абрамовича телевидение не было важной работой или хотя бы увлечением. Это было всего лишь один из множества используемых им инструментов зарабатывания и поощрения своего влияния ради лучших условий зарабатывания. За пределами этой задачи он не вмешивался в деятельность принадлежащих ему (или — куда чаще — контролируемых им) путём приватизации менеджмента, то есть подкупа руководителей структур, принадлежащих другим средств массовой информации, а потому не влиял на развитие журналистики в целом и телевидения в частности. Его смерть последовала уже после утраты им последних остатков влияния (и денег, позволяющих надеяться на возрождение влияния), так что вряд ли хоть как-то скажется на деятельности даже тех, кого он когда-то подкупал.

— Вы живёте между Россией и Украиной. Удалось ли вам привнести к политическому разделению этих ныне отдельных стран?

— Полагаю, разделение России на части — включая Российскую Федерацию и Украину — вряд ли переживёт нынешнее

десятилетие. В годы финансово-го бума ещё сохранялась надежда на преодоление разрушительных экономических последствий разрушительной политики. Теперь же — в разгар второй Великой депрессии — очевидно: нет у нас иного способа выжить, кроме единства. Причина этого — тема отдельной публикации, но в самом факте уже невозможно сомневаться. Полагаю, политики, не способные или не желающие понять это, рано или поздно будут отстранены от власти своими народами.

— Существуют ли перспективы объединения России и Украины или хотя бы экономической интеграции в рамках таможенного союза?

Александр Кудряшов

— Технология воссоединения Украины с остальной Россией давно вычислена. Ввод её в действие — вопрос политической воли. А на неё давят Соединённые Государства Америки, опасаясь возрождения нашего бывшего величия: они более полувека назад приняли директиву Совета национальной безопасности, требующую не допускать появления в мире какой бы то ни было силы, способной препятствовать их своеволию. В какой момент сложится обстановка, позволяющая пренебречь этим давлением, — не берусь гадать. А пока и США, и Европейский союз готовы пообещать Украине что угодно (а порою даже дать что-то реальное), лишь бы удержать её подальше от Российской Федерации. Да и самим правителям Украины это выгодно. Ведь (по данным опроса, проведённого в 2008-м знаменитой социологической фирмой Gallup) 5/6 граждан Украины по родному языку русские, так что после воссоединения Украина сольётся с Российской Федерацией в единую Россию, не нуждающуюся в отдельных киевских правителях, независимых от своих избирателей.

Для воссоединения нужны правители, заботящиеся о своём народе и о своём политическом будущем больше, чем о похвалах и упреках из Вашингтонского обкома. К сожалению, в обеих республиках такие политики составляют явное меньшинство, ибо всё тот же Вашингтонский обком располагает мощными средствами психологического (а порою и

юридического) давления. Но, полагаю, президенты Путин и Янукович менее склонны противодействовать воссоединению, чем их предшественники.

— Как вы оцениваете перспективы федерализации Украины?

— Как практически недостижимые. Нынешняя унитарная конструкция делает Украину зависимой от Галичины, контролирующей Украину не только через психологическое давление, но и через моральное оправдание украинского сепаратизма галицким национализмом. В Галичине — в отличие от Украины — русские сейчас составляют явное меньшинство, и полное единство Галичины с Украиной оправдывает отделение Украины от остальной

му марксизму (после обширных блужданий по многим другим направлениям экономической мысли) прежде всего под давлением неопровержимых улик, порождённых общемировым кризисом. Возврат же к социализму неизбежен не только в порядке выхода из кризиса, но и по чисто техническим причинам. Уже около полувека назад строго математически доказано: полный точный оптимальный план производства как единого целого позволяет извлекать из данного набора ресурсов (в том числе и человеческих ресурсов) существенно больший конечный результат, чем распределённое — рыночное — планирование, где каждый хозяйствующий субъект оптимизирует только собственную деятельность, рассматривая всех остальных только как внешние ограничения на область поиска собственного направления действий. Причём разница тем больше, чем сложнее хозяйство, чем больше названий видов производимой продукции (включая все детали вроде болтов и гаек) принимается в расчёт. В общемировом масштабе план может дать выигрыш в 4–5 раз. Но и сложность расчёта плана пропорциональна этому самому числу названий в степени примерно три с половиной. Сейчас весь мировой компьютерный парк может управлять за этим расчётом примерно за тысячелетие — а ведь в идеале пересчитывать план нужно ежеминутно! План же, рассчитываемый централизованно в разумные сроки, оказывается хуже рынка в те же 4–5 раз. Но вычислительная мощность мирового компьютерного парка растёт куда быстрее, чем сложность мировой экономики.

Ещё лет пятьдесят назад такой расчёт занял бы примерно миллиард лет. А к 2020 году его можно будет производить менее чем за сутки — что и нужно для идеального управления всем хозяйством. К тому же времени созрел и техническое возможности автоматического получения сведений, необходимых для планирования, и проверки исполнения планов (а во многих сферах деятельности — даже автоматического следования этим планам). Причём осуществление все преимуществ централизованного планирования можно только при условии единой собственности на все средства производства (иначе каждый хозяйствующий субъект окажется перед соблазном получить некоторую выгоду из уклонения от общего плана — даже ценой неспособности больших потерь в других звеньях экономики), то есть при социализме. Правда, выигрыш по сравнению с рынком получится такой, что — как показывают предварительные исследования — перейти к новому социализму можно безударным путём, дав каждому не меньше (а чаще всего — существенно больше), чем он потеряет. Более того, наши исследования показывают: все известные недостатки социализма проистекают из ограниченности возможностей тогдашних информационных технологий — то есть в новом социализме этих недостатков просто не будет. Конечно, взамен появятся новые: нет ничего состоящего из одних достоинств. Но недостатков социализма в управлении своим хозяйством и вернулись в тот самый незамутнённый разумом рынок, какой исследовал Карл Хайнрихович Маркс ещё полтора века назад. Собственно, и я вернулся к классическому

— Вы неоднократно заявляли, что являетесь марксистом. Как вам кажется, существует ли сейчас мода на марксизм?

— Моды на марксизм нынче нет. Есть осознание правоты этого учения, вызванное прежде всего нынешней второй Великой депрессией: ведь возникла она именно потому, что страны, всё ещё почему-то именующие себя развитыми, отказались от последних остатков социализма в управлении своим хозяйством и вернулись в тот самый незамутнённый разумом рынок, какой исследовал Карл Хайнрихович Маркс ещё полтора века назад. Собственно, и я вернулся к классическому

му марксизму (после обширных блужданий по многим другим направлениям экономической мысли) прежде всего под давлением неопровержимых улик, порождённых общемировым кризисом. Возврат же к социализму неизбежен не только в порядке выхода из кризиса, но и по чисто техническим причинам.

Уже около полувека назад строго математически доказано: полный точный оптимальный план производства как единого целого позволяет извлекать из данного набора ресурсов (в том числе и человеческих ресурсов) существенно больший конечный результат, чем распределённое — рыночное — планирование, где каждый хозяйствующий субъект оптимизирует только собственную деятельность, рассматривая всех остальных только как внешние ограничения на область поиска собственного направления действий. Причём разница тем больше, чем сложнее хозяйство, чем больше названий видов производимой продукции (включая все детали вроде болтов и гаек) принимается в расчёт. В общемировом масштабе план может дать выигрыш в 4–5 раз. Но и сложность расчёта плана пропорциональна этому самому числу названий в степени примерно три с половиной. Сейчас весь мировой компьютерный парк может управлять за этим расчётом примерно за тысячелетие — а ведь в идеале пересчитывать план нужно ежеминутно! План же, рассчитываемый централизованно в разумные сроки, оказывается хуже рынка в те же 4–5 раз. Но вычислительная мощность мирового компьютерного парка растёт куда быстрее, чем сложность мировой экономики.

Ещё лет пятьдесят назад такой расчёт занял бы примерно миллиард лет. А к 2020 году его можно будет производить менее чем за сутки — что и нужно для идеального управления всем хозяйством. К тому же времени созрел и техническое возможности автоматического получения сведений, необходимых для планирования, и проверки исполнения планов (а во многих сферах деятельности — даже автоматического следования этим планам). Причём осуществление все преимуществ централизованного планирования можно только при условии единой собственности на все средства производства (иначе каждый хозяйствующий субъект окажется перед соблазном получить некоторую выгоду из уклонения от общего плана — даже ценой неспособности больших потерь в других звеньях экономики), то есть при социализме. Правда, выигрыш по сравнению с рынком получится такой, что — как показывают предварительные исследования — перейти к новому социализму можно безударным путём, дав каждому не меньше (а чаще всего — существенно больше), чем он потеряет. Более того, наши исследования показывают: все известные недостатки социализма проистекают из ограниченности возможностей тогдашних информационных технологий — то есть в новом социализме этих недостатков просто не будет. Конечно, взамен появятся новые: нет ничего состоящего из одних достоинств. Но недостатков социализма в управлении своим хозяйством и вернулись в тот самый незамутнённый разумом рынок, какой исследовал Карл Хайнрихович Маркс ещё полтора века назад. Собственно, и я вернулся к классическому

Отдел «ТЕЛЕВЕДЕНИЕ»

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

telev@mail.ru

Русский народный

Четыре года назад сериал «Журов» (первый выпуск) начали показывать на Первом канале, но телезрители чего-то испугались и внезапно оборвали показ. Теперь исполнитель главной роли умер при загадочных обстоятельствах (как это ни горько, лучшего пиара для телевидения нет), и потому показали второй выпуск сериала с тем же главным героем — Иваном Ивановичем Журовым. Нам что-то говорили в рекламе, что это — русский Коломбо, но правда в том, что никакой он не Коломбо, а — русский. И советский. Курит «Приму», ездит на «победу» в куртке с надписью СССР, определённо бескорыстный, честный, безразличный к комфорту и прочим прелестям либеральной мечты, старомодный в смысле семейных ценностей. Иван, но не дурак, хотя часто придуривается, заикается, прикидывается (а как не придуриваться, когда честных умников отовсюду выживают?), но дело своё знает так, как никто, потрясающе умён и изобретателен. И убедителен!

Понятно, что в 2009 году появление на телеэкране такого прокурора воспринималось как вызов. Очень как-то нетипично для тех детонизирующих времён с их продвинутыми правоохранителями, живущими во дворцах на Рублёвке, крышующими всё и вся, рассекающими на «бентли» даже в глухой провинции. Тогда экран заполнили позорящие нацию глумливые «Лухари», которые рождали соответствующий стереотип поведения успешного (значит — дорого продающегося) русского чиновника.

Неужели теперь, когда вроде на самом деле стали бороться с коррупцией, таких прокуроров показывать уже можно? Пришло время Иванов Ивановичей? Тем более что такие, как Журов, есть в жизни, должны быть, на них вся Россия держится. Они не могут не быть...

И окружение ему под стать. Замечательное, достойное, человеческое. Актёрская удача Ивана Мохомикова, играющего помощника Ивана Ивановича, хороши и Олеся Судзиловская, Елена Сафонова, Ольга Тумайкина, Татьяна Рудина и Юлия Рутберг, которые обязательно легендарных «Знатоков».

Андрей Панин, ранее больше игравший отрицательные или острохарактерные роли в подчас сомнительных фильмах, пришёл в расцвете актёрских сил к своему главному образу. Вспоминаешь похожие народные типы в исполнении Валерия Золотухина, Георгия Юматова, Леонида Куравлёва, лесковского Левшу, героев Шолохова, Платонова, Шукшина...

Очень горько от того, что в России надо умереть, чтобы главную работу актёра показали на ТВ и по достоинству оценили его талант.

Алекс КОН

Кирдык выводку

Девять вечера. Екатерина Андреева начинает программу «Время». Срочная новость. Житель албанской деревни Киш на телеге, запряжённой мулом, задал выводить утят, принадлежавших его соседу. Ведётся следствие. Комментирует случившееся представитель МИДа РФ, информирует, что власти России внимательно следят за событиями в Албании.

Перекладываем на «Россию 24», а там транслируют сельский сход, где жители Киша нервно выясняют, кто виноват. Переговорщик с албанского еле успевает за прямым эфиром, путается в понятиях, но смысл ясен, кирдык Албании.

На НТВ политологи обсуждают перспективы развития гужевого транспорта в Евросоюзе, экстраполируя практику на российские условия.

Ну хорошо, не в Албании, а на Кипре. Ладно, не мудрено утят, а депутаты задумали придурить курицу, несущую золотые яйца. Но, братцы, нам-то что? У кого-то из вас или ваших знакомых есть интересы в офшорных зонах? Вас беспокоит судьба 15 процентов с депозитов какого-нибудь Полонского? Вы готовы записать добровольцами на эту войну ужасного с чудовищным?

А телек нас убеждает немедленно идти в военкомат. Пытается доказать, что это наши с вами интересы ущемляют киприоты. Смотрим, слушаем и чем дальше делаем это, тем яснее становится — правильно делают, что рекувируют. Давно пора. И даже странно, почему наш Центробанк до этого не додумался. Жалко, что ли, значения Набуллиной и тогда начнут?

Александр ЛОБОДА

ЛИТЕРАТУРА В ЯЩИКЕ

Вечерний хам

21 марта случился в подлунном мире День поэзии. Я, как человек, имеющий отношение к поэтическому цеху, с утра просмотрел программы передач нашего ТВ и с грустью обнаружил, что сей всемирный праздник духа нашим «властителям дум» глубоко безразличен.

И вдруг перед сном из «телеторшер» донёсся бодрый голос — это «вечерний Ургант» в свойственной ему экспрессивной манере объявил, что сегодняшняя передача будет посвящена Всемирному дню поэзии, и далее продолжил: «У нас в гостях уникальный человек — Лермонтов, но в юбке, Пушкин, но без растительности на лице, Баратынский, но с накрашенными ресницами, Крылов, но тот, который не ест, Евтушенко, но не в клетчатом пиджаке... и это очаро-

вательная Вера Полозкова!» Рухнули аплодисменты массовки, сопровождаемые каким-то музыкальным визгом. Сон как рукой сняло. А мегапоэтесса — Вера, оказавшаяся отнюдь не в юбке, а в вечернем длинном платье, в свете юпитеров и обрушившейся на неё славы благосклонно внимала оратору, который в костюме с галстуком, но в спортивных кроссовках выглядел именитником.

И тут же без разгона, как и положено, он сразу сделал лирическое отступление, поведав граду и миру о том, что некий суд признал незаконным решение администрации г. Костромы о запрете шестий и митингов в защиту гей-парадов. Иван с явным удовольствием «порезвился» по поводу виртуальных русских мужичков в кокошниках и русских баб в смазных сапогах и

галифе. И здесь же с не меньшим удовольствием поздравил жителей города с тем, что они теперь будут иметь удовольствие всем этим наслаждаться, и со смехом выдал в эфир видеоряд с самыми откровенными зрелищами западных гей-парадов.

Но этой «поэзии» ему показалось мало, и он походя «потоптался» на фамилии министра общественного транспорта Московской области, выс «вина» которого заключалась в том, что он то ли «хочет запустить», то ли уже «запустил» ночные электрички и при рождении получил от родителей фамилию Зайцев. Все обхохотались! Я же с ужасом представил, какой вселенский «либеральный» вопль поднялся, если бы кто-то нечто подобно сделал с фамилией почтенного ведущего.

Но тут в игру вступила наконец Вера Полозкова и поведала, что первое в жизни стихотворение она сочинила, будучи пяти лет от роду: его записала её мама.

Стихотворение было об Иисусе Христе, поскольку она считает, что детское сознание однозначно религиозно по самой природе своей. Но так как по малолетству тогда не знала, кто такой Спаситель, она назвала его без особых затей — Воскрес. Её визави тут же признался, что он тоже в детстве писал стихи, но про лягушек. Вера в ответ попеняла ему на то, что он не ответил свой великий талант, — из него бы мог поупиться изрядный И.А. Крылов. Тень раздумья опустилась на светлое чело «вечернего Урганта», но тут его осенило: «Крылов — это тот, который любил пожать?!».

И вообще в этот вечер «поэзия» была через край (куда там Горбовскому, Кушнеру, Чухонцеву и Днову с Исаевым). Я вот уже три дня не мо-

гу выковырять из своей головы дилетантски-мусорную строчку из текста Веры Полозковой (это не я — это она сама свои произведения текстами называет) про то, как некто ест ляпки: «...живявумелишь». А что если этот самый «живявумелишь» да тиражом не в 10 000 экземпляров, которыми издаются её тексты, а каждый день по телевизору да в школьной обязательной программе! Вот была бы «всенародная поэзия» — налетай, торопись, изучай synopsis!

Но, слава богу, это было единственное серьёзное стихотворение, прозвучавшее из подрагивающих от волнения и скрывающей страсти уст. Нет, было ещё одно, которое будущая метапоэтесса написала в 19 лет (лет шесть этак тому назад) и посвятила, никогда не догадаетесь кому: «Выйдет к микрофону, буркнет что-нибудь, / И зал в огне! / Приди же, Ваня Ургант, / И женись на мне».

«И зал» бешено заплодородил, а просящийся Ургант предложил Ве-

ре Полозковой сыграть с ним в игру: нужно из ящичка достать карточку с буквой алфавита и на эту букву придумать существительное и прилагательное, которые максимально могут унизить человека. При этом ведущий строгло предупредил, что Госдума РФ приняла закон, карающий публично сквернословие, а также предостерег всех: на букву «Х» ничего не придумывать.

И тут её Величество Поэзия взяла своё с лихвой: «вечерний Ургант» осчастливил Веру Полозкову на букву «Д» — «доморошенная дрянь», а она, потупив взор, провоцировала ему в ответ на букву «И» — «идеальный индюк».

Убей, лучше не скажешь! Как в воду глядели!

Именно так и бывает с теми, кто во всемирный день поэзии тщится оскорбить «неоскорбляемую часть» человеческой души.

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

Сергей
ГОЛОМАЗОВ:

«Не такая она избалованная, наша публика»

Театр на Малой Бронной, художественным руководителем которого вот уже шестой сезон является Сергей Голомазов, стоит неким особняком — со своей, сокрытой от внешних взглядов внутренней жизнью и тихой последовательной политикой, претворяемой в жизнь без каких бы то ни было скандалов и неугомонным отслеживанием в СМИ. Но сегодня театра без проблем не бывает...

— Сергей Анатольевич, придя в театр на Малой Бронной в 2007 году, в одном из интервью вы сказали: «Не знаю, какой из меня получится художественный руководитель». По прошествии пяти сезонов узнали? Можете с этой позиции себя охарактеризовать?

— Терпимый и удовлетворительный. И немного нервный.

— Вы учились на режиссёрском факультете и в аспирантуре РАТИ (ГИТИС) у Андрея Александровича Гончарова, играли в театре им. В. Маяковского, когда им руководил ваш мастер. Много ли в вашей собственной режиссуре от Гончарова?

— Достаточно. Как у всякого последовательного ученика своего учителя.

— В 2007-м вы не выбирали артистов, вас направили в театр «укомплектованный», со сложившимся коллективом. Но вы как мастер выпустили два курса в РАТИ и кого-то из своих учеников взяли в труппу — сейчас коллектив активно помолодел. А что со старожилками? Как в театре решается вопрос поколений?

— Шанс проявить себя я всем даю, вне зависимости от принадлежности к тому или иному поколению. В актёре я прежде всего ценю художника. «Вопрос поколений», если он лежит в плоскости творчества, — вообще не вопрос! А если этот вопрос лежит в плоскости социальной и нравственной, то тут не вопрос, а уже проблема! И как её решать, лично я не знаю до конца. Ответ на этот вопрос надо искать в законодательной плоскости.

— Художественный совет, отменённый вашим предшественником в Театре на Малой Бронной, вы собирались восстановить...

— Художественный совет я не восстановил. Увы.

— Но многие зрители чувствуют необходимость в цензуровании того, что предъявляет им сегодня театр. По вашим словам, в театре художественный совет не находится грань между совещательным и цензурным органом?

— Художественный совет как цензурный орган — неприемлем. Как орган совещательный — возможен, но это не есть правило и необходимость. Грань здесь очень даже чёткая, и определяется она правами. Каждый театр сам — в лице руководителя или директора — должен решать, насколько ему нужен такой совет. Это тонкая материя. А вообще этот совет всё больше походит на советский атавизм... Что касается «запрещать — не запрещать». Полное право на это имеет учредитель.

— Что, на ваш взгляд, сейчас интересно зрителю? Какой у вас зритель?

— Зрителю всегда интересен только он сам. Хороший режиссёр лишь реализует смыслы и образы, которые давно тревожат зрителя. В Театре на Малой Бронной зритель демократический. Я не уверен, что театру надо искать свою целевую аудиторию. Спектаклю — возможно. Хотя хорошему спектаклю, как любви, все зрители покорны. Впрочем, по этому вопросу есть и иные мнения.

— На Малой Бронной вы поставили гораздо

больше зарубежных пьес, нежели отечественных. «Плутни Скапена» Ж.-Б. Мольера, «Концерт для белых трубочников» Дж. Ортона, «Аркадия» Т. Стоппарда, «Коломба, или «Марш на сцену!» Ж. Ануя, «Почтигород» по пьесе американца Джона Карниани. Почему?

— Потому что к современным русским текстам у меня есть вопросы по линии ремесла, культуры, содержания, поэзии и смысла. Думаю, что пьесы отечественные есть — драматурги же пишут! Сюжеты тоже есть, наверное. Что касается героев... Герои, достойные своего времени, наверное, тоже есть. Другое дело — кому эти герои интересны? Не многим. И это — не хорошо и не плохо. По-моему, современная драматургия находится в стадии осмысления современной поэзии и потока нашей очень непонятной и мутной жизни. Она ведь очень молода, эта драматургия. Молода! И в силу этого очень одинока. Вместе с тем она озлоблена и инфантильна, что нормально для молодости.

— Уже очень давно вы говорили, что хотите поставить Вампилова, но до сих пор почему-то не ставите. По-вашему, сейчас зрители и театру герои Вампилова неинтересны, в них нет необходимости?

— Герои Вампилова интересны всегда. Просто я не знаю, как интересно поставить Вампилова — не дерос, видимо... Вот почему, скажем, в молодой современной драме столь востребована публицистическая, гражданская составляющая? Да потому что есть в ней хоть какая-то ясность, хоть какие-то герои и какие-то правила! Но большим репертурным театрам эта драма не нужна. Они от неё шарахаются, как нечистый от ладана. Но и зрителям, которые приучены к другим сказкам, эта драма тоже не нужна: они хотят отдыхать или про любовь романтическую... Зрители хотят видеть такие пьесы, чтоб и поплакать! А политики и публицистики вашей — вон и в телке много! И ведь не объяснишь им, наивным, что это вы, господа-зрители, глубоко не интересны современной драматургии. Что это вы все и ваш обычный театр новой драме глубоко безразличны и неинтересны. Всей своей постсоветской, народной, глубоко мешанской массой вы безразличны, не интересны и не любимы! Для новой драмы в этом отравленном озере клева нет, и не будет ещё долго. А когда начнёт клевать? Не знаю. Наверное, когда мир перевернётся! Или театр...

— Вы неоднократно работали со сложными и громоздкими литературными произведениями, переносили их на сцену. В числе ваших постановок «Петербург» А. Белого, «Яма» А. Куприна, «Бесы» Ф.М. Достоевского. В чём для вас состоит главная трудность в этом процессе и всё ли можно и нужно переносить на сцену?

— Главная сложность состоит в переводе литературы на язык драмы, в поиске сценического и образного эквивалента, который бы отражал глубину литературного языка автора. Эта тема заслуживает отдельной научной работы. Всё переносить на сцену не стоит, можно закопаться. Что переносить? Что режис-

сёру нужно — по смыслу и по сюжету, — то и переносить.

— Должны ли драматурги прошлого отвечать на вопросы нашего времени? Каковы критерии у нынешних режиссёров при выборе пьесы для постановки?

— Драматурги прошлого никому ничего уже не должны и должны не будут. Просто в истории мировой драматургии иногда встречаются авторы, которые и глубоко, и всерьёз, и красиво задавались вопросами вечного толка. В чём смысл жизни, например. Такие вопросы будут всегда современны, как, впрочем, и настоящие, трагические истории любви. Какие критерии у других режиссёров, я не знаю. Какие критерии у меня? В пьесе должны быть качественная фабула, сюжет и содержание. Что ещё? Побольше женских ролей!

— Вы не скрываете своей уверенности в том, что в современной российской драматургии светлых пьес о любви нет. Почему их нет, тема-то вечная? Или, может быть, вы просто плохо ищете?

— Ищу я хорошо. Но дело в том, что реальность наша бесцветна, и любовь в ней давно убита. Убита всем строем жизни. Это трагично осознавать, но это так. Если честно, это страшная тема!.. Писать о любви надо и не фальшиво, и не цинично, и заразительно! В драме сейчас у современных авторов — кишка тонка! Простите... Радует только то, что когда-нибудь это кончится. А может, и не кончится? И потом, вечность любовной темы не гарантирует непременно способность общества на эту тему интересно разговаривать. При определённых обстоятельствах общество теряет потребность и способность любить и сострадать. Такое встречалось в истории разных культур, и не раз. Я слышал однажды в театре — кто-то из юных театралок сетовал: «Разучились писать про любовь...» Про какую любовь? — думаю я. Да мы изжили романтическую любовь к человеку — в драматургии и в жизни! За последние пятьдесят лет всем строем своей жизни изжили её благополучно. Нравственную, христианскую любовь к человеку значительно раньше изжили, чем сами родились! Наши дедушки решили эту проблему по-большинству прямо, гораздо раньше наших пап и мам. Всё, отдыхайте, театралки! — любви нет, и в скором времени в новой драме не будет. В сторонке курит ваша любовь к человеку.

— Сейчас на государственном уровне не работает система заказов драматургам пьес для постановки, как это было в советские времена. Но театр и сам вполне может делать такие заказы. Драматургия «простаивает», вынуждены уходить из профессии, потому что и уже написанные ими пьесы никто не читает, даже если они лежат на вахте того или иного театра. Это сегодня общее положение. Откуда у зрителей и художников такое стойкое пренебрежение к отечественным современным драматургам?

— Потому что подавляющее большинство драматургов — трафоманы. И так было всегда. Как и в режиссёрской профессии, большинство — бездары. И это нормально. Заказывать пьесы? Даже и не знаю, что ответить. А эта система с заказами пьес разве уже дала результаты? Мне сразу вспоминается Булгаков и его «Батум»... Театр и драматург — они связаны. Что сейчас происходит с театром? Это такой запутанный клубок хронических проблем, вопросов без ответов, умностей и глупостей... С драматургией — то же самое.

И сдвинуть эту машину, которая весит тысячу тонн, можно только волевым способом,

как Пётр I. Нам всё время говорят, что делать этого нельзя — посмотрите, как в Европе, вы же не азиаты и т.д. А какой ещё есть путь? Я не вижу другого выхода. А пока мы живём в той коммуналке, где все ненавидят друг друга. И в ней может родиться только стенгазета. Причём, заметьте, в стенгазете нет цензуры. И все опять соберутся возле той стенгазеты, позлословят и посмеются, поругаются и разойдутся... Думаю, что те чрезвычайно интересные процессы, которые сейчас происходят, дадут однажды всё-таки какой-то результат. И всё это варево, всё это кипение в результате что-то сварит. Знаете, на Камчатке есть такое каменное плато, тёплое, полусухое болото, очень вонючее, и только где-то с краю прорывается, бьёт вверх маленький чистый гейзер. И ведь случится момент, когда он пробьёт, разомлет всю эту толщу вонючей грязи, что-то же случится! Думаю, что тогда и появятся тексты. И их напишут люди, воспитанные на вещах, где есть любовь к родине, к этим людям, к этому театру.

— На ваш взгляд, современная отечественная театральная режиссура какие испытывает сложности? Достойна ли она внимания с точки зрения истории театра?

— Трудности профессии? Ну, помимо штатных ремесленных проблем, есть ещё одна проблема. Между современным театром и зрительным залом — не оркестровая яма, а пропасть непонимания. Впрочем, это проблема не только театра. Подельюс одним наблюдением. Я несколько раз бывал на семинарах, посвящённых проблемам современной молодой драматургии. И не покладаю меня ощущение, что все эти славные талантливые ребята, в своей дружной профессиональной субкультуре словно отказались от внешней жизни. Жизни, являющейся прямой противоположностью их миру. И жизнь эта им мало того что не интересна — она для них опасна. В девяностые годы таких называли «неформаль»: чем-то отличающиеся от всех. Вот тут и спрятана проблема современной и молодой драматургии.

— То есть молодёжь вас не обнадёживает?

— Молодость разума современной драматургии происходит из двадцатилетнего провала русской драматургической традиции! Обозначился этот провал началом девяностых и продолжается до сих пор. Юный разум современной драмы требует и ищет в жизни высокого, а находит лишь враньё и фальшь, человеческий вакуум, дурную социальную клоунуду и нравственную тину.

— До того, как стать художественным руководителем Театра на Малой Бронной, вы долгие годы были свободным художником, делая постановки в разных театрах. Сейчас какие у вас отношения со свободой?

— Свобода есть осознанная необходимость. А если серьёзно, ну какая тут, к чертям, свобода при таком количестве обязанностей! Хотя в целом я делаю, что хочу... Наверное, я свободный человек.

— А как оставаться свободным художником в рамках, скажем, системы Станиславского?

— Опыт Станиславского не есть единственный и неизменный способ жизни в творчестве. Это лишь один, пусть и самый значительный в XX веке, но не единственный способ постижения творческих механизмов театра. Наставлять, учитывая общую теорию относительности, на том, что система Станиславского универсальна, — глупо. Хотя я и воспитан в традициях системы и исповедую систему Станиславского, но, думаю, что канонизировать её — значит, погубить. И точно знаю одно: современный режиссёр, актёр, театровед, перед тем как отрицать саму систему, что нормально, должен её знать. И знать на «отлично». Система Станиславского есть азбучный, грамматический свод ремесленных... даже не законов, а правил, которые являются результатом колоссального творческого опыта великого актёра и режиссёра. Свод этих правил одновременно и прост, и фундаментален. Система Станиславского в театре — это что-то вроде теории относительности Эйнштейна в физике, или таблицы элементов Менделеева в химии, или теории большого взрыва в астрономии...

— То, что вы перечисляете в сравнении, относится к высокой науке с её выверенной точностью.

— Да, но теория и уж тем более практика театра не есть что-то фундаментальное и субто научно. Творчество лежит в области иррационального, какого-то, скорее, антинаучного, очень чувственного и глубоко мистического процесса.

— Вы говорите о правомочности отрицания современным режиссёром этой системы. Но зачастую отрицается то, чего не знаешь. Это признак бескультурия: проще же отмахнуться, «скинуть с корабля», чем долго учиться, погружаться, время терять. А у Станиславского книжки толстые...

— Смею утверждать, основываясь на своём педагогическом и творческом опыте, что интересно учить по Станиславскому у нас разучились. Это беда, и беда большая, учитывая, что творческий потенциал и содержание системы далеко до конца не освоены — ни творческим сознанием, ни теоретиками театра. Система понимается узко, ограниченно и просто примитивно как эстетика и рупор бытового, правдоподобного и жизнеподобного театра. Сам Станиславский иронически относился к многословию своей системы и говорил, что всё, им написанное, есть лишь попытка научно понять смыслы и механизмы театрального творчества. Потом это назвали «Учение о сквозном действии и сверхзадача». А попросту, это попытка найти ключ к ответу на вопросы: «Про что ставим спектакль? Про что и зачем играем эту роль?» Как научиться интересно отвечать на эти — самые первые! — два вопроса? Как всё это влияет на художественную выразительность спектакля и роли? Вот здесь зерно системы! Всё остальное — выводы...

Беседовала
АРИНА АБРОСИМОВА

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

Митинг с комфортом

Столичные «гайд-парки» будут обустроены к маю

Политическая активность москвичей за последние годы необыкновенно выросла. Правительство Москвы обрадовалось хорошим новостями всех жителей столицы с активной гражданской позицией: уже в мае в крупных парках города начнут функционировать две специальные отведённые площадки для выражения общественного мнения, а их подготовка начнётся уже в самое ближайшее время. Об этом сообщил журналистам руководитель столичного Департамента региональной безопасности Алексей Майоров.

Свободно выразить своё мнение горожане смогут в Парке им. Горького, а также в парке «Сокольники». «Сейчас готовы все проекты документов, — заявил он. — Необходимо доработать все вопросы, связанные с созданием там соответствующей инфраструктуры, и с первым сходом снега, предположительно в апреле, начнём это реализовывать на практике».

Планируется, что в апреле аналоги гайд-парка будут обнесены специальными заборами и огорожены кустарниками. «Данные площадки должны иметь чётко обозначенные границы, — сказал чиновник. — Все мы понимаем, что любое место в Москве имеет много предназначений. Где-то люди просто гуляют. А куда-то приходят для какой-то цели. Люди, попавшие на мероприятие, должны понимать, куда они пришли и зачем, чтобы не было двояких толкований или конфликтных ситуаций».

На создаваемых площадках планируются и освещение, и необходимые инженерные коммуникации. Нахождение на территории московских «гайд-парков» должно быть комфортным и безопасным. «Эти места будут находиться под видеонаблюдением, — рассказал Алексей Майоров. — Рядом — располагаются техника медицинских служб, системы чрезвычайных ситуаций, полицейские подразделения, если это необходимо в зависимости от того, кто на данной площадке будет работать и по какой тематике. Обеспечение безопасности будет осуществляться совместно с теми охранными структурами парков, которые существуют, с участием правоохранительных органов города Москвы».

Алексей Майоров подчеркнул, что установка трибун на данных площадках не предусмотрена. Организаторы имеют право принести с собой только плакаты, флаги, другую атрибутику, которую они считают необходимой, а также громкого-

ворящие устройства, не требующие стационарной установки», — добавил чиновник.

В соответствии с принятым новым законом о митингах площадки должны функционировать с 7 утра до 10 часов вечера. Посетить их может любой желающий без предварительной записи. Непосредственная организация работы этих площадок возложена на администрацию парков. «Вероятнее всего, будет выделено уполномоченное лицо, которое будет вести регламент и порядок работы данных площадок», — подчеркнул Алексей Майоров.

По регламенту предполагается, что организаторы будущей акции или митинга должны отправить на сайт парка информационное письмо, чтобы зарезервировать время. На сайте будет соответствующий информационный «стенд», где все желающие смогут увидеть график проводимых мероприятий. Чиновников, по словам Майорова, постарались максимально исключить из процесса согласования мероприятий.

Москвичи приняли самое непосредственное участие в выборе месторасположения площадок. В конце прошлого года состоялось интернет-обсуждение, в ходе которого определились фавориты — площадка в парке «Сокольники» и площадка на набережной в Парке им. Горького. На каждой площадке теоретически могут одновременно собираться около двух тысяч человек. «В парке «Сокольники» мы планируем подготовить 750 кв. метров и в Парке им. Горького 1 тыс. кв. метров, — объяснил глава ведомства. — В законе города Москвы о предельной заполняемости территории при проведении массовых мероприятий указано, что для каждого человека должно быть выделено не менее 0,5 кв. метра. Отсюда мы и взяли цифры о предельной заполняемости на этих двух площадках. В парке «Сокольники» вместимость данной площадки до 1,5 тыс. человек, и площадки на набережной в Парке им. Горького до 2 тыс. человек».

В ожидании митингующих

По словам чиновника, чаще всего на политические митинги приходит около 100 человек, так что обозначенной территории вполне хватит. Стоит отметить, что, несмотря на создание двух специализированных площадок для выражения общественного мнения, Алексей Майоров не исключил других возможностей политических мероприятий в городе.

ДМИТРИЙ ШЕСТАКОВ

АКТУАЛЬНО

«100 книг»

обсудили за круглым столом

В Петербургском Доме писателя состоялся круглый стол, посвящённый проекту Президентской России по формированию списка 100 книг, рекомендованных российской молодёжи. Одновременно обсуждение прошло и в Москве, в Центре социально-консервативной политики. Мероприятие собрал ведущих экспертов в сфере образования и культуры, а также представителей государственных структур и общественных организаций, писательского сообщества. В частности, прозвучали выступления генерального директора Российской национальной библиотеки А.В. Лихоманова, директора Российского государственного исторического архива А.Р. Соколова, директора Института современного государственного развития Д.В. Солонникова, секретаря правительства Союза писателей России А.Е. Безубица-Кондакова, председателя Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Б.А. Орлова, председателя Ленинградской областной писательской организации С.Ю. Порохова и др.

Экспертному сообществу были представлены перечень 100 книг российских писателей и список 100 книг зарубежных авторов, подготовленный Союзом писателей России. Организатором экспертного обсуждения в Доме писателя выступил Институт современного государственного развития.

Приветственное слово участникам направил председатель Российского книжного союза, председатель Счётной палаты РФ Сергей Степашин, в режиме видеобращения выступили председатель правления Союза писателей России Валерий Ганичев, а также известный писатель и философ Дарио Салас Соммер — один из немногих, награждённых Уэльбеком и Умберто Эко, ныне живущий участник списка «100+».

Отдельной темой обсуждения стала перспектива дальнейшего развития президентского проекта, получившего условное название «100+». Во время круглого стола прозвучали такие предложения, как создание интерактивной библиотеки, чтобы книги стали доступными на мультимедиа-носителях; адаптация списка к потребностям регионов. К примеру, список для петербургской молодёжи можно было бы дополнить произведениями скандинавских авторов, а для Дальнего Востока — книгами китайских и корейских авторов. Участники мероприятия отметили, что президентский список книг является важным шагом к достижению духовного единства и межнационального согласия, осознанию российской молодёжью общечеловеческих ценностей, её вовлечению в мировое культурное пространство.

Давайте дойдём до конца

Валентина РАДИНСКА

Поэт, переводчик. Родилась в городе Сливен в 1951 году. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Автор нескольких поэтических книг.

*Шучу. Хитрю. Заигрываю слишком —
 вчера, сегодня, завтра — не впервой...
 Снег белым красит чёрные домишки,
 молчание, как склад пороховой.*

*Февраль. И ночь. И может быть, с ума я
 схожу или сошла. И потому
 жду: кто-то встанет, суп отодвигая,
 стакан с вином швырнёт в ночную тьму.
 ... Вот скорлупу свою он разбивает —
 и сразу видит этот «кто-нибудь»:
 снег медленный идёт и засыпает
 от человека к человеку путь.
 Он видит: души наши — пылесборник,
 а сытый дом — послушен, как покойник.
 Февраль. И ночь. И может быть, я втрое
 безумнее... но всё же жду в ночи,
 что хоть один среди нас — глаза откроет,
 что хоть один из нас — не промолчит!*

МОНОЛОГ

*В последнем — студёном — трамвае домой
 последней сидишь одиноко,
 и сморщенный профиль царапает твой
 стекло. И январь — у порога.
 Такой и увидит тебя он, как знать, —
 с долгами, с навязчивым кашлем,
 жестоко накормит тебя он опять
 крошкой веры вчерашней.*

*Дай Бог, чтоб тебе это всё превозмочь,
 чтоб жизнь оказалась — добрее!
 Теперь же — звенит одиночеством ночь
 и сердце бросает свой жребий.
 Ты с ним в своём «завтра» копаешься вновь
 и ищешь хоть капельку света,
 но светлое тоже убили давно
 лакеи в тебе и поэты.*

*Не бойтесь. Пока это лишь черновик.
 Свои у души мемуары.
 Но снег сохранит, завершив беловик,
 январские тары да бары...*

Перевод Надежды КОНДАКОВОЙ

ВСЁ

*Вот и выкладывай всё, что имеешь, — вперёд,
 ветошь за ветошь, сырые эти лохмотья,
 каплю за каплей цеди из мертвеющих вод,
 вот и следи за птенцом, что исчезнет в полёте.*

*Прямо на стол — тонкий крест в обрамление свечи,
 детскую дрожь и предсмертные детские хрипы.
 Люминесцентность дыхания марта в ночи
 дезинфицируют снега отвесного скрипы.*

*Всё на столе — и давайте дойдём до конца:
 в эти безмолвные дни отравляющей жизни
 пеплом становишься ты — и не видно лица! —
 в этой до смерти к тебе равнодушной отчизне.
 Всё на столе — даже эти архивы души,
 отяжелевшей от ненависти, от печали.
 Кто на глазах наших родины нашей лишил? —
 сделалась пеплом — а мы, как всегда, промолчали...*

*Вот и выкладывай карты пустые на стол!
 Ветер болгарский — над горсткой болгарского пепла.
 Всё со стола собери — на свой лист и на свой произвол —
 Чтоб уцелеть и спастись среди этого пекла.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Февраль. И ночь. И снег идёт пологий.
 Горит фонарь, чтоб сердце бередило.
 Пусть этот мир к чертям идёт, убогий,
 где мы должны на цыпочках ходить!*

Варна

Как замечательно прадедом быть

Валерий ПЕТРОВ

Родился в 1920 году в Софии. Поэт, прозаик, киносценарист, переводчик, публицист, автор книг для детей и юношества. Академик.

*... Но сегодня напрасно с блокнотом сижу
 И — увя — я не вижу и не нахожу
 Изощренье приёмов, таких неожиданных слов,
 Что всегда выводили стихи из любых тупиков.
 Я, бывало, их юмором гримировала,
 Чтоб на вид жизнерадостным сделался хитрый финал.*

ДЕТСКОЕ

Маленьким барышням Еве, Эмме, Иде и Катерине

*Четыре проказницы
 любят шалить.
 Как замечательно
 прадедом быть!
 Правнучки салочки любят и пряжки,
 песенки, сказки, стихи и загадки.
 С ними такое случается в доме!
 Честное слово — научный феномен
 или, возможно, флюиды текут
 в старость из детства и делают тут
 Бог его знает, какое смещение,
 невероятное столпотворенье.
 Скажем, вчера я заснул, и во сне
 вдруг оказался в волшебной стране;
 еду в карете из тыквы, а феи
 с гномами пляшут в красивой аллее.
 Я разошёлся и вихрем лечу,
 плáчу зачем-то и хохочу.
 Помню свою беззаботность, весёлость,
 вдруг зазрелам воспитательный голос,
 кто-то кричит на меня, старика:
 «Брось баловаться! Получишь шлепка!»*

Перевод Юрия БАРАНОВА

Возможно ли славянское единство?

Панко АНЧЕВ

Критик, историк литературы, публицист, философ. Родился в 1946 г. в Варне. Член Союза болгарских писателей и Болгарского ПЕН-центра. Почётный доктор Литературного института им. А.М. Горького. Ответственный редактор литературно-художественного журнала «Просторы». Живёт в Варне.

В современном проевропейски настроенном болгарском обществе — как мне кажется, и вообще у всех славянских народов — вопрос о том, возможно ли славянское единство в мире постмодернизма, не только не ставится, но и не существует на бытовом уровне. Иногда его осторожно обсуждают в научной среде. Насколько мне известно, в России этот вопрос также практически не исследуется, хотя она и является родиной славянофильства, традиции которого в вашей стране живы до сих пор. В последнее время мир решает исключительно сложные проблемы, испытывает невиданные раньше трудности, но люди в основном предпочитают искать способы и средства, чтобы справиться с мимолетными экономическими и политическими проблемами, а не обращаться к дальней перспективе и заниматься проектами, которые могли бы радикально изменить мировое устройство и порядок — так, чтобы в нём особо важное место заняла этническая, языковая и культурная группа, отличная от англосаксонской. Люди интересуются, как и когда закончится очередной финансовый кризис, до каких пор будет продолжаться мировая гегемония США, какие страны станут новыми геополитическими силами и осями, будет ли побежден терроризм. Очерчиваются иные контуры геополитического пространства, чтобы можно было предугадать новые военные и военно-политические союзы. С последним расширением Европейского союза, в который одновременно вступило сразу несколько славянских стран, интерес славян к будущему славянства и его возможной ведущей роли в мировой политике иссяк. Как будто они раз и навсегда определили свою цивилизационную ориентацию — так считают южные и западные славяне или, по крайней мере, их политические элиты.

Историческая судьба славянских народов и государств, особенно в современную эпоху, заставляет их стремиться к вступлению в уже существующие большие сообщества, но не объединяться друг с другом. В слабом и маленьком государстве, замкнутом на себе самом, нет возможностей для разворачивания масштабных проектов и процессов. Оно не открывает простор для мысли, а сфера влияния и воздействия его культуры ограничена собственными границами. Такое государство остаётся слабым и бессильным, пока не начнёт разрастаться через геополитические союзы и играть более важную роль, будучи их составной частью. Некоторые из этих союзов (например, Европейский союз) хотят стать империей и двигаются по этому пути. Но это, скорее, «предимперские образования», в которых вырывает идея универсальности и формируется сознание «всемирности», о чём говорит Николай Бердяев в своей книге «Судьба России». Современные предимперские образования стремятся прежде всего укрепить гегемонию экономически наиболее развитых государств через сохранение существующей общественно-политической системы, а не создать по-настоящему единое в культурном и цивилизационном отношении государство-империю. Поэтому следует говорить не о предимперском, а о псевдоимперском образовании.

Для южных и западных славян, которые потратили столько общественной энергии и сил, чтобы доказать свою национальную самостоятельность и право на национальное государство, вопрос жизни и смерти — выйти из бедности и военно-политической незащищённости и получить больше благ и безопасности для своего физического существования с помощью великих сил, а не путём объединения друг с другом и с Россией под её руководством. Славяне вели и до сих пор ведут борьбу друг с другом под влиянием тех же самых «великих сил» и из собственных эгоистических интересов (вспомним Сербско-болгарскую войну 1885 г., события в конце XX века в распадающейся Югославии и отношение Болгарии, Чехии и Польши к американским бомбардировкам Белграда). Само славянство не даёт им никаких гарантий неприкосновенности, самобытности и государственной независимости. А также гарантий экономической мощи и материального богатства. И более того: именно общее происхождение, общий язык и духовность они воспринимают как угрозу потери с таким трудом достигнутой политической независимости. Например, в Болгарии есть политические и интеллектуальные круги, которые подогревают страхи: Россия-освободительница будто бы представляет «угрозу», она может «поработить» болгар или поставить их в тяжёлую экономическую и культурную зависимость, пошатнуть их государственный суверенитет, который они бог весть почему считают завоеванным самостоятельно, без чьей-либо помощи и протипия русской крови. Парадоксально, но этот страх иногда охватывает даже убеждённых русофилов. Неслучайно, что из-за этого страха и из чисто политических соображений в Болгарии периодически (прежде всего в периоды экономических или военно-политических кризисов) поднимается вопрос о происхождении болгарского народа, причём значение протоболгарского элемента преувеличивается, а славянским элементом пренебрегают или сводят его к минимуму. Так болгары показывают Европе, что у их государства и нации нет основания надеяться на Россию и быть в орбите её геополитического влияния.

Рационализм, на котором славяне строят свою жизнь в буржуазно-капиталистическую эпоху, притупляет их духовные порывы и сводит всё их существование к понятию пользы, к прагматизму. В некотором смысле можно сказать, что капитализм и буржуазия, со своим эгоизмом и прагматизмом, — убийцы славянства. Они навязывают правила и нормы, которые противоречат славянской духовности (особенно духовности южных и восточных славян). В эпоху модернизма, и особенно постмодернизма, славяне приобрили и продолжают развивать изначально неприущий им, но уже укоренившийся и дающий свои плоды эгоизм, который проявляется чаще всего через агрессивный национализм. Этот эгоизм разделяет славян по национальным, политическим и экономическим признакам, ограничивает одних за счёт других — чаще всего поощряет католиков и протестантов, а наказывает православных (вновь вспомним трагедию косовских сербов, бомбардировки Белграда, международный суд по так называемым преступлениям в Югославии и т.д.). В результате славянский разум превратился во что-то вроде «умной хитрости», раз меткой формулировке Ивана Киреевского. Урон, нанесённый западноевропейским рационализмом и атеизмом славянству, по силе и последствиям можно сравнить с колонизацией народов Америки и Африки и даже с истреблением и ассимиляцией индейцев в США, в процессе которой были почти полностью ликвидированы их культуры и этнические особенности.

Славяне (за исключением русских, белорусов, украинцев и в какой-то мере поляков) не жили в общем государстве после их разделения и расселения в разных странах Европы во время Великого переселения народов. Можно только гадать, почему силы взаимного притяжения между ними не проявились в достаточной степени, из-за чего они разделяются и продолжают быть раздельными и враждебными или безразличными по отношению друг к другу. Они рассеиваются, и если и поддерживают связи друг с другом, то исключительно слабые и непродолжительные. Их окончательное разделение происходит после обособления Восточной и Западной Церквей, и в особенности после схизмы XI века. Неслучайно, что миссия св. равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия не имеет успеха у западных славян, но их учеников принимают славяне южные, и там их дело сохраняется, продолжается и расширяется.

Возможно ли в наши дни, чтобы славянские народы и их государства объединились на основе принципа кровного и культурно-исторического родства, преодолели свои различия и пренебрегли своими экономическими и политическими интересами? Этот вопрос в XIX в. ставил Николай Данилевский, а вслед за ним и славянофилы. Именно славянофильство родило идею нового славянского единства в православно-славянской империи (цивилизации) — но уже в новых условиях и на другом уровне. Цивилизация — это единство схожих черт и родства с сохранением различий в форме проявления этих черт. Народы, входящие в цивилизацию, не одинаковы, но родственны. Они сознают общность своей истории и культуры. Цивилизация формируется под давлением могущественных культур с универсальным характером, которые содержат в себе самые важные характеристики и основные идеи других культур, входящих в данную цивилизацию. Она в каком-то смысле и степени не просто универсализирует, но и нивелирует, смешивает, направляет к одному руслу всю систему ценности. Цивилизация — это котёл, в котором всё это переплавляется в единый неразделимый сплав. Однако этот «сплав» нужно воспринимать как неразделимую общность не столько по роду и крови, сколько по духу. Вопрос только в том, относится ли славяне так друг к другу и возьмут ли они для себя такую судьбу.

Цивилизация создаётся из народов с одинаковой верой и религией. Религия — это некий стержень, вокруг которого группируются все остальные элементы, она служит катализатором процессов. Современные славянские народы секулярны, они находятся вне Церкви и даже атеистичны. Идеология — это временные объединительные силы, которые с изменением обстановки теряют возможность воздействия. Военно-политические и экономические союзы пытаются заменить собой цивилизацию, но, как мы уже сказали, они строятся на чисто экономических и политических принципах, а не на единстве культуры и религии. Из-за этого они обладают конъюнктурным значением и существуют исключительно недолго в масштабе истории. Блестителем и проводником этих идеологий является мировой гегемон, и он (в данном случае — США) в данный момент эффективнее объединяет культуры (к сожалению, только в их «массовой» форме), чем какой бы то ни было межгосударственный союз. Мы видим, как ширится культура американского типа, служащая для развращения, и идеологическая пропаганда американского образа жизни, так называемый американский мечты. Она агрессивна и распространяется по всему миру, обезличивая всё индивидуальное, национальное. И никто не в состоянии противостоять ей. Пусть даже экономический, политический и военный гегемон сменится, американский тип поп-культуры ещё долго будет доминировать в мире и навязывать свой стиль, вектор социального поведения.

Факторов, которые стимулировали бы славянское объединение в наши дни, меньше, чем тех, что действуют против него. Причина — отсутствие религиозного сознания. Такое сознание — единственное, что могло бы объять и выразить смысл славянского единства. Но мы видим, как в последние 20–30 лет действует возрождённое религиозное сознание в мусульманском мире, пусть даже и у него есть свои проблемы. Непреодолимым на настоящий момент препятствием для славянского объединения является всё ещё доминирующее атеистическое-светское сознание, выражаемое правящей политической и интеллектуальной элитой.

Постмодернистский мир выйдет из сегодняшнего экономического кризиса с новым мировым лидером, с новым расположением великих сил и с новыми полюсами европейской и мировой геополитики, но парадигму своего существования существенно не изменит. Система, которая сменит нынешнюю, создаст предпосылки для возникновения новых государственных образований и новой модели их создания и организации, основанной на цивилизационном принципе, т.е. на принципе культурно-исторического типа (по Н. Данилевскому). Это означает, что разные культурно-исторические типы примут на себя функции современных национальных государств и военно-политических и экономических союзов, чтобы организовать входящие в них народы и создать лучшие условия для их гармоничного экономического, культурного и нравственно-развития. Это развитие в сочетании с культурным и родовым своеобразием народов могло бы придать новый смысл их существованию. Славянофильская идея общеславянского объединения в православно-славянской цивилизации могла бы осуществиться в такой новой системе, которая бы преодолела рационализм Ренессанса и Просвещения, отбросила бы атеизм и эгоистический экономический интерес как нравственное мировоззрение и основной мотив общественной жизни и геополитики. Но проблему объединения славян и начертания перед ним исторической цели работать ради нового мирового порядка следует рассматривать в перспективе, а не в качестве возможности для немедленного разрешения. Углублённая разработка будущей модели всеславянского единства «славянского идею» от греха превращения или в империалистическую идеологию, или в нелепую утопию.

Будущее «всеславянское» объединение должно будет решать сложные экономические проблемы новой системы, что тоже будет предметом анализа и исследований. Так идея славянского единства и объединения легче сможет встретить эпоху, в которой она найдёт своё историческое воплощение и оправдает прозрачность своих родоначальников. Единение следует рассматривать только в описанном здесь аспекте. Во всех остальных его проявлениях (в экономике, торговле, политике, дипломатии, культурном сотрудничестве) осуществление его будет проблематично. Православные славянские народы должны осознать единение именно как основу своего цивилизационного будущего и как роль, которую они должны исполнять в мире будущего.

Перевод Максима МАКАРЦЕВА

НАД БЕЛЫМ ЛИСТОМ

*Сел писать. Что с того, что сегодня охота грустить?
 Социальный заказ не позволит того допустить.
 Я обязан приврать и придать жизнерадостный тон,
 Но в стихах не совершю, и опять прорывается он,
 Голос правды о том, что сегодня на сердце лежит,
 Что трепещет во мне, улетает меня и болит.
 Это так. Но как часто выходит в печать
 То, что мне ну никак не хотелось писать.
 Это так — при моём-то искусном пере
 Всё равно правда шапкой горит на воре.
 Мне так хочется всё донести до него,
 До читателя чуткого моего,
 Чтоб он понял всё тайное так, как казалось и мне,
 То, что он, как и я, видел как-то во сне...*

Реактивный ответ

Владимир
Мединский.
Война.
Мифы СССР.
1939 –
1945. – М.:
Олма Медиа
Групп, 2013. –
15 000 экз.

В последние годы многие, как по команде, стали видеть Россию недогосударством с недоисторией. На этом сходятся радикальные либералы, трюкцисты и националисты. Их объединяет желание убрать с политической карты мира это «несчастное» (они любят плакаться!) государство. Всё начинается с покаянного плача по нашей «преступной» истории. И первыми под свист и плевки попадают святые Великой Отечественной.

Против этого пока ещё не официального, но очень модного салонного направления и выступает Владимир Мединский, выпустивший уже не первое издание книги «Война. Мифы СССР».

Не сыскать на белом свете более злопамятных и мстительных оппонентов, чем завзятые модники! Они создают Мединскому репутацию мракобеса, реакционера и шовиниста. Он же защищает идеологический суверенитет России, доказывает, что мы – не мировая помойка и не «страна дураков». В понимании салонной интеллигенции это тяжкий грех, тут пленных не берут, сразу уничтожают. Зато у Мединского есть союзники среди читателей, которые не считают себя слишком стерильными для «грязной» России.

За каждым умозаключением Мединского чувствуется прагматик. Он открыто пишет: я сражаюсь на стороне «наших», против пропаганды, которая уместна где-нибудь в Великобритании, но Россию она разрушает.

Талант популяризатора – большая редкость! Были у нас предвоенные годы Перельман и Рынин, которые увлекательно писали о будущих космических полётах, а потом мальчишки, которые их читали, запустили первый искусственный спутник Земли. Популяризаторы прожуждают, приглашают к дискуссии и осмыслению.

Книга Мединского – реактивная книга. Автор реагирует на выпады и распространённые мифы, парирует клевету, перед которой мы четверть века назад открыли все окна и двери.

Расшатывание героического образа Великой Отечественной – основная задача тех, кто хочет видеть Россию в вечных пьяных покаянных слезах. Вирусы, связанные с дегероизацией войны, разлагают наш организм. «Молотов и Риббентроп поделили Европу», «Гитлер пришёл к власти благодаря Сталину», «СССР вскоромил немецкую военную машину», «Народ не хотел воевать за захватчиками», «Полстара воевало на стороне Гитлера!» А все победы объясняются одним: «Трупам закидали». И прорывами штрафбатов, за которыми шествовали загараотряды. «В штрафбатах сражались эски», «Все военнопленные после освобождения надолго попадали в советские лагеря». Словом, «СССР хуже рейха».

Мединский разбивает такие штампы хладнокровно, деловито, иногда – с юмором. Особенно убедителен анализ предвоенной ситуации: дипломатические игры, предвоенная борьба за индустриализацию, взаимные обязательства СССР и Третьего рейха...

Выводы Мединского удивят тех, кто привык к перестроечным стереотипам: оказывается, Советский Союз переиграл Германию в экономические шахматы. Наши деды отдали меньше, чем сумели взять. Без немецких станков и технологий мы бы не получили уникальную военную промышленность, которая несколько десятилетий нас не подводила.

Книга – не только сборник полезных фактов, но и пример прагматической логики. Единомышленников у автора гораздо больше, а теперь у них есть и система своих аргументов. Для них эта книга – наш ответ всем Керзонам, заграничным и собственным. Ключевое слово – наш.

Ведущая проекта
АРСЕНИЙ ЗАМОСТЬЯНОВ

Самодержавная и верная душа

Пожалуй, не было в истории династии Романовых, 400-летие которой отмечается в этом году, столь недооценённого монарха, как Александр III. К нему прочно пристало клеймо врага реформ, этакого «держиморды на троне». Но справедливо ли такое отношение?

Художник Сергей Зарянок. «Портрет великого князя цесаревича Александра Александровича», 1867 год

Наш собеседник – доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории Александр РЕПНИКОВ.

– Александр Витальевич, кто и зачем создал Александру III репутацию посредственности?

– В дореволюционной России об Александре III выходили книги, написанные в официально-аполитическом духе. В СССР непосредственно про императора книг не было, но историки писали про «контрреформы». В 1990-е годы ситуация меняется. Очерк про императора публикует журнал «Вопросы истории», выходит книга «Неизвестный император», которую написали О. Барковец и А. Крылов-Толстикович, идёт полемика вокруг книг А. Боханова... Обобщающей научной монографии (а не популярной биографии) об Александре III и его эпохе до сих пор нет. Даже серия «ЖЗЛ», выпустив уже вторую биографию Николая II и Александра I, почему-то обошла Александра III стороной.

– Как относились к императору его современники?

– Отзывы современников об императоре различны. Бывший народолюбец Л. Тихомиров, перешедший на монархические позиции, представлял его как живое воплощение качеств, необходимых для идеального государя: «Он был истинный подвижник, носитель идеала... В последние годы своей недолгой жизни он уже победил вся и всех. Весь мир признал его величайшим монархом своего времени. Все народы с доверием смотрели на гегемонию, которая столь очевидно принадлежала ему по праву».

Для консерваторов и русских националистов эта фигура стала своего рода символом. «Явился император Александр III, и всё затихло, всё успокоилось. Этот царь всю свою жизнь отдал своей родине и своему народу... При нём возглас «Россия для русских» громко раздался по всей Руси», – восторгался русский националист П. Ковалевский.

«В лице Александра III Россия впервые после московских царей получила государя с ярким национальным направлением. Даже своим внешним обликом он напоминал их», – вторил ему В. Струганов.

С другой стороны, для знаменитого юриста А. Кони этот император – «бегемот в эпохета», а для художника И. Репина «осёл во всю натуру».

Можно прислушаться к мнению царских чиновников, но и здесь царит разногласие. С. Витте, чьи взгляды ближе к либеральным, восторженно писал, что личность императора была связана «с благами России так, как он их понимал... И его уважал весь мир и вся Россия». А Е. Феоктистов, наоборот, оставил в воспоминаниях об Александре III немало колких слов, утверждая, что хотя он не лишён был «здорового смысла, но умственное его развитие стояло очень низко».

– А когда Александра III стали называть Миротворцем? И насколько точно это отражает дух его царствования?

– По мнению С. Витте, «главнейшая заслуга императора Александра III в том, что он процарствовал тринадцать лет мирно, не имея ни одной войны... Он же дал России эти 13 лет мира и спокойствия не уступками, а справедливой и непоколебимой твёрдостью».

«Мирная передышка» в период правления Александра III, конечно, весьма относительна и выглядит таковой только при сравнении с теми войнами, которые вела Россия при Александре II и тем более при Николае II. Примерно так и период Брежневка кажется относительно стабильным по сравнению с Карибским кризисом, а тем паче – со временем распада СССР.

Однако следует признать, что зёрна многих будущих военных конфликтов были посеяны именно при царе, которого консервативная пресса окрестила Миротворцем. В начале его царствования политика России была связана с укреплением «Союза трёх императоров» – русского, германского, австрийского. Но по мере нарастания недоверия в русско-германских отношениях каждая из сторон стала искать нового союзника.

Пересмотрев традиционную ориентацию на центральноевропейские государства, Россия начинает сближение с Францией. В июле 1891 года в Кронштадт прибывает французская эскадра. Самодержавный император, чувствуя французских гостей, стоя выслушал «Марсельезу» и провозгласил тост за здоровье президента Французской республики. Одновременно состоялись русско-французские переговоры, и в 1891–1892 гг. между двумя государствами были подписаны первые документы о совместных действиях на тот случай, если одной из сторон будет угрожать военная опасность. Ратификация военной конвенции произошла в 1893 г., закрепив антигерманский союз России и Франции. Последствия этого решения сказались во время Первой мировой войны.

– В какой исторической ситуации император принял шапку Мономаха? И в каком состоянии он передавал империю сыну?

– Не без основания К. Победоносцев предупреждал императора при вступлении на трон: «Вам достанется Россия смятённая, расшатанная, сбита с толку, жаждущая, чтобы

на него самого, он мог бы помиловать, «но убийц отца не имеет права простить».

Здесь я хотел бы вопреки модным сегодня веяниям сказать слово в защиту казнённых. Там были яркие и сильные личности – от Перовской и Желябова до Степняка-Кравчинского и Морозова. И нужно понимать, что у них была своя правда. С их позиций можно спорить, но вспомните фразу из «Дуэли» А. Чехова: «Никто не знает настоящей правды».

Народолюбцы не могли поступить иначе, но и власть не могла их помиловать. Да и сомнительно, приняли бы Перовская или Желябов милость от власти, с которой боролись. В этом есть и трагедия революционного движения, когда в борьбе с властью гибли молодые и талантливые люди. Всё тогда зашло слишком далеко. Трагически далеко.

До революции политические силы, оппозиционные власти, в определённых случаях рассматривали радикалов как тех, кто способен выступать в качестве союзников, оказывая давление на власть. «Уступи мне, а не то «он» бросит в тебя бомбу», – такова подпись под рисунком, изображавшим казёта, стремящегося завладеть престолом, и стоявшего на втором плане эсера, державшего бомбу в руках.

Художник Иван Крамской. «Портрет Александра III», 1886 год

итоге восторжествовали над робкими попытками диалога с обществом. Например, «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», утверждённое в августе 1881 года, было введено в действие на три года, но потом продлевалось вплоть до февраля 1917 года. Исползовались провокации и провокаторы, была создана небезызвестная «Добровольная охрана»...

– Что побуждало современников императора поднимать «русский вопрос»?

– С царствованием Александра III связано обращение к выработке некоей «идеологии самодержавия», которую в виде единой концепции так и не смогли (а скорее – не захотели) оформить. Во многом это была именно реакция на политические и экономические перемены. Славянофильская модель не могла быть воспринята властью по той же причине, что и либеральный проект М. Лорис-Меликова. Власть считала, что стране нужны не консервативные, а тем более не либеральные или революционные проекты переустройства, а стабилизация. Но требовались и новые опоры, и их нашли, но не в славянофильских концепциях, а в таком мощном явлении, как русский национализм.

– Как объяснить феномен революционных настроений в России после реформ 1860-х? Ведь во всём мире Россия в те годы стала ассоциироваться с политическим терроризмом...

– Обращу внимание на то, что убийство Александра II определялось в советской пропаганде, как «казнь». Общество ожидало ответных действий от нового императора. В. Соловьёв, выступая перед многочисленной аудиторией, публично призвал нового императора Александра III простить убийц, патетически воскликнув: «Он не может не простить их! Он должен простить их!» Л. Толстой в России на рубеже веков. Но капитализм наслаждался «сверху», и делала это монархическая власть!

Кстати, после убийства С. Кирова возобладала сталинская точка зрения, что «если мы на народолюбцах будем воспитывать наших людей, то воспитаем террористов». Это было воспринято как сигнал к запрету не только народолюбческой, но и вообще народнической проблематики. Разработка истории народничества оказалась под запретом, а некоторые историки, занимавшиеся разработкой этой проблематики, были репрессированы. К слову, сейчас практически не осталось специалистов по народничеству. Изучать революционеров «не модно», но подобный перекос в апологетику контрреволюции только отдаляет нас от осмысления прошлого.

Толстой и Соловьёв не могли в силу своих убеждений поступать иначе. Если бы Толстой не требовал того, что он требовал, то он бы не был Толстым. Но Александр III (а впоследствии – П. Столыпин) не могли идти на компромисс с революционерами. Да и был ли такой компромисс возможен? Перовская, Желябов, Каляев и их сторонники выбрали свой путь.

– То было время бурного развития капитализма в России. А возможно ли самодержавие при капитализме? Ведь усилившиеся буржуа всегда требуют власти...

– Консерваторы, являясь противниками революции, должны были определить отношение к социалистическим моделям. Значительная часть из них, подобно публицисту К. Пасхалову, делала ставку на помещиков, а в буржуазии видела только разрушительную силу. Даже признавая, что «капитализм идёт», консерваторы не всегда были готовы принять его в той форме, в которой он реализовывался в России на рубеже веков. Но капитализм наслаждался «сверху», и делала это монархическая власть!

Отмечая наличие определённой правоты в критике, звучавшей со стороны радикалов, монархисты позиционировали себя как

убеждённые антилибералы и антисоциалисты. Все попытки создания русской национальной либеральной доктрины потерпели фиаско как в теории, так и на практике. Хотя нельзя отрицать стремление некоторых консерваторов к такому идеологическому синтезу. Соединить капитализм и русский национализм будут пытаться позже, уже при Столыпине...

– От эпохи императора Александра III нам осталась архитектура неорусского стиля. Интерес к прошлому Руси возобновлял тогда многих художников. Какова роль императора в развитии этой тенденции?

– Александр III поощрял русское национальное искусство во всех его проявлениях. Показательно в этом отношении исполнение им просьбы П. Чайковского. Композитор просил о выдаче ему заимообразно 3000 рублей с постепенной выплатой. 2 июня 1881 года Александр III написал Победоносцеву: «Посылаю Вам для передачи Чайковскому – 3000 р. Передайте ему, что деньги эти он может мне не возвращать». Чайковского и похороны на личный счёт императора. Отметим, что Александр III открыл движение русской опере, которую прежде задала итальянская. Он «подарил Большой театр» Петербургской консерватории, а Московскую «выделил значительные средства на постройку нового здания».

Император не был равнодушен к живописи, предпочитая жанровые батальную и портретную, выделяя В. Васнецова, И. Репина, В. Поленова, А. Боголюбова, В. и К. Маковских... Кстати, сам Александр III брал уроки живописи у Боголюбова, выписывал для своей библиотеки книги и журналы по искусству, коллекционировал предметы искусства. Император покупал картины художников. Причём он начал заниматься коллекционированием, будучи наследником, а к моменту вступления на престол его коллекция насчитывала 495 полотен и рисунков, 373 из которых являлись произведениями русской школы. К 1894 году коллекция насчитывала уже около 800 полотен, и после смерти императора по указу Николая II значительная часть картин русской школы была передана в открывшийся в Петербурге Русский музей императора Александра III.

Особым вниманием Александра III пользовались Православная церковь и духовенство. 20 мая 1885 года он написал на годичном докладе обер-прокурора Святейшего синода, что с интересом прочёл «о тружениках сибирских, перед которыми преклоняется, поскольку они служат Христу в то время, когда никто их не знает, не слышит о них, да и в голову никому не приходит, через что они проходят». Именно на этих скромных подвижников советовал Александр III обратить внимание московских и петербургских жертвователей. При Александре III было учреждено 13 новых архиерейских кафедр, восстановлены закрытые в предшествующее царствование приходы, восстановлены в Западной Руси церковные братства, построено много новых монастырей и храмов.

По мнению современного историка Ю. Кудриной, «Тринадцать лет пребывания Александра III на престоле оказались чрезвычайно значительными и благотворными для развития культуры».

Но было бы ошибочно представлять царствование Александра III как некую бесконечную череду успехов. Недовольство общественности вызвало ограничение сферы действия суда присяжных и другие изменения судебных уставов. Пожалуй, неоправданно жёсткой была политика Александра III в отношении печати. Ещё в конце августа 1882 года вступили в силу «Временные правила о печати», установившие строгий надзор за изданиями. Впоследствии было издано много специальных циркуляров, очертивших тот круг тем, который нельзя было освещать в печати. По сути, это означало установление жёсткой цензуры. При этом преследовались не только радикальные и либеральные издания («Отечественные записки», «Московский телеграф», «Голос», «Русский курьер», «Дело», «Земство»), но и издания патриотической направленности.

– Вспомним союзников и противников императора – мыслителей, политиков, литераторов...

– Бурлили эмоции! Апология или хула зависели от общественно-политической позиции писавшего или говорившего. Так, по мнению Л. Толстого, государственная деятельность Александра III «разрушила всё то доброе, что стало входить в жизнь при Александре II, и пыталась вернуть Россию к варварству времён нынешнего столетия». Перечислять славословия или ругательства в адрес императора можно до бесконечности, но смысла в этом не будет. Нечто подобное мы видим, например, вокруг фигуры И. Сталина, когда одно его упоминание вызывает проклятия или восторги, но мало кто пытается заняться анализом и отстраниться от эмоций.

Мне видится интересным мнение представителя неославянофильского направления С. Шарапова, который признавал, что Александр III всей душой веровал в самодержавие, но критиковал его отстранение «от соприкосновения с живыми, уже созревшими в земской школе силами страны», которое в итоге привело к торжеству бюрократического начала. В результате «под предлогом борьбы с «крамолою» и охраны священных принципов церкви и самодержавия, и то и другое было почти изувечено. Церковь потеряла всякую духовную силу и обратилась в бюрократическое духовное ведомство с диктатором в лице обер-прокурора Св. синода. Самодержавие было явно расхищено министрами, составившими цепь вокруг благородного и прямодушного государя, и оно не подозреваемого, что творится его именем».

Очень важно понять, что после периода стабилизации должен быть период развития!

СИТУАЦИЯ

Принуждение к жизни

Моего друга детства убили. Из-за жилья. А двумя годами ранее за пьянку его выгнали из армии, где он служил в звании полковника, а жена – из дома. В комнате, на которую позарисовались «чёрные» риелторы и где обретался последнее время, он пропил буквально всё: отдалнные ему родителями холодильники, телевизор, диван, на котором спал, стол, стулья, вилки и ложки, электросчётчик и медные ручки от дверей. А может быть, зря

Алкоголизация российского общества год от года становится острее, в том числе и с криминологической точки зрения. Приведу одну лишь цифру: на каждые десять убийств на бытовой почве приходится девять, совершённых в состоянии алкогольного опьянения. С подростками ещё хуже: 70 процентов из тех, кого задержали за преступления различного характера, находились в состоянии опьянения. Схожие данные можно привести и по грабежам, разбоям, побоям. Однако в более широком социальном плане картина алкоголизации общества выглядит куда тревожнее. Из 2,2 млн. зарегистрированных российских алкоголиков – 500 тыс. запойные, хотя некоторые эксперты эту цифру увеличивают в 6–8 раз. 75–80 тыс. пьяниц ежедневно умирают (это к вопросу об источниках дефицита трудовой силы).

Не лучше картина преступности наркоманов: по данным МВД России, ежегодно они отнимают на улицах ради «дозы» 600–700 тыс. (!) мобильных телефонов у прохожих, будь то ребёнок, женщина или пожилой человек. Продолжать этот мартиролог не стану, но и восстановление ЛТП в том виде и на той законодательной базе, в которых они существовали при советской власти, не поддерживаю.

— В те времена мне неоднократно приходилось бывать и в колониях, и в тюрьмах, и в следственных изоляторах. На их фоне ЛТП смотрелись очень даже неплохо. Достаточно вольный режим, лечебные кабинеты, оборудованные мастерские, специалисты-наркологи, чистые общежития.

— Только давайте без идеализации. Слабые, а точнее, как правило, не исполняемые самой администрацией режимные требования приводили к типичным нарушениям: проносы алкоголя, наркотиков, самовольные отлучки. Но главное – стойкая ремиссия наступала далеко не у всех, кто отбыл в ЛТП положенный срок, хотя эта проблема лежала скорее в плоскости дальнейшей социализации наркоманов и алкоголиков. Роль ЛТП в Советском государстве заключалась в другом: они служили репрессивным механизмом ограждения общества от ведущих аморальный образ жизни маргиналов. Пьёшь, наркоманишь – в ЛТП от шести месяцев до двух лет, вернулся на свободу, ведёшь себя по-прежнему, работать не намерен – обратно за бор. И так по кругу.

Если исходить из соображений советской нерыночной экономики, только то, что за период пребывания в ЛТП зависимые не совершали преступлений, работали на производстве, – уже приносило обществу пользу, не считая самоокупаемости самой системы этих спецучреждений. Помнится, в США горячая попытка внедрить трудотерапию наркоманов по примеру советских ЛТП, но в капиталистическом воплощении: если большой перевыполнял заданную норму, допустим, копка траншеи, то оплата пропорционально повышалась. Вскоре правозащитные организации вынудили работодателей от этой затеи отказаться: наркоманы до того изматывали себя «стахановским» трудом, стараясь заработать по максимуму, напротив позавидно о наркотиках, что возникла реальная опасность причинения вреда здоровью физическим истощением. Так то, чему мы сегодня у Запада пытаемся учиться, нередко берёт истоки в нашем собственном историческом наследии.

— Глава антинаркотического ведомства Виктор Иванов тоже считает, что полностью восстанавливать систему лечебно-трудовых профилакториев советского типа нельзя. Это противоречит обязательству России в Совете Европы. Хотя реанимировать ЛТП в новом качестве необходимо.

— Последний ЛТП закрылся 1 июля 1994 года. И придётся решить немало проблем, если государство вознамерится прибегнуть к своему опыту пусть даже в малой мере. Первая из них – на каких площадях пациентов размещать? Советских ЛТП в 1989 году насчитывалось 314. В каждом разрешалось содержать до тысячи человек. Увы, немалую часть этих ЛТП в течение двух последующих десятилетий просто разорили, растащив то, что годилось в хозяйстве. Какие-то удалось перепрофилировать, например, в

двадцать лет назад в стране ликвидировали лечебно-трудовые профилактории (ЛТП), где лечили принудительно?

С этим вопросом я пришёл к полковнику милиции в отставке, заслуженному сотруднику органов внутренних дел, кандидату юридических наук, эксперту-криминологу международного класса Борису КАЛАЧЁВУ. Темой алкоголизма и наркомании он профессионально занимается свыше 30 лет.

улыбавативно заявляют: ты, брат, отправляйся либо на курсы «добровольного» лечения, либо, извини, в тюрьму. Выбери. Такая альтернатива – устоявшаяся практика в цивилизованном мире.

Глава Нарконтроля Виктор Иванов не раз выступал с инициативой об альтернативном лечении наркоманов, когда зависимому государству предоставляется выбор – лечиться или отбывать наказание. Даже шепетильная в вопросах прав человека руководитель Московской хельсинкской группы Людмила Алексеева эту мысль поддержала: «Это гуманизация и, я бы сказала, вестернизация наркополитики. Это очень важный поворот... Если инициатива ФСКН будет реализована, то я буду двумя руками «за».

— Но полемика не закончена?

— Кроме того, нельзя не задать вопросом о социальном упорядочении жизни зависимых после завершения курса принудительного

лечения. Потянет ли государство такие расходы?

Кроме того, нельзя не задать вопросом о социальном упорядочении жизни зависимых после завершения курса принудительного

лечения. Потянет ли государство такие расходы?

Кроме того, нельзя не задать вопросом о социальном упорядочении жизни зависимых после завершения курса принудительного

лечения. Потянет ли государство такие расходы?

Кроме того, нельзя не задать вопросом о социальном упорядочении жизни зависимых после завершения курса принудительного

лечения. Потянет ли государство такие расходы?

Кроме того, нельзя не задать вопросом о социальном упорядочении жизни зависимых после завершения курса принудительного

лечения. Потянет ли государство такие расходы?

Кроме того, нельзя не задать вопросом о социальном упорядочении жизни зависимых после завершения курса принудительного

лечения. Потянет ли государство такие расходы?

Кроме того, нельзя не задать вопросом о социальном упорядочении жизни зависимых после завершения курса принудительного

лечения. Потянет ли государство такие расходы?

Кроме того, нельзя не задать вопросом о социальном упорядочении жизни зависимых после завершения курса принудительного

лечения. Потянет ли государство такие расходы?

Кроме того, нельзя не задать вопросом о социальном упорядочении жизни зависимых после завершения курса принудительного

лечения. Потянет ли государство такие расходы?

Кроме того, нельзя не задать вопросом о социальном упорядочении жизни зависимых после завершения курса принудительного

лечения. Потянет ли государство такие расходы?

Кроме того, нельзя не задать вопросом о социальном упорядочении жизни зависимых после завершения курса принудительного

лечения. Потянет ли государство такие расходы?

Кроме того, нельзя не задать вопросом о социальном упорядочении жизни зависимых после завершения курса принудительного

лечения. Потянет ли государство такие расходы?

Кроме того, нельзя не задать вопросом о социальном упорядочении жизни зависимых после завершения курса принудительного

лечения. Потянет ли государство такие расходы?

Кроме того, нельзя не задать вопросом о социальном упорядочении жизни зависимых после завершения курса принудительного

лечения. Потянет ли государство такие расходы?

Кроме того, нельзя не задать вопросом о социальном упорядочении жизни зависимых после завершения курса принудительного

лечения. Потянет ли государство такие расходы?

Кроме того, нельзя не задать вопросом о социальном упорядочении жизни зависимых после завершения курса принудительного

лечения. Потянет ли государство такие расходы?

«ЛГ», № 45, 2012
E-mail рубрики – gam@lgz.ru

Почём честь и достоинство?

ство должно доверять этим внутренним убеждениям судей? А если их попросту нет? А если они таковы, что лучше было бы, если б их не было вовсе? А если они меняются ежеминутно?

С высоких трибун и в кино то и дело звучит чеканная формула: «Закон строг, но справедлив!» Но разве это справедливо, если, повторюсь, за доказанные умышленные убийства в Краснодарском крае, Карелии и Брянске назначают разные (очень разные!) сроки наказания? А они должны быть одинаковыми, без вариантов. Как и за другие тяжкие умышленные преступления.

Вот, к примеру, подал прошение о помиловании негодяй, который хладнокровно и обдуманно плеснул в лицо женщине серной кислотой, обезобразив до неузнаваемости и почти лишив её зрения. Получил он два (!) года и уже через восемь месяцев «отсидки» просит о помиловании.

Другой случай. Отец, полковник в отставке, его дочь и зять организовали фирму, которая занималась в том числе и ремонтом домов. Ремонт был сделан в срок и качественно, деньги от заказчика получены сполна. Но поскольку фирма ухитрилась достать строительные материалы вторе дешевле, чем предусматривалось, то более пяти миллионов рублей осталось в пользу шлюхи подрядчиков. Мошенничество? Конечно. Но, положив руку на сердце, скажите: не по таким ли схемам работает сегодня множество фирм и организаций? Кстати, плодыми своей предприимчивости «злодеи» воспользоваться не успели – конкуренты «настучали» вовремя. За эту аферу глава фирмы получил шесть лет, его зять – пять с половиной, дочь – на год меньше.

Так вот, с точки зрения рядового обывателя (а ведь именно во благо обывателям, составляющим общество, и вершится правосудие в стране), злодей с серной кислотой в руках заслужил гораздо более жёсткое наказание, а несчастные «фирмаши» – гораздо более лёгкое, вплоть до условного! Так, как я, думаю очень многие. Да что там – подавляющее большинство! Которое, кстати говоря, чуть ли не каждый день слышит о чиновниках высокого ранга, ворующих государственные деньги миллиардами и отдающих их с лёгким испугом и комфортным домашним арестом.

По «Русской правде» князя Ярослава Мудрого за каждый род преступлений полагалось абсолютно точное наказа-

ние – без всяких там шалящих «вилков» и «внутренних убеждений судьи». Вот и в нашем Уголовном кодексе за умышленные убийства, изнасилования, грабежи, преступления против детей и прочие тяжкие преступления против личности вместо лукавых «от» и «до» должны повисеть суровые неизменные цифры!

Кстати, по той же «Русской правде» оскорбить публично боярыню всем известным аналогом слова «распутница» стоило преступнику втрое дороже, чем убийство смерда. Оставим количество выплачиваемых по суду гривен на советские киевского князя и его присных. Несомненно одно: даже почти тысячу лет назад защита чести и достоинства подданных для государства была делом очень важным. А что сегодня?

Вот выиграл я, к примеру, недавно дело против одного вредного графоманской газеты. Иск о защите чести и достоинства удовлетворён полностью, а в качестве моральной компенсации с двух учредителей газеты, один из которых по совместительству и её редактор, и автора оскорбительного опуса велено извлекать солидарно аж 15 тысяч рублей! Разве это деньги для продажного издания, специализирующегося на заказном обливании грязью! Вот и куржится газета печатно над решением суда и подсчитывает, сколько истец мог бы купить на эту ничтожную сумму унитазов, вантузов, туалетной бумаги. За этот бред газета оштрафована решением мирового судьи, но всё равно не уменьшается. А виной тому – мизерная сумма моральной компенсации! А ну как была бы она в десять и более раз солиднее?

Знающие люди говорят, что мне ещё повезло – обычно хулиганьи отделываются дежурной «пятишницей». А почему, собственно говоря? Почему честь и достоинство граждан нашей страны опять-таки отданы на откуп «внутренним убеждениям судьи»? Я без всяких колебаний и сомнений вписал бы в УК РФ, что за доказанные факты публичного унижения чести и достоинства полагается моральная компенсация в миллион рублей! Такого моё стойкое внутреннее убеждение.

А ваше?

Юрий ЩЕРБАКОВ,
сбор «ЛГ»,
АСТРАХАНЬ

ИТАР-ТАСС

Вклад «Пенсионный Дачный»

Для активных пенсионеров!

Минимальный взнос – 10 000 руб.!

Срок – 6 или 12 месяцев!

Возможны пополнение вклада и частичное снятие!

ПОДАРОК ВСЕМ ВКЛАДЧИКАМ

от 100 000 руб. – УТЮГ или ТОНОМЕТР, РАДИОТЕЛЕФОН!

от 300 000 руб. – САДОВЫЙ ПЫЛЕСОС или МУЛЬТИВАРКА, ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА!

от 500 000 руб. – ТЕЛЕВИЗОР или СМАРТФОН, ГАЗОКОСИЛКА, БЕНЗОПИЛА!

от 1 000 000 руб. – ПЛАНШЕТ или НЕТБУК!

12%*

8(495) 710-70-72

Вклады застрахованы

Система Страхования Вкладов

www.antalbank.ru

*Возможно пополнение вклада не позднее, чем за 30 календарных дней до истечения срока договора вклада; вклад можно открыть на 6 или 12 месяцев; сумма вклада не ограничена; на срок 6 месяцев ставка по вкладу – 10,5% годовых, при размещении на 12 месяцев: 11 месяцев – 11,2% годовых, а за 12-й полный месяц Банк начисляет проценты из расчета 12% годовых; возможно частичное разовое снятие средств со вклада без потери начисленных процентов, в размере, не превышающем 30% от суммы вклада; клиент может открыть вклад либо с ежемесячной капитализацией и получением всех начисленных средств со вклада без потери начисленных процентов в конце срока, либо с возможностью получения процентов ежемесячно, путем их перечисления на текущий счет/счет вклада «До востребования». Акция действует с 20.02.13 г. по 31.03.13 г. Подробная информация об организаторе акции, правилах проведения, количестве подарков, сроках, месте и порядке их получения – на сайте КБ «Анталбанк» ООО: www.antalbank.ru. Лицензия № 3115 ЦБ РФ. Реклама.

Беседу вел Игорь МАЙМИСТОВ,
обозреватель «ЛГ»

ДЕНЬ ПОЭЗИИ В «ЛГ»

Счастливым нарушителем

Что я чувствую после выхода альманаха «День поэзии – 2012»? Честно признаюсь: чувства смешанные. К счастью, разочарования нет. Есть осознание сделанного, а оно, в свою очередь, даёт повод к размышлениям.

Правда, остаётся ещё чувство благодарности. Прежде всего коллегам по альманаху и моему родному «подъёмовскому» коллективу – за их сверхурочный трудовой энтузиазм, за этот беспрецедентный восьмимесячный марафон. Вот и не верь после этого, что поэзия – это воздушное, тонкое, изящное творение человеческого духа – и есть самый тяжкий физический труд на свете.

А ещё я благодарен моим дорогим землякам-воронежцам. В день презентации альманаха их столько собралось в конференц-зале любимой Никитинки (Воронежская областная универсальная публичная библиотека им. И.С. Никитина), что мне в те минуты вдруг вспомнились далёкие 70-е. Тогда на университетские вечера поэзии народ буквально ломился в актовыв зал Воронежского университета, чтобы послушать своих поэтов и посмотреть на московских.

И вот спустя десятилетия у воронежских ценителей поэзии выпала редкая возможность живую видеть и слышать авторов сразу двух столиц: из Москвы и Санкт-Петербурга.

Слава богу, уровень подтверждён, статусность сохранена, традиции не потеряны. Патриархи мирно соседствуют с новым поколением, «средний поэтический класс», коих большинство в альманахе, выглядят удачными молодцами с осознанием того, что они-то и определяют сегодняшнее состояние и направление отечественной поэзии. Насколько они перешагнули из современной действительности в заманчивые дали вечного, какое место займёт поэзия начала нашего века в исторических ранжирях русской поэзии в дне завтрашнем, вопрос, конечно, интересный, но не зависящий от нашего желания. Однозначно: российская поэзия жива. Вопреки всему.

Этого достаточно для выпускающего главного редактора альманаха, чтобы чувствовать себя удовлетворённым. Что я, собственно, и делаю. Но... пару пометок на полях «Дня поэзии» про запас приберёг.

Конечно же, появление в 2006 году возрождённого «Дня поэзии», скорее, исключение из правил, чем само правило. Его выпуск мне напоминает езду под запрещающий знак, образно именуемый в народе «кирпичом»: дорога есть, ехать в принципе можно, но движение

в этом направлении осуществляется только в особых случаях.

Почему так – постараюсь пояснить. В официальной жизни государства сегодня единой литературы нет. И нет единого литературного процесса: он закольцован в региональных магистралях. Регионализация в нынешней России средни ухабам. Они отчётливо видны в литературе, в культурной и духовной жизни, в экономической и социальной сферах. Даже в правовом пространстве. Федеральный центр заключает соглашения с регионами, регионы – с муниципальными территориями о передаче полномочий. Но если какую-то часть социально-экономических забот страны и можно переложить с одного плеча на другое, например, училище или детский дом, завод или больницу, то как переложить культуру народа, его вековые традиции, быт и нравы, песни и обычаи, сказки и поверья? Точно так же не переложить с одного плеча на другое и литературу как составную часть нашей великой культуры.

Но, оказывается, это возможно, если забыть об этом совсем.

Несколько лет назад мне довелось знакомиться с отчётом Министерства культуры РФ за очередной календарный год. Почти девяносто машинописных страниц. Целый калейдоскоп мероприятий, графиков, программ и цифр. Были там отчёты и планы по развитию всего спектра отечественной культуры и искусства. В двух или трёх местах упоминался даже классик русской литературы А.П. Чехов. Правда, исключительно в контексте театральных постановок. И всё! Поэтом правильной говорить о наличии литературы столичной и, например, воронежской, липецкой, тамбовской, курской и т.д. Даже о литературе Черноземья сказать не решаюсь: будет преувеличением. Это раньше говорили о литературе Дона, Кубани, Урала, Сибири, национальных республик как основе единой советской литературы. Нынешняя местная литература – не основа литературы столичной: очень разные в сути понятия.

Вот и получается, что регионализированный литературный процесс представляет собой дорогу с односторонним движением. Из столицы проезд свободный, хотя бы потому, что продукт писательский – книга – доставляется на продажу в регионы, а обратно – пресловутый жирный «кирпич», оповещающий, что движение запрещено! Попробуйте предложить книгу писателя из глубинки для продажи в столице – в лучшем случае вам вежливо откажут.

Выпуск альманаха «День поэзии» на базе воронежского литературно-художественного журнала «Подъём» (кстати, одного из старейших в России – в январе 2013 года ему исполнилось 82 года) и стал своеобразной ездой под «кирпич». А сам я ощутил себя в роли счастливого нарушителя, потому как другого пути к намеченной цели пока не предвидится.

По доброй и недоброй воле Воронеж стал родиной военно-морской славы России при Петре I, а позднее – неотъемлемой частью литературно-поэтической истории.

Этим нельзя не гордиться. И в этом видится мне высшее предназначение. Возрождённый альманах «День поэзии» неслучайно связан с Воронежем.

Вдруг да и наступят благословенные времена, когда на пути «литературного дорожного движения» уберут за ненадобностью этот непопулярный в народе знак, запрещающий движение в обе стороны, а воронежский опыт по выпуску альманаха «День поэзии» наконец-то откроет столь долгожданное движение литературного процесса из провинции в столицу.

Иван ЩЕЛОКОВ,
главный редактор журнала
«Подъём» (Воронеж),
выпускающий главный редактор
альманаха «День поэзии – 2012»

Спасение – в Заветах

Совсем недавно мне повезло. Приобрёл по объявлению в Интернете четыре хорошо сохранившихся альманаха «День поэзии» за 60-е годы прошлого века. Для современной прагматической молодёжи они почти ничего не значат, а для меня имеют свою материальную, а главное – духовную цену.

С чувством глубокой ностальгической нежности я подхожу к книжной полке, почти до конца занятой этим уникальным изданием. Вот самый первый, огромного формата с типографскими факсимиле авторов на красной амбарной обложке. (Говорят, что у половины издания обложка была синей.) Вот – последний, до вынужденного перерыва в серии, вышедший в трагический переломный для России 1990 год, с портретом Анны Ахматовой на обложке. Теперь к ним прибавятся ещё четыре. Особенно привлекательным кажется вон тот – за 1965 год, с обложками новых книг авторов, составляющих «костяк» альманаха. Константин Симонов, Юлия Друнина, Леонид Мартынов, Михаил Светлов, Ярослав Смеляков, Александр Межиров... Какие имена. Гор-

дость нашей поэзии! А главное, «все ещё живы, все ещё живы, все ещё живы», как поётся в замечательном «Довоенном вальсе» на стихи Феликса Лаубе, который, конечно, был больше чем просто поэт-песенник.

Удивительно, что в альманахе довольно слабо представлены входившие тогда в «зенит славы» шестидесятники и, несомненно, тоже шестидесятники, но находящиеся как бы по другую сторону «межи» – между западниками и славянофилами – истоки которой лежат аж в XIX веке и которая сумела дотянуться до наших дней. С одной стороны, молодой тогда Евгений Евтушенко, с другой – Владимир Фирсов.

А ведь в предыдущих выпусках стихи молодёжи печатались более широко. Что это – отражение брутальной личности главного редактора Василия Фёдорова? Теперь уже вряд ли кто ответит...

Но, наверное, не остались обделёнными признательностью читателей 1965 года и почти забытые ныне Николай Браун, Александр Коваль-Волков и многие-многие другие. В своё время они были известными поэтами (большинство из них по праву), но

шагнуть к потомкам им, несомненно, поспособствовал «День поэзии», где они печатались рядом с уже упоминавшимися корифеями слова.

И это только один номер альманаха, а выходили они ежегодно в период с 1956 года. И каждый новый номер был вкладом в историю литературы нашей великой Родины.

Новые «Дни поэзии», возрождённые в 2006 году усилиями Минкультуры России и ассоциации «Лермонтовское наследие», не отличаются в принципе от своих старших собратьев. Составляя их в духе «здорового консерватизма», мы – редсовет – пытались сделать всё, чтобы не показать уровень снижения отечественной поэзии. Пока ещё написанных строк поэтов так называемого послевоенного ренессанса и следующие за ними в плотную поколений хватает для добротного уровня сборников. Пока ещё можно утешать себя расхожей фразой, что «в России существует не кризис поэзии, а кризис её восприятия». Но бездуховные годы не могли не сказаться на поэтическом генофонде. И всё же, всё же есть и другая, как, мне кажется

истина – «Поэзия, как и молитва, обращена к душе и к духу, отсюда её беспомощная наивность на фоне плотского мира и... бессмертная неуязвимость!». Хотелось бы верить. И если уж мы перешли к некоей религиозной риторике, то будем считать выпуски альманахов до 1990 года – Старым поэтическим Заветом, выходящие после 2006 года – Новым Заветом. Как известно, Заветы эти составляют «Книгу Книг». И в них спасение, то есть приобщение к божественной (а в нашем случае к литературной жизни), относится не только к индивидууму, но и к народу в целом.

А настоящий поэт, «как аккумулятор совести поколения», должен этому способствовать. Кстати, как и альманах «День поэзии», «чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла!».

Андрей ШАЦКОВ,
креативный главный редактор
альманаха «День поэзии – XXI век.
2012 год»

Владимир КОСТРОВ,
МОСКВА

Ну, наконец, жара решила кончиться,
Давящая, сводящая с ума.
Как белый гусь на лапах перепончатых,
Скользит по льду пушистая зима.
И в городе вдруг стало, как за городом,
И торфяная кончилась шуга,
Как будто бы я вызвал помощь скорую,
И в дворик наш приехала пурга.
И прописала грусть из сердца вывинтить,
И обуев подходящую обувь.
Свою тоску морозным ветром выветрить
И лёгкие забытые продуть.
И выдыхать букетом бело-розовым,
И вернуть в предстоящую судьбу,
И подмести бы веником берёзовым
Страну, как деревенскую избу.

Евгений ЕВТУШЕНКО,
МОСКВА

Вспоминаю счастья и расплаты все
после стольких пережитых лет,
что же предстоит ещё –
расплакаться
или улыбнуться напоследок?

Разве было кем-нибудь доказано:
жизнь – она страшна иль хороша?
И была ли до конца доказана
хоть одна ушедшая душа?

Наталья ГРАНЦЕВА,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Прекрасно пространство
в небесной пыли,
Матери тёмной полёт.
Ах, если б бесплотное видеть могли
Прозревшие камень и лёд.
Но вырвана с корнем из века душа –
Любовного зренья оплат.

В себе, как в трясине, погрязли юнцы,
А старцы впадают в бьёмом.
И жизнью повторной князя мертвецы
За круглым хрустальным столом.
И времени дом без судьбы и лица
Уже предназначен на слом.

Его окружал удивительный сад,
Увитый цветами забор.
Над ним ястребинный пернатый отряд
Держал дымотканый шатёр.
Но сльези фундамент кислот льявуны
И солнце ушло за бузур.

Вселился распад в плотоядную тьму,
И вещи дышат не хотят.
Не стоит прощаться схватившим суму,
Бегущим вперёд и назад,
Забывшим об органах чувств неземных,
Узнавшим, как мысли смердят.

Планета Нибиру пылает вдали,
Огонь нападает на лес.
Вплывают на сушу моря, корабли
И небо нисходит к небес.
И зеркало духа стирает следы
Того, кто бесшумно исчез.

Леонид КОЛГАНОВ,
КИРЬЯТ-ГАТ, ИЗРАИЛЬ

ОБРАТНО НА МОСКВУ

Гуляет ветер без пропуски,
Словно Цветаева в Москве,
Нет у него родных и близких –
И лишь одной плакун-траве

Он может вылакать в печали
Свои бездомные глаза,
Печаль – что черти накачали,
Блестит, как Божия роса!

Стоит тоска в глазах сиротства,
И ночь бредёт без Рождества,
И пепел моего изгойства
Кружит, не помнящий родства!

Кружит, прорвавши все пространства,
Словно шальной метеорит,
Как будто пепел самозванца –
Обратно на Москву летит!

Александр ГЕРАСИМОВ,
ПОДОЛЬСК, Московская область

В деревенском домике ходиков нет,
Телефон звонит через раз.
И комода нет, где слоны на обед
Всемером, из фарфора, уходят с глаз...

В этом доме уже редко топится печь,
Покосилась от лет стена...
И калитку крапива спешит стеречь,
Отзываясь на «крапива».

Этот домик – внешне – почти аскет,
Но внутри имеется быт-уют.
Там дубовый паркет положил мой дед,
А под крышей ласточки гнезда вьют.

Чуть пониже, в овраге,
журчит родник,
И бобры прибрежный грызут ивняк.
А чуть дальше, если идти напрямик,
На развалинах церкви – релей-сорняк.

И всё реже в деревне кричит петух.
И всё меньше в деревне жилых домов.
Так, увы, выдыхается русский дух,
Прирастая крестами в гробах холмов...

Но упорно я еду косить траву
И цементом править стены уклон.
Я потом, конечно, как все, умру,
Но родник очисти и справлю дом.

Дмитрий МИЗГУЛИН,
ХАНТЫ-МАНСКИЙС

Застыл на распутье – не знаешь,
Проблемы – куда ни пойдёшь:
Налево – коня потеряешь,
Направо – любовь обретёшь...
Но ты молодой и упрямый,
Уверенно выбрал свой путь,
Решаешь – всё прямо и прямо
Вперёд – ни на шаг не свернуть!
Ни недруга рядом, ни друга,
Молчанье – зови не зови.
В тумане промозглом округа,
И нет ни коня, ни любви...
И нет ни привала, ни кровя,
И нет ни покровышки, ни дна.
Тебе лишь дорога – основа,
Тебе только вечность дана.
И дали, туманные дали,
Где края достигнешь едва ли...

Евгений ЛЕСИН,
МОСКВА

Обманут, предан, разуверен,
Унижен собственным ребром,
Смотри: лишь только в ноосфере
Зло соревнуется с добром.

Пока за нас все силы света,
А против нас все силы тьмы,
Одно лишь нужно от поэта:
Смуцать тревожные умы.

Ребро своё, да больно лихо.
И ничего не запало.
В раю тепло, темно и тихо.
В аду и шумно, и светло.

В аду все явно не чужие.
В раю и пикнуть не с руки.
В раю – лишь дети да больные,
В аду – сплошные старики.

А тут опять, живой и подлый,
Открыл в ноге, и живот,
Капризный, лживый и холодный,
Шашлык на рёбрышках идёт.

Светлана КЕКОВА,
(САРАТОВ)

БОЖИЯ КОРОВКА

Р.И.
Лист кленовый в виде заоловка
прячется в осеннем оневишке.
Ищет молча божия коровка
крошки хлеба на твоей руке.

Девочка, принцесса Навзикая,
медленно старается ползти
по твоей руке, пересекая
длинный след от Млечного Пути.

И потоком слёз благословенных
льются листья цвета янтара:
мир охвачен пламенем мгновением
в первой половине октября.

Я слежу, дрожа и замирая,
за коровкой божьей, чтоб опять
на твоей руке в преддверье рая
лёгкий след её поцеловать

Мargarита ШУВАЛОВА,
НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Смелее солнце, даль светлее,
и слёзы вешние зимы
ещё ошутимей и сильнее
душу восприимчивее мы.

Так это близко и знакомо
из года в год, из века в век:
бегут ручьи, бежит из дома
весне навстречу человек.

А может быть, мечте навстречу,
той самой, что давненько ждёт.
Весна – всегда любви предтеча
из века в век, из года в год.

Всё не обнять счастливым взглядом
и всех желаний не испить,
но под весенним светопадом
любовью нужно петь и жить!

Геннадий КАЛАШНИКОВ,
МОСКВА

Вдоль по обочине грязь брильянты,
мёрзлых полей дымотканых холстина,
солнца сквозь облако, как у Рембрандта
крепкая пятка блудного сына.

Манят поля, эти пахоты, просеки,
красный, немного всплакувший суглинок,
венецианские синие проблески
с охрой голландской, фламандским
кармином.

Было легко и с водою проточною,
с ветром от стужи сугулём и пьяным.
Время струилось часами песочными,
жизнь прощурала по колбам
стеклянным.

Всё позади – и вокзалы и палубы,
ули костров и остывшие клятевы,
на горизонте леса словно жалобы –
так же случайны и так же невятные.

В общем, ни прибыло жизни, ни убыло,
да и неважно, чуть больше, чуть меньше,
чтобы в хламиду отцовскую грубую
крепко уткнуться лицом помокревшим.

В гостях у Лермонтова

В день весеннего равноденствия в подмосковной родовой лермонтовской усадьбе «Середниково» традиционно собрались поэты. Состоялась презентация очередного альманаха «День поэзии – 2012». В числе выступавших – критик Лев Аннинский, гости из Санкт-Петербурга – Мария Инге-Вечтомова, Владимир Хохлев и Андрей Романов, поэт из Иркутска Владимир Скиф, Александр Климов-Южин, Надежда Кондакова, Валентина Коростелёва, Валентин Резник, Виктор Широков, Владимир Тепляков, Александр Асанов, Виктор Киришин... Поэтическую часть вечера провёл Сергей Мнацаканян.

На встрече были вручены памятные знаки. Андрей Шацков вручил орден «Рус-

Александр АСАНОВ

Соб. инф.

Совместный проект «ЛГ» и Ханты-Мансийского банка

ФОЛЬКЛОР

Метеоритные частушки

После того как в небе над Челябинском взорвался крупный метеорит, сотни людей были вынуждены вставлять новые оконные стёкла вместо вылетевших. Чтобы им веселее работалось, местные поэты Валерий АНТОНОВ и Валерий РЕВЯКИН сочинили частушки на злобу дня и залиvisto пели их, рассказывая по городу с гармошкой.

*Астероид мы встречали
Хлебом-солью на вокзале,
Гость куда-то торопился —
Прямо в небе развалился!*

*Я всю ночь не спала
Будто восточку ждала —
Служит милый в ПВО,
Может, мне пришлёт чего?*

*Что-то в небе взорвалось,
А затем всё затряслось,
Думала — закончен свет,
Это космос шлёт привет!*

*Строила я дом элитный,
Выпал дождь метеоритный,
Я хотела дом повыше,
А теперь живу без крыши.*

*Милый в озеро упал,
Как блаженный заорал:
«Метеор я... буль-буль-буль!
Где тут город Чебаркуль?»*

*День стекольщика —
наш праздник:
Кто без стёкол —
тот участник!
Привлекли мы спонсора
Аккурат из космоса.*

*Вот не ждали, не гадали
Наши люди на Урале,
Что весь мир заговорит,
Как мы встретили болид.*

Жизнь так сложна, что без смеха не разобраться

ГЕННАДИЙ МАЛКИН

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ

СТЕНОГРАММА

выступления генерала ГИБДД
перед сотрудниками

Буду краток. Сами знаете: наша служба как опасна, так и трудна. Поэтому наверху проявили высший гуманизм и нас разогнали. Но не совсем. В общем, написали к Министерству сельского хозяйства. Всем всё ясно? Значит, слушайте приказ на завтра. Палки сдадите, чтобы дров не ломать. Радары пока оставьте — будете измерять, с какой скоростью пшеница растёт. Мигалки снимаем и переставляем на трактора. Нас теперь на полях много будет, так что если кто заторопится план выполнить, будет мигалку включать, чтобы пропустили. Форму не менять, а вот свои жёлтые накладки уберете, не то в подсолнечнике потеряетесь — вы же без светофоров, как дети.

Кто будет в коровнике работать, к коровам сзади не подходить. С вас станется: пойдёте по привычке багажник досматривать.

Зарплата какая? Ну, скажем, зарплата такая, что вы её даже не заметите. Так что тут ваша новая работа от старой ничем отличаться не будет.

Но различия, конечно, имеются. Доить теперь будете не водителей, а коров. И, что характерно, коровы вам за это будут благодарны. То, что надоили, так же будете сдавать, как и раньше.

Да, чуть не забыл. Не надо останавливать быка, если он летит на красный.

А что это вы все зелёные? Испугались? Ладно, пошутил я, первое апреля сегодня. Так что идите, работайте. Но не забывайте, что о вас помнят!

Стенографировал
Виталий БУДЁННЫЙ, ВОРОНЕЖ

ИЗ ЗАТЯЖИВЫХ КНИЖЕК

«МАСЛЯТ ПО ОСЕНИ СЧИТАЮТ»

* Из заводской трубы валил такой белый дым, будто там избрали папу римского.

* Он этот морковный сок не только пьёт — ванны из него принимает.

* Завоевав на конкурсе «Золотой Орфей» в Варне Гран-при, певица Мария Пахоменко была на седьмом небе от счастья. Она тут же позвонила в Москву, в Министерство культуры, сотруднику, который и посылал её на фестиваль. Выслушав восторженную речь певицы, тот раздражённо сказал: — Да что ты заладила: Гран-при, Гран-при! А где первое место?..

* Если Россия не родина слонов, то по крайней мере родина мамонтов.

* В ботаническом саду. — А это традиция. Она цветёт до обеда, потом закрывается. Один из экскурсантов спрашивает: — Есть ли такие цветы, которые до обеда спят, а потом раскрываются? — Только наш буфет.

* — Вчера я зашёл к своей новой любовнице. Выпили малость и только собрались завалиться в койку, как неожиданно возвращается из командировки... — Муж?! — Хуже — внук!

* Адвокат: Обвинители хотят сделать из моего подопечного козла отпущения... Подсудимый: А за козла ответишь.

* Раньше в деревнях при звуках набата люди хватали ведра с водой и бежали гасить пожар. Сейчас при пожаре хватают мобильники и бегут его фотографировать.

* В деревенском магазине, отвечая на мой вопрос, есть ли негазированная минеральная вода, продавщица фыркнула: — Может, вы ещё и шампанское без газа захотите?!

* Какой мобильник разума угас...

* За лето Мария Васильевна насолела много грибов. К концу сезона принялась аккуратно ставить все банки в погреб. Глядя на её возню, Иван Андреевич меланхолично заметил: — Маслят по осени считают.

* Когда у кого-либо из сотрудников был день рождения или что-нибудь в этом роде, Иван Андреевич перед уходом на работу предупреждал жену: — Сегодня вернусь домой на бровях.

* Пластический хирург говорит женщине, обратившейся к нему с просьбой исправить ей нос: — Носы — это не мой профиль.

* — Не узнал — богатой будешь. — Нет, дружок. Эта пластическая операция, из-за которой ты меня не узнал, столько стоила, что богатой уже не буду.

Александр ХОРТ

ЧИТАЛКА

Даже у самого фанатичного поклонника юриспруденции язык не повернётся сказать, что Уголовный кодекс РФ представляет собой увлекательное чтение. «А почему такой важный нормативный акт должен быть скучным?» — подумал в один прекрасный день художник-карикурист Алексей Меринов и решил проиллюстрировать с присущим ему остроумием практически каждую статью свода законов о правонарушениях. Так получилась новая книга, которая незаметно называется «Уголовный кодекс Российской Федерации в рисунках Алексея Меринова» (М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013, вес около двух кило).

Ранее А. Меринов выпускал подобные сборники дважды (1997, 2003), но с чёрно-белыми иллюстрациями. Сейчас же книга играет всеми красками радуги. А главное — помимо информационной ценности обладает мощным профилактическим действием, способствуя оздоровлению нашего общества. Если человек знает, что за правонарушение ему могут не только припаять срок, но он и вдобавок станет объектом насмешки А. Меринова, тут и преступление совершать не захочется.

Художник любезно предоставил «Клубу ДС» право напечатать несколько его рисунков. Смотрите Меринова в законе!

Атас, братва:
Меринов рисует

МИКРОТРОЗА

Рассказы

Немец Карл Маркс и русский Иван Тургенев родились в один и тот же год. Когда пришла старость, они и умерли, не сговариваясь, почти одновременно.

Их никто никогда не представлял друг другу.

В 1874 году они синхронно прибыли в волшебные Карлины Вары.

В тумане ходили к источнику пить целебные воды.

Из пансионата «Германия» вышагивал солидный, слегка грузный Маркс. Борода в лёгкой измороси.

А из дома напротив, из отеля «Английский король», нервически выбегал высокий стремительный Тургенев.

Они поглядывали друг на друга.

«Завидный темперамент», — думал о Тургеневе Маркс и окунал полнокровные горячие губы в солёную водичку.

«Вот здоровяк! Должно быть, немецкий лавочник», — мельком мыслил Иван Сергеевич и опускал свою серебристую бороду в источник.

Они и не догадывались, два курортника, что через сто лет их полные собрания сочинений будут вперемешку стоять на моей книжной полке.

Том Тургенева, том Маркса, том Тургенева, том Маркса...

Всё приотливо смешалось в этой вселенной.

Николай ЯКИМЧУК,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

30 МИНУС

(Подражание Г. Остеру)

Если в магазин собрался совершить солидный шопинг
И уходишь из квартиры, захватив с собой рюкзак,
Не забудь включить все лампы — электричества не жалко,
И приборы из розетки вынимать не должен ты.
Пусть работают все сразу, у страны ресурсов много,
Можно даже в ванной краны все на полную открыть.
Не забудь про сигареты — задыми подъезд соседям,
В чистоту всей атмосферы ты внесёшь свой ценный вклад.

Никаких велосипедов — только мощная машина,
Ведь тебе до магазина — целых пять минут пути.
Пусть выбрасывает в воздух газовых выхлопных побольше,
И бензина очень много потребляет пусть она.
Захвати из дома мусор, разбросай всё по дороге,
Всё равно с утра твой дворник подметёт и уберёт.
И деревьев по дороге поломать немного можешь,
Кислород тебе не нужен, обойдётся как-нибудь.

В магазине первым делом требуй много упаковки,
А не то бактерий прорву на продуктах унесёшь.
Покупай продуктов много — не останешься голодным,
Пусть испортятся остатки — есть для мусора ведро.
Накупил товаров на год — смело продвигайся к кассе
И не вздумай те пакеты разлагать брать.
Вот теперь ты можешь гордо хламом завалить квартиру.
Холодильник от продуктов громко пусть трещит по швам.

Если в этом упражнении ты клянёшься ежедневно,
Или даже раз в неделю будешь так же поступать,
То тогда уверен будешь, что потомкам ты оставишь
К хламу своему в придачу свой огромный экослед!

МАРГАРИТА ПУХОВА,
24 года, МУРМАНСК